

АЛЕКСАНДР АФАНАСЬЕВ

МИФЛОГИЯ КАТАСТРОФ

ББК 63.3 (0)
А 94

Серия «Грани нашего мира» основана в 2001 году

Афанасьев А. Ю.
А 94 Мифология катастроф. — М.: ООО «АиФ Принт»,
2003. — 264 с.: ил. — (Серия «Грани нашего мира»).
ISBN 5-94736-040-3

Древняя мифология полна тайн. Особенно захватывающей является загадка всемирного свода легенд о потопе, наиболее интересные версии которого известны всем: библейское предание о Всемирном потопе, платоновский миф об Атлантиде, русское сказание о граде Китеже.

«Мифология катастроф» — не первая книга на данную тему, но оригинальность ее в том, что эти легенды связаны общностью происхождения и развития, наглядно демонстрируют процесс рождения, эволюции и смерти развившегося из единого корня и превратившегося в гигантское древо великого мифа о потопе. В новом свете увидятся и по-новому зазвучат хорошо известные библейские, греческие, индийские, русские мифы и предания.

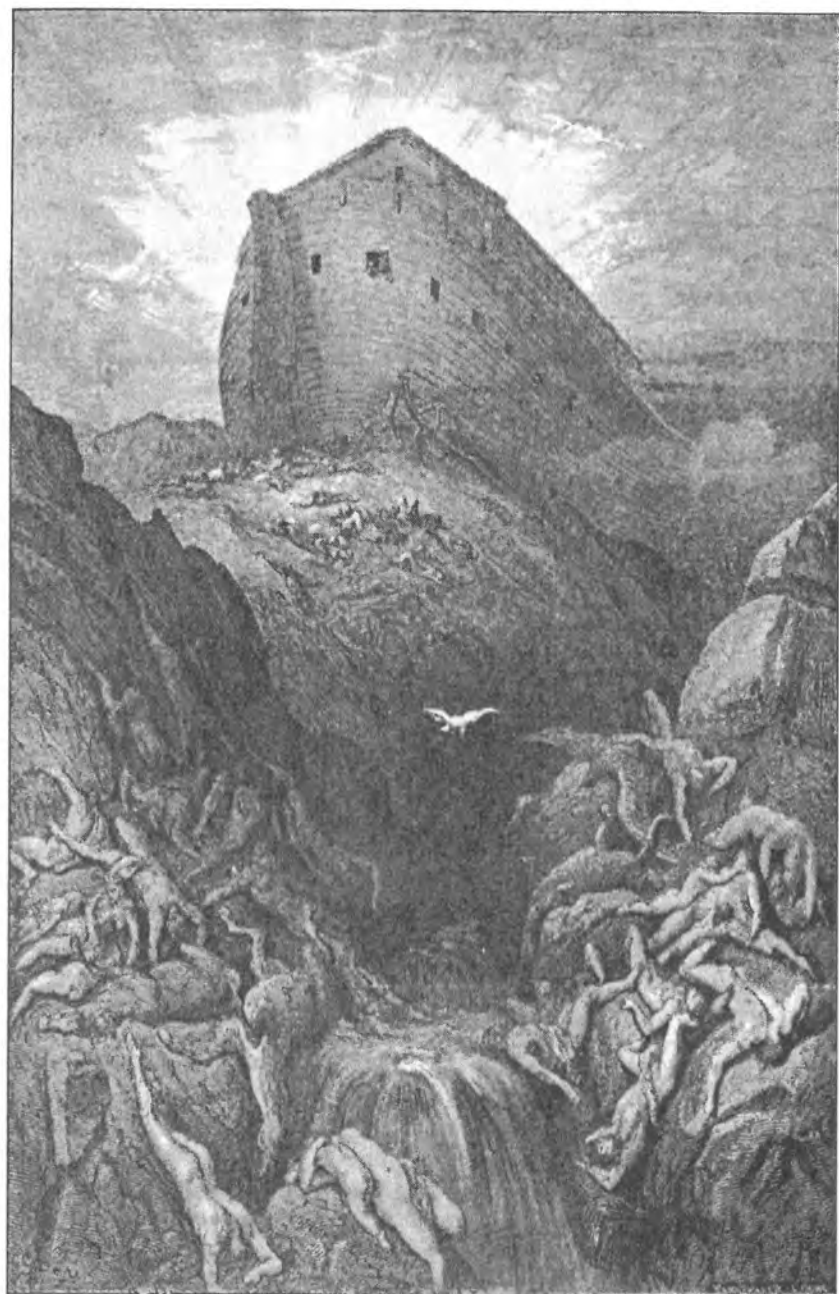
Книга издается в авторской редакции.

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

ISBN 5-94736-040-3

© Афанасьев А. Ю., 2003
© ООО «АиФ Принт», 2003
© Художественное оформление серии
ООО «АиФ Принт», 2003

*Маме и папе с чувством глубочайшей
благодарности посвящается эта книга*

«ЕСТЬ ЗЕМЛЯ, ИСТРЕБЛЯЮЩАЯ ОБИТАЮЩИХ НА НЕЙ»

Проблема. Что, казалось бы, может быть банальнее темы «Потоп»?.. Столько написано об этом книг, статей, заметок, что, право, даже неловко. И все-таки. Парадокс потопа заключается в том, что чем больше о нем пишут, тем более запутанной и загадочной предстает перед читателем суть этого явления. Недавнее прошлое не знало сомнений: Библия своим авторитетом далеко выносила потопную тему за пределы возможного обсуждения, объясняя феномен либо влиянием миссионеров, либо представителей десяти пропавших израильских колен. Не так дело обстоит сейчас. Современная этнография обнаружила массу сходных потопных преданий у народов, заведомо с Библией незнакомых, и не только обнаружила, но и попыталась дать этому факту какое-то объяснение. Отчего и возникла та лавина литературы, что породила, в свою очередь, потопную загадку. Загадку, несмотря на значительные усилия, остающуюся пока без вразумительного ответа. И удивляться здесь особенно не приходится: предмет таков, что осмыслить, охватить его — уже не простая задача.

Миф о потопе уникален. География его — весь мир. Известен он был практически везде, где жили люди, — от Исландии до Огненной Земли, от Японии до Перу. Если же географию потопного мифа помножить на число его вариантов, в некоторых

странах достигавшее десятка, то масштаб этого явления, и без того соответствующий масштабу планеты, вообще окажется за пределами существующих норм и представлений.

К настоящему моменту все попытки решения проблемы единственного в своем роде общечеловеческого мифа о потопе можно свести к трем основным гипотезам.

Первая гипотеза: миф явился отражением действительно произошедшей на памяти человечества всемирной катастрофы, скорее всего, космического происхождения. Виновники: или Луна, или гигантский астероид, или комета, или еще что-нибудь в том же роде — словом, все, что могло в достаточно короткий срок существенно повысить уровень Мирового океана.

Вторая гипотеза больше походит на изнанку первой: миф запечатлел произошедшие в разное время местные катастрофы, чье внешнее сходство обусловило сходство легенд.

Хотя обе теории чаще других встречаются в литературе, авторы, их излагающие, редко бывают упорны в отстаивании своих точек зрения. И не от недостатка рвения. Слишком уж уязвимы оказываются их позиции для сколько-нибудь серьезной критики. Первым же камнем преткновения на их пути становится геология. Она не только напрочь отрицает предположение о произошедшей на памяти человечества мировой катастрофе, но и часто доказывает совершенную беспочвенность многих бытовавших в сейсмически и климатически спокойных районах местных потопных легенд (например, русское предание об утонувшем граде Китеже).

Вдвойне сомнительно выглядят обе гипотезы на фоне поразительного единообразия разбросанных по всему миру мифов о потопе, одноликих мифов, обычно не только сходно отмечавших сам факт катастрофы, но и совершенно согласных между собой в сюжетных линиях и даже в деталях повествования. Трудно поверить, что человеческая фантазия могла быть настолько скудна, чтобы так однозначно откликаться на катастрофу, которой, по мнению геологии, не было вообще.

Третья гипотеза: легенда о потопе сложилась в одном месте, действительно пережившем какое-то крупное стихийное бедствие, а потом была **разнесена** по всему миру остатками спасшихся аборигенов. Преимущество такой трактовки очевидно, она сразу примиряет предание и с геологией, и с подозрительным единообразием изложения мифа у разных народов.

Однако, несмотря на всю ее выигрышность, данная версия, видимо, не пользуется особой популярностью. Обычно к ней

прибегают лишь «открыватели» мифических земель, вроде Атлантиды в Атлантике, Лемурии в Индийском океане, Му — в Тихом, что немногого стоит, поскольку доказательство данного положения — для них вопрос несущественный, отступающий на задний план перед необходимостью доказать само существование этих, скорее всего вымышленных, стран.

Признаться, ясно и твердо сформулированная концепция единого для всех локального первоисточника потопной легенды в привязке к реальной местности за последнее время излагалась лишь однажды — в учебнике «История Древнего мира» за 5-й класс. В нем говорилось о том, что первопотоп был в Месопотамии и оттуда миф о нем «распространился в другие страны». Хотя изложение этой точки зрения страдает в учебнике голословностью, что, вероятно, обусловлено спецификой издания, определенность позиции автора и привязка к району одной из самых древних цивилизаций, безусловно, заслуживают если не доверия, то — внимания.

Месопотамия — район особый. Шумерская запись мифа о потопе — самая древняя из ныне известных. Это обстоятельство уже дает шумерам некоторое преимущество в споре за первородство мифа. К шумерской версии обычно возводится и классический библейский вариант легенды. Но, не оспаривая пока предположение о вторичности библейского потопы по отношению к шумерскому, естественно, задаешься вопросом: а не вторичен ли и этот источник? Нет, считают многие специалисты. По их мнению, жители Месопотамии ниоткуда эту историю не списали, а сочинили ее сами, отразив в сказании одно из местных наводнений, вызванных разливом Тигра и Евфрата. И кажется, что данные археологов, обнаруживших на месте некоторых поселений Междуречья толстые слои ила, подтверждают это предположение. Однако принять его мешают серьезные возражения.

Во-первых, ил месопотамских поселений датируется разным временем. Во-вторых, разливы рек — явления обычные, ежегодные, они могут быть небольшими и очень значительными, но для жителей речных берегов в них нет ничего неожиданного, сверхъестественного; подобные события волнуют своим размером, но не самим фактом. В разливах рек есть система, а миф — как раз та область, которая холодно относится к системе, его влечет все неповторимое, чудесное, что уже в силу своей неординарности надолго откладывается в памяти. Особенно противится такому единообразию миф о потопе. Ведь потоп стал для

многих народов вехой, делящей его историю на до- и после-потопную, точкой отсчета, с которой началась жизнь более благообразного, обновленного человечества. Могли ли ежегодные, неотвратимые, набившие жителям Месопотамии оскомину разливы рек стать такой вехой в их истории? Разумеется, нет.

Скажем больше: одним из характерных мотивов потопных легенд является обещание божества не наказывать более человечество таким способом. Вот как, например, говорится об этом в классическом библейском варианте мифа: «...не будет более истреблена всякая плоть водами потопа, и не будет уже потопа на опустошение земли» (Быт. 9:11). Очевидно, месопотамский бог не мог подобное обещание ни дать, ни исполнить, так как прекрасно знал о неизбежности и регулярности местных наводнений.

Наконец, самое главное. Даже если когда-нибудь будут найдены безукоризненные доказательства потопа в низовьях Междуречья, сам по себе этот факт не сможет стать достаточно серьезным основанием для возведения к данному району всего общемирового свода потопных легенд. За долгую историю человечества много чего на его памяти тонуло, и, наверно, множество наберется мест на земле, где, начав копать, можно обнаружить слои ила со следами человеческого жилья под ним. Что будет неуместнее включения каждого такого места в кандидаты на первоисточник знаменитого мифа?

Практически тот же вопрос можно задать всем, кто искал и обрел знаменитую Атлантиду.

Но прежде — несколько слов о взаимоотношениях между потопологией и атлантологией. Хотя давно замечено, что знаменитый миф об Атлантиде — не более как расцвеченный блестками платоновской фантазии вариант потопной легенды, атлантология, не отрицая, в принципе, своего родства с потопологией, тем не менее на нем не настаивает, лелея свои, к сожалению, столь же малообоснованные версии происхождения платоновского мифа.

Сейчас наиболее прочной среди них считается гипотеза, выдвигающая в кандидаты на звание Атлантиды остров Тера в Эгейском море. Дело в том, что на этом острове находится вулкан Санторин, около 1500 лет назад до Р.Х. гигантским взрывом потрясший все Восточное Средиземноморье.

Слов нет, катастрофа была великой, гибли культуры, менялся облик островов и побережий, но, спрашивается, какое отношение имело это событие к Атлантиде? Взяв в руки книги Платона с описанием Атлантиды, легко убедиться, что в характеристике

легендарного острова и бедствия нет практически ничего, что даже косвенно указывало бы на причастность вулкана Санторин к гибели Атлантиды. Совсем другая география: целиком западно-средиземноморская с упором на Африку (даже сама история Атлантиды рассказывается у Платона не устами наиболее пострадавшего от Санторина жителя Эгеиды, а устами египетского жреца). Совсем другая геология: Платон писал о землетрясениях и наводнениях (Тимей, 25 d), но словом не обмолвился о вулкане, хотя не знать о главном виновнике бедствия просто не мог, про него знал родившийся много позднее Платона географ Страбон, сухо, по-деловому, без всякого мифического флера и с натуральными деталями описавший взрыв на острове Тера. И последнее. Без всяких сомнений, при изобилии произошедших на памяти человечества катаклизмов даже доказанная и пусть внешне сходная с данными литературы катастрофа — слишком слабый аргумент в споре об источнике мифа.

Подводя итог проверки на прочность двух самых мощных в потопоатлантологии теорий — шумерской и санторинской, остается с сожалением констатировать, что даже они сформулированы не слишком корректно. Что спрашивать тогда с теоретиков, выдвигавших на роль прародины легенды совсем уж экзотические земли вроде Шпицбергена или Антарктиды?

В настоящее время потопоатлантология переживает кризис. Ясные признаки его — откровенно компилятивный характер последних посвященных этой теме сочинений. Авторы, взявшись писать о потопе или узкоспециально об Атлантиде, уже не ставят своей целью выдвинуть новую или укрепить старую теорию, но ограничиваются изложением свода всего, что писалось и говорилось по данному предмету, откровенно предлагая читателю самостоятельно выбирать для себя наиболее приглянувшиеся теории, благо все они равно несостоятельны и ценность их одинаково равна нулю.

В последние десятилетия положение потопоатлантологии стало просто катастрофическим (это не каламбур). Виновники — недавно изобретенные акваланг и батискаф. Они, казалось, призванные облегчить решение проблемы, только усилили разброд в стане потопоатлантологов, поскольку теперь Атлантиду стали находить ежегодно, каждый раз в другом месте, и конца этим находкам не предвидится, так как освоение шельфа Мирового океана только началось. Тупик.

Решение. Из вышесказанного, однако, не следует, что положение совершенно безвыходно. Отнюдь. Проблема разрешима. Но

решать ее не водолазу, а мифологу. Всемирный потоп — миф, поэтому ответ на вопрос об его истоках может дать только мифология и пусть достаточно хлопотным, но единственно возможным путем — путем сличения различных вариантов легенды.

Ход рассуждения тут может быть достаточно прост. Как уже говорилось, в преданиях о потопе у разных народов повторяются одни и те же сюжетные ходы и детали повествования, что само по себе — уже весомый аргумент в пользу предположения о едином для всего свода мифов локальном первоисточнике. Однако этого мало. Сам факт наличия дубликатов чисто литературного характера допускает предположение, что сохранились повторы, позволяющие отыскать прародину мифа, дать ее геологические, археологические, этнографические, культурные приметы и дубликаты ономастики (имена и названия, встречающиеся в разных вариантах мифа).

Особое внимание следует обратить на ономастику. Если в своде потопных мифов по линии ономастики действительно обнаружится система в использовании имен и названий (а будущее покажет, что так оно и есть), то это обстоятельство станет безукоризненным доказательством единого для всех мифов первоисточника. Еще с грехом пополам можно как-то предположить, что фантазия человеческая была настолько скудна, чтобы одинаково откликаться на разные катастрофы, но чтобы при этом она и называла все одинаково — за пределами логики!

Но и это еще не все. Обнаружение наличия системы в ономастике потопной легенды позволяет пойти много дальше констатации моноцентризма в потопной мифологии. Имея на руках характерные для мифов о потопе имена и названия, можно установить три принципиальные для мифолога вещи: язык народа — носителя потопной легенды, его этническую принадлежность и прародину. Для наглядности приведу такой сюжет: скажем, бытуют у разных народов очень похожие легенды и в них постоянно встречается одно название, например Новгород. Сам факт повторяемости одного и того же названия в легенде свидетельствует, что она вышла из одного центра. А то, что название это является русским по конструкции и указывает на реальный русский город, делает непреложным факт русского происхождения легенды, а если быть совсем точным, ее новгородского происхождения.

Таким достаточно простым путем и решается проблема мифа о потопе. Разумеется, автор не стал бы говорить о сем предмете столь уверенно, если бы сам уже не прошел весь путь до конца и не убедился в эффективности предложенного метода.

Поэтому сразу же познакомлю читателя с полученными результатами: потоп пережили праиндоевропейцы, т.е. предки народов, составляющих ныне большинство населения Европы, а в Азии — народов, говорящих на иранских и индоарийских наречиях. Произошел же потоп на индоевропейской прародине — месте, которое теперь носит название Палестина.

Сознавая, насколько нелепо было бы ограничиться в данном случае голословной декларацией, попробую доказать это положение всеми возможными способами. Порядок же изложения материала будет следующим: начав с традиционных для потопатлантологии дисциплин (мифологии, геологии, археологии, этнографии), мы перейдем к анализу ономастики мифа, пройдем маршрутами, которыми прошли отдельные его носители, и, наконец, проследим все этапы формирования легенды о потопе от начала, т.е. исторической ее основы.

Итак, начнем благословясь...

Мифология. В Библии место, где произошел потоп, называется «Сиддим» (Поля). И была та земля «как сад Господень» (Быт. 13:10). Но, как часто это случается, редок был мир на плодородной земле Сиддим. Часто сходились на ней окрестные цари померяться силой, побороться за власть. Особенно запомнилась авторам Библии «Битва девяти царей», в которой коалиция пришедших из Месопотамии царей разгромила объединенное войско царей сиддимских и ограбила два принадлежащих им города; это были печально знаменитые Содом и Гоморра. Беда не приходит одна. Не успевшие еще оправиться после нашествия города были добиты стихией: «И пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь от Господа с неба, и ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и [все] произрастания земли» (Быт. 19:24).

Обратим внимание, автор как-то удивительно скуп и немногословен при описании этой, наверно, необыкновенно грандиозной и впечатляющей картины. Если верить ему, пострадали только два города, но из других текстов Библии видно, что последствия катастрофы были гораздо значительнее. Вместе с Содомом и Гоморрой погибли еще два города: Адма и Севеим (Втор. 29:23). Кроме того, понес большой материальный ущерб весь район, прилегающий к реке Иордан. Ранее автор книги Бытия писал: «Лот возвел очи свои и увидел всю окрестность Иорданскую, что она, прежде нежели истребил Господь Содом и Гоморру, вся до Сигора орошалась водою, как сад Господень» (Быт. 13:10). Картину дополняет автор другой части Библии, книги

Левит, рассказывая уже не о городах, а о целых «народах», свергнутых землей: «Не оскверняйте себя ничем этим, ибо всем этим осквернили себя народы, которых Я прогоняю от вас: и осквернилась земля, и Я воззрел на беззаконие ее, и *свергнула с себя земля живущих на ней*. А вы соблюдайте постановления Мои и законы Мои и не делайте всех этих мерзостей, ни туземец, ни пришлец, живущий между вами, ибо все эти мерзости делали люди сей земли, что пред вами, и осквернилась земля; чтоб и вас не свергнула с себя земля, когда вы станете осквернять ее, *как она свергнула народы, бывшие прежде вас*» (Лев. 18:24 — 28).

Более или менее сходно с Библией, ссылаясь на местные неканонические предания, рассказывал о тех же событиях античный географ Страбон: «...некогда здесь было 13 населенных городов, из которых главный город — Содомы — имел около 60 стадий в окружности. От землетрясений, извержений огня и горячих асфальтовых и сернистых вод озеро внезапно вышло из берегов, и огонь охватил скалы; что касается городов, то одни были поглощены землей, а другие покинули жители».

Трудно сказать почему, но содомское предание о катастрофе как-то не принято рассматривать в общем ряду потопных легенд и, в частности, параллельно тому классическому общеизвестному варианту, что рассказан в самой Библии несколькими главами ранее. А это неверно. Если говорить о традиции потопного мифа, то, за вычетом одной, явно вымаранной цензурой детали, содомский вариант даже более каноничен, нежели классический общеизвестный, и по-своему может претендовать на звание его прототипа.

Первое. Описание содомского бедствия явно древнее истории Всемирного потопа. На древность его указывает крайне архаичное представление рассказчика о возможностях Божества. По содомской версии, все начинается с того, что до триады богов (в Библии — «ангелов») доходит «воплъ» о безобразиях, чинимых содомлянами, но **боги не знают**, верить ему или нет, и идут в Содом, чтобы лично проверить, насколько «воплъ» правдив (Быт. 18:20 — 21). Такая собственноручная божественная ревизия — очень характерная примета, из нее следует, что в пору создания содомской легенды представления ее автора о возможностях сверхъестественных существ еще далеко отстояли от позднейшей библейской концепции всеведения и высшей промыслительной способности Божества.

Второе. Непосредственно до Содома дошли два ангела из трех и на месте убедились в справедливости «вопля». Из всех содом-

лян только праведный Лот остается верен обычаю гостеприимства и приглашает богов к себе домой, тогда как остальные жители города, узнав об этом, делают попытки изнасиловать Лотовых гостей. И в этом пункте заключена вторая примечательная деталь содомской версии мифа о потопе: конфликт между богами и содомлянами произошел на почве отказа последних от соблюдения правил гостеприимства («содомские» поползновения — лишь частное проявление пренебрежения этим священным старинным обычаем). Единственным человеком, оставшимся верным традиции, оказывается Лот, он и спасается от катастрофы. И здесь нельзя не отметить, что данный губительный для людей конфликт (если подходить к нему статистически) является одним из наиболее популярных конфликтов в общемировой потопной литературе: сходные версии рассказывались во Фригии, Аркадии, Ликий, на Филиппинах, Коморских островах и островах Палау.

Третье. Хотя катастрофа Содома и Гоморры представляет собой локальное бедствие, а не всемирное, спасшиеся Лот с дочерьми воспринимали его почему-то как катаклизм вселенского масштаба, требующий от уцелевших канонического для всего свода потопных легенд акта: экстренного восстановления человеческого рода. Об этом Библия говорит совершенно недвусмысленно: «И жил (Лот) в пещере, и с ним две дочери его. И сказала старшая младшей: отец наш стар, *и нет человека на земле, который вошел бы к нам по обычаю всей земли; итак напоим отца нашего вином, и переспим с ним, и восстановим от отца нашего племя*» (Быт. 19:30 — 32).

Описанная выше ситуация — стандартней не бывает. И дело здесь не только в том, что, за редким исключением, все уцелевшие от потопа герои мучаются проблемой восстановления человеческого рода, но прежде всего в том, что решать ее приходится через кровосмешение (инцест). Чаше в инцестуальный брак приходится вступать близнецам: брату с сестрой. Происходит это потому, что с мифом о потопе обычно сопрягается так называемая «близнечная» мифология. Но встречаются и незначительные отступления от этой близнечно-кровосмесительной традиции. Типа: мать с сыном (тораджа), двоюродный брат с сестрой (греки) и т. д. Поэтому история противоземельных отношений между Лотом и дочерьми выглядит как нельзя более естественно с позиции потопной мифологии.

Практически в библейском описании содомского бедствия для признания его полнокровным вариантом потопного мифа

единственно чего не хватает, так это собственно потопы. Однако, судя по всему, и потоп был, и упоминание его некогда присутствовало в рассказе, но библейские цензоры позднее вымарали его, очевидно, с единственной целью — избежать ненужных, на их взгляд, читательских ассоциаций с классическим вариантом мифа о потопе. Впрочем, как часто это бывает при подобных чистках, провели они эту операцию очень небрежно, совершенно позабыв, что несколькими главами ранее в Библии названы точные и многозначительные координаты Содомы и Гоморры. Автор 14-й главы книги Бытия, начав описание «Битвы девяти царей» и помянув долину Сиддим, где стояли печально знаменитые города, тут же философски добавил: «Где ныне море Соленое» (Быт. 14, 3). «Море Соленое» — это знаменитое палестинское Мертвое море, и, естественно, покрыть своими водами Содом и Гоморру оно могло не ранее гибели означенных городов. О связи истории образования Мертвого моря с историей праведного Лота Библия, как мы знаем, умалчивает, но об этом прямо говорит не столь шепетильная на сей счет арабская традиция, в ней за Мертвым морем издавна и прочно закреплено название Бар Лут (море Лота).

Итак, выходит, что в Библии записан не один, а два мифа о потопе: всемирный и содомский. Второй явно древнее первого, и в нем можно заподозрить прототип всемирной версии. Кроме того, содомский вариант более каноничен и по многим признакам ближе, чем всемирный, стоит к мировой традиции изложения такого рода легенд. Наконец, главное преимущество рассказа о гибели Содомы и Гоморры — **он проверяем**. Со Всемирным потопом ничего такого поделать нельзя, истинность его — вопрос веры, а не знания. Иное дело — содомский потоп, он локален, и география его четко вписана в обводы Мертвого моря.

Геология. При рассмотрении геологической стороны проблемы ограничимся главным: вопросом о природе Мертвого моря. Мертвое море — это залитая водой (точнее — рапой) **часть самой глубокой на суше впадины** — Вадии-эль-Арабы. Низшая ее точка на дне Мертвого моря расположена ниже уровня Мирового океана на 793 м. В свою очередь, Вадии-эль-Араба представляет собой один из участков рифтовой зоны, с северо-запада отмечающей границы тектонической плиты Аравийского полуострова. По мнению геологов, плита сравнительно недавно начала дрейф в северном направлении. Результатом этого движения явился отрыв Аравийского полуострова от Африки и образование Красного моря.

Карта Аравийской плиты

Перспективы также впечатляют: если дрейф не прекратится, Красное море будет разорвано надвое, Персидский залив, прижатый плитой, исчезнет совсем, но главные события произойдут в интересующем нас районе. Именно по линии рифтовых долин сиропалестинского ареала: Вади-эль-Араба — долина Иордана — долина Бекаа — предстоит окончательно оторваться Азии от Африки. Конечно, произойдет это, скорее всего, не завтра и не сразу, возможно, понадобятся миллионы лет, но для нас, занятых не будущим, а прошлым данного региона, в первую очередь важно отметить и объяснить хроническое беспокойство земли Палестины.

Сейчас практически невозможно сказать что-либо определенное о силе описанного в Библии землетрясения в долине Сиддим (ныне дно Мертвого моря), но наверняка оно не уступало тому, что произошло в Палестине уже в историческое время, в 31 году до Р.Х.: огромное по тем временам и местам число погибших — 10 тысяч (Флавий. «Древности», 15, 5, 2) — говорит само за себя.

Еще одно сообщение такого рода находим мы в древнерусских источниках. Со ссылкой на византийских хронистов они свидетельствовали, что в IX веке от Р.Х. было в Палестине «землетрясение великое, так что земля разверзлась на три поприща, и дивно, из земли вышел мул, говоривший человеческим голосом».

Правдоподобно звучит и библейская обмолвка о потопе, будто бы покрывшем своими водами долину Сиддим. Жителям, населявшим район Аравийской плиты, видимо, не раз доводилось переживать это бедствие. Арабский географ Аль-Масуди сообщал, что в VI веке от Р.Х. в дельте Нила произошло страшное землетрясение: суша опустилась, море хлынуло на нее, смело несколько городов, и образовались на месте впадин соленые озера. Сходный случай, произошедший в Финикии, описан Страбоном. После битвы, когда одна из противоборствующих сторон, будучи разгромлена, кинулась в бегство, внезапно пришла с моря гигантская волна и поглотила всех бежавших.

Разумеется, печальный опыт Египта и Финикии — не доказательство правдивости приводимых в Библии сведений. Да в таких косвенных доказательствах и нет никакой надобности. То, что Мертвое море образовалось в результате потопы (говоря по-научному — трансгрессии), практически никогда не оспаривалось: состав солей его, несмотря на давность события, до сих пор почти не отличается от обычного морского состава.

Таким образом, имея некоторое представление о геологии Палестины и располагая минимумом воображения, можно без труда представить себе, что произошло в те памятные дни в долине Сиддим.

Внезапно заколыхалась и ушла из-под ног наклонившаяся к югу земля. Море высоко поднялось. Расступились горы, и в коридор Вадил-эль-Арабы, достигающий местами ширины в 25 километров, хлынул из Красного моря гигантский вал воды, объемом превышающий современный объем Мертвого моря как минимум в 7,5 раза. Навстречу ему устремились воды потерявшего свое русло разлившегося Иордана. К небу взметнулись гейзеры природного асфальта, которым еще до катастрофы была богата долина Сиддим. Из образовавшихся в земле расселин забила пахнувший серой геотермальный кипяток и поползла магма, поджигая некогда знаменитые дубовые леса Палестины...

Да, тому, кто выжил после этой катастрофы, было что вспомнить и рассказать внукам. Свидетельства непосредственных участников драмы не сохранились, но, сличив геологию Мертвого моря с описанием бедствия в разбросанных по всему миру потопных легендах, можно считать нарисованную картину достаточно близкой к первоначальной.

Упоминание потопных легенд в данном контексте совсем не случайно, и дело здесь не только в том, что сумма повсеместных описаний катаклизма в мифах о потопе — копия сиддимской катастрофы. Но прежде всего в том, что эти провинциальные рассказы зачастую не имели ничего общего с местными геологическими условиями, но абсолютно совпадали с условиями Палестины. Возьмем для примера греческий вариант потопной истории: «Зевс разразился с небес страшным ливнем и залил водой большую часть Эллады, так что все люди погибли, за исключением немногих, которые укрылись в расположенных поблизости высоких горах. В те времена расступились горы в Фессалии и покрылись водой все те области, что расположены за Истмом и Пелопоннесом» (Аполлодор. 1, 7, 2). Это описание — сплошной нонсенс. Немыслимый, затопивший всю Элладу дождь (всей влаги небесной не хватило бы, чтоб совершить такое), расступившиеся горы, чей взаимный отход не оставил в Фессалии никаких следов, говорят об одном — о вторичности греческих источников. Не знаю, как дождь, а горы действительно расступались при потопе, но не в Греции, а в Палестине. Они и сейчас бруствером стоят на всем протяжении Вадил-эль-Арабы — от Красного моря до Мертвого.

Сходно с палестинской катастрофой описывали потоп многие другие мифологии. Взять, например, Коран. Создатель его, пророк Мухаммад, хотя и воспользовался в рассказе о потопе библейским именем Ной (Нух), во всем остальном был от Библии совершенно независим и на свой лад излагал обстоятельства бедствия. Пророк писал, что глухие к проповедям праведника Нуха сородичи его поклонялись ложным богам. Аллах решил покарать их и вот: «закипела печь», *«вода переполнила долину»*, «от прегрешений они были потоплены и введены в огонь» (11:42; 71:25). Очевидно, что кораническая версия мифа о потопе с ее водой, переполнившей долину, гораздо ближе к содомской версии легенды, нежели к всемирной. И пророк не скрывал первоисточника своего вдохновения — это история Палестины. Мухаммад сообщает, что в волнах потопы утонул сын Нуха — Канан, т.е. утонула Палестина, так как «Канан» — вариант старинного названия этой земли (Ханаан, Кинаха). Может ли требовать мифология от арабской версии более точного адреса потопы, нежели этот?

Было бы не так удивительно, если бы содомский вариант мифа о потопе рассказывали только в Палестине и в близлежащей Аравии. Но в том-то и вся соль, что и далеко от этих мест потопную легенду предпочитали рассказывать на палестинский лад: нахлынуло море — образовалось озеро. На островах Новые Гебриды показывали озеро в середине острова Гауа и рассказывали, что на этом месте некогда была долина, заросшая густым лесом; местный «Ной» срубил там дерево, вытесал из него ковчег, посадил в него все живое, что было на острове, и заперся. Естественно, бедствие не заставило себя ждать, *вода залила долину*, и ковчег, пройдя между холмов, умчался в море.

Свой «Содом», оказывается, был аж на Коморских островах. Корреспондент «Известий» Б. Пильников рассказывает: «Делаем остановку у соленого озера. С высоты оно темнеет пятнышком в кратере потухшего вулкана на расстоянии нескольких сот метров от океанского берега. Когда-то, утверждает предание, здесь была деревенька. Чужестранцу, однажды постучавшемуся в первый дом, отказали в глотке воды. Через несколько дней *деревня сгорела дотла, а на ее месте образовалось соленое озеро»* (Известия. 1986. 20 янв.).

По-своему ту же содомскую версию мифа о потопе рассказывали в Африке сказители племени йоруба. Они говорили, что спустился некогда с небес на землю общий родоначальник — Праотец. Выросли у него дети, а потом внуки. Все было бы хорошо, но не хватало на земле воды. Тогда собрал своих внуков

Праотец и велел им, взяв по семь камней, положить их в те места, где желательна вода. Якобы из-под камней должны были тут же потечь ручьи и реки. Один из внуков Праотца, пожадничава, превысил дедовский лимит: набрал полную корзину камней и высыпал их в одном месте — на своем поле. Результат превзошел все ожидания — разразился потоп. Праотец вынужден был залезть на пальму и оттуда взмолиться богу о спасении. По счастью, его молитва была услышана, «тотчас же вода начала сбывать. Скопляясь в низких местах, она прорывала русла: широкие для рек, узкие для ручейков. Только там, где находилось поле непослушного внука, *осталось огромное озеро*».

Думаю, читатель узнал в этом рассказе не только геологию Палестины, но и элементы содомской версии мифа: потопом наказывается порок, праведник спасается, но не как Лот, пешком в гору, а забравшись на пальму.

Археология. От геологии Палестины обратимся к археологической стороне проблемы. Археология в данном случае гораздо важнее, нежели геология. Те или иные бедствия происходили практически везде, но не везде при этом тонули города. Относительная редкость таких событий особенно значима для искателя прародинны потопного мифа, так как, начиная с самой древней его записи — шумерской, у Платона и в русской легенде о граде Китеже, — везде говорится об утонувших городах. Так что этот признак можно считать исходным для всего свода преданий.

Вдвойне примечательна градостроительная метка тем, что ко времени записи шумерского мифа о потопе на земле было только **три** страны, где существовала градостроительная практика. Это — сам Шумер, Египет и, конечно же, Палестина.

Как мы знаем, древние источники давали основания предполагать, что на дне Мертвого моря покоится от двух до тринадцати городов. Однако проверить эти данные до недавнего времени не представлялось возможным. Дело решила водолазная экспедиция 1960 года. Археологам удалось спуститься на дно Мертвого моря на глубину 60 м, что уже можно назвать большим достижением, так как соленость Мертвого моря, превосходящая морскую в 7,5 раза, сама по себе значительное препятствие на пути изыскателей. Погружение дало очень интересные результаты: на обследованном участке были обнаружены мощеная дорога шириной 3,5 м и засыпанные илом руины древних построек. Пресса поторопилась объявить их остатками Содомы и Гоморры, но это вполне могли быть и Адама с Севоимом.

Таким образом, подтвержденный археологией факт гибели сиддимских городов сомнений не вызывает. И это обстоятельство имеет особый вес, потому что среди великого множества преданий об утонувших городах археологическое подтверждение — случай редчайший. Но, к сожалению, этим все и исчерпывается. Ни датой гибели городов (о ней мы еще будем говорить особо), ни данными о характере сиддимской культуры мы не располагаем. Что, значительно усложняя решение проблем потопной легенды, все-таки не делает положение безвыходным.

Трагедии Мертвого моря исторически повезло и не повезло. С одной стороны, Библия сделала великое дело, увековечив на своих страницах память об этом эпохальном событии, с другой — она же, сопроводив описание смакованием скабрёзных деталей, превратила долину Сиддим в исторического прокаженного. Густая тень противоестественных страстей, «содомского греха», кажется, беспросветно затушевала для безразличного ученого мира реалии сиддимской катастрофы, сделала исследования обстоятельств и последствий гибели Содома и Гоморры занятием почти одиозным.

Отсюда, видимо, тот нечистый авантюрный дух, что даже в современной литературе преследует каждое упоминание печально знаменитых городов. Достаточно сказать, что из всего великого числом клана атлантологов только четверо предприняли попытку выдвинуть Палестину на роль прародины платоновского мифа, да и то их теории оказались настолько скудно оформлены, что не вызвали и тени сочувствия в среде простоватых, доверчивых атлантологов. Разумеется, не обошло своим вниманием драму Мертвого моря и жуликоватое племя искателей НЛО: гибель Содома и Гоморры объяснялась у них то атомной бомбардировкой, то посадкой космического корабля... Что здесь сказать? Бог им судья...

Однако, думаю, пришло время, оторвавшись от Библии и навешанного ею фривольно-авантюрного тона, серьезно, без подмигиваний и ужимок, поговорить о народе Мертвого моря и его культуре. При этом за отсутствием конкретных, добытых непосредственно со дна моря данных, на появление которых, видимо, трудно рассчитывать и в будущем, возьмем за отправную точку археологию сопредельных земель, т.е. археологию сиро-палестинского региона в целом.

Что ни говори, а Палестина — это колыбель культурного человечества. С нее началась так называемая «неолитическая революция», благодаря которой на смену хищническому потребле-

нию пришло воспроизводство, т.е. культура как таковая. И хотя среди историков не утихают споры о приоритете тех или иных районов в тех или иных областях культурной деятельности (земледелия, скотоводства, металлургии), спор этот беспредметен, поскольку превосходство сиропалестинской культуры не просто в исключительной древности, а в универсальности, независимости и гармоничности развития.

Между X и VIII тысячелетиями в Палестине положено начало земледелию, зодчеству и приручена собака (натуфийская культура).

В VIII тысячелетии заложен на земле потрясший воображение археологов город Иерихон, где все впервые: фортификация (ров шириной 8,5 м и глубиной 2,1 м; каменная стена толщиной 1,6 м и высотой около 4 м), храмовое зодчество (круглая каменная башня высотой 8 м).

Самое позднее в VII тысячелетии возникает скотоводство: в том же Иерихоне найдены датированные этим периодом кости козы, имеющие «бесспорные вторичные признаки одомашненной особи».

Совсем недавно пришло сообщение, что в районе известной нам впадины Вади-эль-Арабы обнаружены легендарные медные рудники Фенана, первая разработка которых относится теперь не к IV, как предполагалось ранее, а к V — VI тысячелетиям: такая датировка позволила археологам назвать Фенан одним из возможных «очагов перехода человечества к бронзовой цивилизации» (Известия. 1985. 16 марта).

И надо ли говорить, насколько не вяжутся все эти сведения о древней и богатой цивилизации Палестины с традиционными, навязанными Библией представлениями о ней как о стране примитивного патриархального быта, с живущими в шатрах праотцами, царями-пастухами и т.д. Тем более что сама Библия давала в своих описаниях Древней Палестины обратную картину страны, я бы сказал, даже перенасыщенной цивилизацией, некоего мегаполиса. Так, согласно ее данным, одна маленькая область между горой Хермон и Геннисаретским озером, где обитал народ **рефаимов** (ему в основном и будет посвящен весь наш дальнейший рассказ), вмещала огромное число городов, из которых только укрепленных было шестьдесят (Втор. 3:5).

Это сообщение можно было бы отнести на счет часто приписываемой авторам Библии склонности к преувеличению, но оказавшийся в прошлом веке в том районе паломник считал его близким к действительности. Он писал: «Когда, побы-

вавши в этой стране, действительно находим здесь один за другим большие каменные города, обнесенные и не обнесенные стенами с каменными воротами, лежащие тесно один подле другого; когда видим здесь дома, построенные из таких огромных и массивных камней, что никакая сила, восставшая против них, не в состоянии разрушить их, когда находим в этих домах такие обширные и высокие комнаты, что многие из них могли бы считаться красивейшими комнатами в европейском дворце, и, наконец, когда находим, что некоторые из этих городов доселе носят те же самые имена, которые они носили прежде, чем израильтяне пришли сюда из Египта, то, полагаю, нельзя не убедиться в том, что перед нами города рефаимов». Выразительная цитата, не правда ли? После нее, право, не очень удобно называть Палестину краем пастухов. Градостроительство, история которого к моменту исхода евреев из Египта насчитывала семь тысячелетий, осуществлялось в огромных масштабах.

Здесь нам необходимо сделать небольшую остановку и подвести некоторый итог. Звучит он так: прибегнув к услугам двух обязательных для потопоатлантологии наук (геологии и археологии), мы вправе теперь констатировать достоверность библейских сведений относительно катастрофы в долине Сиддим. Так что теперь мы уже располагаем классическим «джентльменским набором» всякого первооткрывателя потопы или Атлантиды: есть катастрофа и утонувшие города. Пожалуй, прежде на этом можно было бы и закончить, но, зная, что ныне как минимум у десятка конкурентов на руках те же козыри, ничего не остается, как продолжить поиск работающих на палестинскую версию аргументов, обратившись за помощью к совершенно не используемым прежде дисциплинам и методам. Например, к методу, обычно применяемому в генетике.

Генетика. Когда биологи ставят перед собой цель найти прародину какого-либо культурного растения, они ищут местность, где произрастает наибольшее количество его разновидностей, и, обнаружив, считают за таковую. Чем больше сортов, тем древнее культивирование, а чем древнее культивирование, тем вероятней исконность произрастания. Очевидно, что целиком этот метод в мифологии использован быть не может: миф не картошка. Но вот примечательный факт: у древних сирийцев было какое-то особое отношение к преданию о потопе. Обладая им наряду с другими нациями, сирийский народ оказался почему-то особенно чувствителен к сказанию, не только храня его

в памяти, но и рассматривая сам культ и его историю исключительно через «потопную призму», чего у других народов не наблюдалось, во всяком случае, в таком объеме.

В свое время Лукиан посетил святилище Астарты в одном сирийском городе, называемом у него «Священным» («Иерапо-лем»). Существуют различные мнения относительно местоположения данного города, но для нас этот вопрос непринципиален, главное то, что он находился в сирийских пределах, недалеко от Евфрата, и на местном наречии, скорее всего, назывался Кадешем. Предполагать, что именно таково было подлинное название «Иераполя» Лукиана, можно по нескольким причинам: во-первых, «кадеш» (святилище) — однозначный греческому «Иераполю» термин; во-вторых, Кадеш — имя семитской богини, которую обычно изображали едущей на львах, и именно такой описал «иерапольскую» Астарту греческий писатель; наконец, в сиро-палестинском районе Кадеш — традиционный эпитет, часто подменявший первоначальное название городов. В исторических трудах обычно упоминаются только два Кадеша: Кадеш-Кинза, близ которого произошла битва хеттов с войсками Рамзеса II, и Кадеш-Варни, крупнейший религиозный центр времен исхода евреев из Египта, но в действительности их там было намного больше, наверно, не меньше, чем в Европе названий городов, начинающихся с Sancti.

Лукиан считал кадешское святилище первым среди известных ему, самым богатым и пышным. К нему стекались деньги и паломники со всего Востока: Аравии, Финикии, Вавилона, Киликии, Ассирии. Но кто основал его? По словам Лукиана, Ной (писатель называет его по-гречески — Девкалионом). С именем создателя ковчега связывалось не только святилище, но и его культ. В пропилеях кадешского храма стояли два гигантских каменных фалла, на вершины которых два раза в год забирался аскет, чтобы, сидя там неделю, возносить молитвы за Сирию в целом и за каждого отдельного желающего, при условии приличной платы. Но не это интересно. Интересно то, что местные жители истолковывали влезание на фалл и бдение там как деяние «в честь Девкалиона и в память о потопе» (Лукиан. «О сирийской богине». С. 28).

С именем Ноя связывалось и главное торжество сирийского святилища. Начиналось оно с того, что жрецы и паломники отправлялись к морю, взяв с собой какую-то статую, называемую у Лукиана Знамением. Статуя эта, видимо, была лишена каких-либо половых, социальных и профессиональных признаков,

единственным ее атрибутом был прикрепленный к голове статуи голубь, но Лукиан в числе возможных прототипов ее называет Ноя, что не так уж невероятно, если вспомнить манипуляции с голубем библейского Ноя. Набрав в море воды, участники процессии возвращались в храм и выливали ее в расселину под его фундаментом.

Здесь замечателен не столько сам обряд, сколько объяснение, которое давали ему жители Кадеша. Они говорили, что в «их стране образовалась огромная расселина в земле и поглотила воду. После того как это случилось, Девкалион поставил алтарь и воздвиг над расселиной храм Гере. Я сам (добавляет Лукиан) видел эту расселину, которая находилась под храмом. Она очень мала... В память об этом событии установлен следующий обряд. Дважды в год в этот храм доставляется вода с моря; ее несут не только жрецы, но также и многие жители Сирии и Аравии. Иные даже из-за Евфрата отправляются к морю, чтобы нести воду. Сначала ее выливают в храме, потом она стекает в расселину, которая, хоть и невелика, но все же поглощает большое количество воды. Совершающие этот обряд говорят, что он установлен Девкалионом».

Разумеется, все эти описанные Лукианом обряды могли и не иметь непосредственного отношения к потопу. Да и не это важно, главное: кто бы ни был основателем святилища, за чем бы ни лазил аскет на каменный фалл, чье бы изображение ни носилось к морю и каков бы ни был подлинный смысл справляемых в Кадеше обрядов — все это освящалось именем Ноя и связывалось с историей потопы. Это-то по-настоящему важно. Поразительная устойчивость и всеохватность потопного предания в Кадеше заставляет предполагать (вспомним метод генетиков при отыскании прародины растения), что и сам потоп был где-то неподалеку. А близость Мертвого моря сама подсказывает, что именно его образование оставило столь глубокий след в памяти сирийцев.

Палеоэтнография. Очевидно, еще ярче и основательней предание о потопе должно было запечатлеться в сознании жителей территорий, непосредственно прилегающих к Мертвому морю. Но подкрепить это положение практически нечем. Осевшие на земле Палестины иудеи пришли туда поздно. А коренные жители страны вымерли еще до наступления эпохи Царств. Еврейские переселенцы называли исконных обитателей Палестины «рефаимами» (это имя знакомо читателю, оно упоминалось, когда речь шла о культуре древнейшей Палестины). Так вот, в иврите слово «рефаим» означает «исполины», и одно это уже о многом говорит искателю первоисточника потопной легенды, потому что вез-

де, где бытовало предание о потопе, сказители упоминали чрезвычайно важную деталь: будто бедствие задумывалось богами с целью уничтожения особого племени великанов.

В разных вариантах мифа этот народ назывался так: у славян — «асилками», у скандинавов — «инеистыми великанами», у греков — «людьми медного поколения». Что же это были за люди? Обратимся к «Трудам и дням» Гесиода:

Третье родителем Кронид поколение людей говорящих,
Медное создал, ни в чем с поколеньем несхожее прежним.
С копьями. Были те люди могучи и страшны. Любили
Грозное дело Арея, насильщину. Хлеба не ели.
Крепче железа был дух их могучий. Никто приближаться
К ним не решался: великою силой они обладали,
И необорные руки росли на плечах многомошных.
Были из меди доспехи у них и из меди жилища,
Медью работы свершали: никто о железе не ведал.

У Гесиода ничего не говорится относительно роста людей медного поколения, но известно, что греки считали их великанами. Согласно их преданиям, не все люди медного поколения погибли при потопе. По крайней мере, один из них спасся, это — медный гигант Талос, страж Крита, трижды за день обегавший остров. Был ли он медный, так ли быстро бегал — Бог ведает, но что касается огромного роста, то вполне возможно, что сказание здесь не лжет.

Библейская книга Бытия также косвенно указывает на анти-исполинские цели потопа. Прямо, правда, об уничтожении им племени исполинов не говорится, ее склонные к морализаторству авторы видели причину бедствия в греховности допотопного человечества. Но вот как знаменательно звучит стих (Быт. 6:4—5), непосредственно предшествующий библейской этической разработке темы потопа: «В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им: это сильные, издревле славные люди. И увидел Господь (Бог), что велико развращение человеков на земле...» и устроил потоп.

Из библейского текста видно, что кажущиеся сейчас бессвязными, случайно сшитыми сказания об исполинах и допотопных греховодниках прежде представляли собой нечто целое, а именно — предание о гибели гигантов. И лишь последующее гнетущее морализаторство редакторов привело к разрыву некогда единого по существу, далекого от этических и богословских проблем чисто ис-

торического сказания. И дважды Библия об этом проговаривается: в Книге Премудрости Соломона и Книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова. В них мы читаем: «...когда погубляемы были гордые исполины, надежда мира, управляемая Твоею рукою, прибегнув к кораблю, оставила миру семья рода» (Прем. 14: 6); «Не умилился Он над древними исполинами, которые в надежде на силу свою сделались отступниками; не пощадил и живших в одном месте с Лотом, которыми возгнушался за их гордость» (Сир. 16: 8—9).

Спрашивается: о чем говорят эти два отрывка из Премудростей? Во-первых, совершенно ясно, что в среде иудейских книжников имел хождение неканонический, близкий к исходному преданию о потопе рассказ, где говорилось о гибели гигантов. Во-вторых, редакторы Библии сознательно исказили его, принизив титанические образы Ноя и его домочадцев, с тем чтобы облегчить последующее возведение к славному роду исполинов своего собственного происхождения (по линии Сима). И последнее, судя по тому, что автор Премудрости Иисуса группировал древних гигантов с «жившими вместе с Лотом» (т.е. обитателями Содомы и Гоморры), можно предполагать, что книжники догадывались о связи между потопной легендой и историей катастрофы в долине Сиддим.

Причем навести их на эту мысль могло не только внешнее сходство катастроф (в обоих случаях — потоп), но и сходство облика народов, которые пережили бедствие. Дело в том, что самым поразительным для стороннего наблюдателя во внешности коренных жителей Палестины был их гигантский рост. Рефаимы были племенем исполинов. Когда еврейские переселенцы ушли из Египта, они послали вперед группу соглядатаев: разузнать о силе и достатке живущих там народов. Принесенная лазутчиками весть была ошеломительна. «Народ, который видели мы среди ее, люди высокорослые; там видели мы и исполинов, сынов Енаковых, от исполинского рода; и мы были в глазах наших пред ними, как саранча, такими же были мы и в глазах их», — рассказывали они (Чис. 13:33—34).

Подобное свидетельство в Библии не единственное. В другом месте ее авторы сообщают, что у одного палестинского племени долго хранилась как реликвия железная кровать последнего рефаимского царя, длина которой равнялась 4 м 50 см (Втор. 3:11). Даже если учесть, что кровать делалась с известным запасом, все равно изготавливалась она явно не для обыкновенного человека.

Сами рефаимы до эпохи Царств не дожили, но их потомки из города Гефа до нее дожили и продолжали пугать воинов израильс-

ких царей своим, унаследованным от отцов, более чем внушительным ростом. Рост одного из них — знаменитого поединщика Голиафа (1 Цар. 17:4) — был больше 3 м. Сходные истории про людей, обитавших в этом районе, рассказывали античные писатели. Так, греческий этнограф Павсаний писал, что в Сирии на дне реки Оронт был найден гроб с человеческим скелетом 5 м 50 см длины.

Будем справедливы, не только с Ближнего Востока поступали такого рода сведения. Геродот рассказывал, что в Греции спарты выкопали скелет какого-то гиганта 3 м 50 см ростом; они приняли его за скелет легендарного героя Ореста и долго возили с собой в военных экспедициях в качестве боевого амулета. Знаменитому арабскому путешественнику Ибн Фадлану показывали шестиметровый скелет «волжского богатыря», повешенного хазарским царем. Подобных свидетельств можно было бы привести еще множество, благо древняя литература просто переполнена ими. Поэтому на очереди естественный вопрос о достоверности всех этих сведений.

Палеоантропология. Начать придется с неутешительного вывода, что степень достоверности их невелика. Даже современная антропология, с ее кажущимся отточенным инструментарием, часто не только развеивает мифы, но и плодит их (миф о гримальдийском человеке и ему подобные). Что тогда спрашивать с древних антропологов? Основа старинных сказаний о великанах могла слагаться из нескольких вполне банальных фактов: находок костей ископаемых животных, сооружений, своими размерами указывающих на высокий рост их создателей, естественной разницы в росте между различными племенами и расами. Кроме того, думаю, если бы на бой с царем Давидом вышел не легендарный Голиаф, а наш современник пакистанец Мухаммад Алан Чанна, чей рост — 2 м 50 см, а вес — больше 200 кг, то впечатление у израильского войска было бы не менее сильным, чем в библейские времена. Однако из этого не следует, что пакистанцы — народ-гигант*. Поэтому, оставив пока в стороне древние свидетельства, а равно многочисленные упоминания о высоком росте экзотического йети, попробуем поговорить на эту тему, руководствуясь данными, проверенными и перепроверенными не единожды.

---

* Данные Чанна — не предел. Согласно Книге рекордов Гиннеса, абсолютный рекорд принадлежит некоему Роберту Першингу Уадлоу — 2 м 72 см. Однако и эта цифра ничего не говорит антропологу, потому что свидетельствует лишь о наличии у названных лиц довольно редко-го эндокринного заболевания — акромегалии.

Что на земле некогда жили человекообразные гиганты — факт бесспорный. В антропологии они подразделяются на гигантопитеков (гигантских обезьян) и мегантропов (больших людей). От первых в Китае найдены зубы, от вторых — две челюсти в Восточной Африке и на Суматре. Приходилось читать в популярной литературе даже о некой «реконструкции» скелетов этих исполинов со ссылкой на известного антрополога В.П. Якимова. При этом приводились фантастические цифры: рост — до 5 м и вес — до полутонны. Однако на самом деле вся «реконструкция» представляла собой не что иное, как простое и достаточно спорное умозаключение Якимова, суть которого сводится к следующему: поскольку зуб гигантопитека в два раза больше зуба горной гориллы, то и все остальное у него должно быть вдвое больше. Отсюда — и цифры. С таким умозаключением трудно согласиться полностью: разумеется, между ростом и размером зубов существует известная взаимозависимость, но не настолько прямая.

После находки останков гигантопитеков и мегантропов знаменитый палеоантрополог Вейденрейх выдвинул гипотезу о происхождении от них современного человека. В то же время он не мог не сознавать, что на пути к признанию его теории стоят почти непреодолимые препятствия, поскольку, по имевшимся на тот день данным, все ближайшие предки человека высоким ростом не отличались.

Но прошло время, и этот главный контрдовод стал терять свою убедительность. Например, обнаружилось, что существовало не менее трех разновидностей австралопитека, колебание в росте между которыми составляло 30 см. Сравнительно недавно известный антрополог Ричард Лики (За рубежом. 1984. № 50) сообщил на пресс-конференции о находке скелета подростка хомо эректуса, который, поживи он подольше, мог достичь роста 180 см. Заметка на эту тему так и называлась: «Наши рослые предки». Сейчас не хватает только найти рослого неандертальца, чтобы замкнуть цепь, тянущуюся к человеку от его сверхмассивного пращура — гигантопитека. Точнее, было бы не совсем верно говорить, что нет пока рослого неандертальца. Он (или почти он) есть. И самое любопытное, убеждают в этом данные, добытые в районе, с которого мы начали рассказ о гигантах-рефаимах, — в Палестине.

В 30-е годы XX столетия экспедиция антропологов обнаружила в Палестине, на горе Кармаль, скелеты существ, вызвавшие в стане палеоантропологов долго не утихавшую смуту. Во-

первых, различия в строении скелетов «палестинцев» оказались столь велики («полиморфизм»), что возникла теория о происхождении от них основных человеческих рас, но в действительности эти различия намного превосходили существующие расовые. Во-вторых, по основным своим показателям (объем мозга, форма лба и т.д.) «палестинец» уже был человеком в полном смысле этого слова, хотя сохранял в своем облике и некоторые неандертальские черты. Это обстоятельство, в свою очередь, выдвинуло Палестину на первое место среди предполагаемых прародин человечества. Наконец, что самое важное для нас теперь, «палестинец» был весьма рослым — 175 см.

На первый взгляд цифровые показатели «палестинца» (175 см) не выглядят слишком внушительно, особенно на фоне рассказов древних авторов о ближневосточных гигантах. 175 см — средний рост современного европейца. Но, решая, насколько высок был «палестинец», следует учесть, что 175 см европеец достиг только сейчас, в век акселерации, совсем недавно он был гораздо ниже. Например, обмер доспехов мюнхенских рыцарей показал, что их средний рост составлял около 160 см, а ведь германцы — один из самых рослых народов мира. И уж совсем гигантом покажется «палестинец», поставленный рядом с представителями карликовых племен (120 — 140 см), некогда широко населявших ойкумену.

Но и это еще не все. «Палестинец» не настолько чистый тип, чтобы считать его эталоном для человеческой природы по части роста. Так, выше 1 м 8 см был средний рост легендарных гуанчей — светлопигментированных коренных жителей Канарских островов, уничтоженных в XVI веке испанскими колонизаторами (гуанчей иногда отождествляют с атлантами из платоновского мифа). У некоторых ныне здравствующих африканских племен (например, динка) рост 1 м 8 см считается нормой. А так как прародина тех и других, по мнению многих антропологов, — Палестина, то нет ничего невероятного в предположении, что «палестинец», прежде чем окончательно сформироваться в современного человека, еще какое-то время рос, и некоторые его потомки могли достичь голиафовой цифры 3 м.

Разумеется, процесс этот не был искусственным, похожим на попытку Петра Великого путем скрещивания гренадера с финской девушкой-переростком вывести породу великанов. Царь не знал генетики, того, что сложение двух аномалий не всегда дает в результате аномалию же. Что касается Палестины, то там

данный процесс мог идти естественным путем и, видимо, дал тот результат, о котором мечтал царь-преобразователь. Во всяком случае, византийский историк Михаил Пселл писал, что император Константин VIII был ростом около 2 м 8 см, а его предшественнику пришлось иметь дело с мятежом неких «иверов» ростом 3 м 1 см. Даже если Пселл преувеличивал, то явно ненамного, поскольку писал не о предках и скелетах, а о живых людях, своих современниках...

Впрочем, нам пора остановиться, палеоантропология — сама по себе увлекательная и практически неисчерпаемая тема. Поэтому, пока читатель не забыл, что предмет нашего исследования — миф о потопе, составим резюме сказанного прежде. А именно: древние источники, констатируя факт проживания исполинов по берегам Мертвого моря (и это не обязательно вымысел), еще раз подтверждают справедливость предположения, что именно затопление палестинской долины Сиддим послужило основой последующих преданий о потопе, неотъемлемой частью которых было утверждение о замысле бедствия с целью уничтожения племени великанов.

Настоящий вывод нельзя назвать слишком оригинальным. Так думали еще творцы Библии. Прежде при цитировании мы пользовались обычным русским синодальным ее изданием, опирающимся на греческую версию Библии (Септуагинту). Иное дело еврейская Библия. Она гораздо откровеннее в изложении своих взглядов на проблему первоисточника потопного мифа. Возьмем, к примеру, известный нам эпизод засылки иудейских разведчиков в Палестину. Вот как звучит их рассказ в оригинальной интерпретации: *«...есть земля, истребляющая обитающих на ней, и весь народ, который мы видели на ней, — люди огромного роста. Там увидели мы и допотопных детей великанов, из допотопных, и стали мы в собственных глазах наших похожи на акрид, да такими показались и на их взгляд»* (Чис. 13:32.— 33). Эти выразительные, не допускающие разночтений строки ясно указывают на существовавшее, по мнению авторов Библии, родство между палестинскими гигантами-рефаимами и исполинами — жертвами потопа.

Судя по контексту, говоря о рефаимах как о жертвах потопа, Библия имела в виду не какую-нибудь иную, а именно вселенскую версию мифа. Однако из этого не следует, что они не были причастны и к содомскому его варианту. Хотя миф о Содоме и Гоморре сохранился в Библии, он принадлежал не иудеям, а моавитянам и аммонитянам — семитоязычным племенам, преж-

де евреев поселившимся в Палестине. Вывожу это из того, что моавитяне и аммонитяне считали себя потомками праведного Лота и его беспутных дочерей. Хотя содомская версия рассказывалась ими, из этого факта не следует, что именно моавитяно-аммонитянские предки пережили катастрофу Мертвого моря. В Библии Бог говорит Моисею: «Я не дам тебе ничего от земли сынов Аммоновых во владение, потому что Я отдал ее во владение *сынам Лотовым; и она считалась землею Рефаимов; прежде жили на ней Рефаимы*» (Втор. 2:19 — 20).

Нечто подобное библейским свидетельствам можно найти и в другом прославленном памятнике семитской литературы — в Коране. В нем Мухаммад, предостерегая своих соплеменников, напоминал: «Помните, как Он сделал вас приемниками после народа Нуха» (7:67). Пророк не говорил, был ли народ Нуха (Ноя) рослым, ну да это сейчас не важно. Главное, сами арабы считали себя пришельцами на земле Аравии, где им предшествовал народ, переживший потоп. Поэтому, сведя теперь воедино данные семитской литературы, можно довольно определенно говорить, что жило на Ближнем Востоке некое племя, считавшее себя жертвой потопа, племя, предшествующее семитам на их теперешней родине, но само, судя по разнице в росте, к семитской ветви народов не принадлежавшее.

Несмотря на то что ближневосточные источники сохранили только одну антропологическую примету народа—носителя потопной легенды — его высокий рост, нам сейчас, благодаря археологии, есть что добавить к скудным данным литературы, а именно: что сохранились портреты людей этого племени. Прежде уже упоминался чудо-город Иерихон, где все было впервые — и фортификация, и храмовое зодчество, — но до поры до времени не говорилось, что в нем были найдены изображения людей, которые опять-таки впервые со стопроцентной уверенностью можно назвать портретами. Уверенность эта обусловлена тем обстоятельством, что изображения представляли собой чрезвычайно реалистически выполненные погребальные маски. Особенно хорошо сохранился женский портрет*. Одного взгляда на это милое, с прямым, слегка вздернутым носом, домашнее, я бы сказал, русское лицо достаточно, чтобы убедиться: древнейшее, коренное население Палестины к семитам не принадлежа-

---

* История Древнего Востока. Зарождение древних классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. М., 1983. С. 53; *Carel J Du Ku. Völker des Alten Orient. Baden-Baden, 1969. P. 18.*

ло и обликом своим являло классический европеоидный тип. Поэтому если кто из потомков иерихонцев дожил до наших дней, то говорить эти потомки должны либо на индоевропейском, либо на угро-финском языке.

Итог. От промежуточных выводов перейдем теперь к более широкому обобщению, где учитывались бы данные всех привлеченных дисциплин: геологии, археологии, генетики, этнографии и антропологии. Итак, есть веские основания предположить в истории образования Мертвого моря первоисточник последующих легенд о потопе:

1) потоп в Палестине был, и случилось это на памяти знакомого с градостроительством населения;

2) гео- и этнопривязки в легендах, если таковые сохранились, часто не имеют ничего общего с местными условиями, но поразительно сходятся с условиями Палестины: горы расступились, хлынуло море, образовалось озеро, цель потопа — умерщвление исполинов. Указание на очень высокий рост жертв потопа, возможно, не вымысел, во всяком случае, народ — носитель потопной легенды заметно превосходил по этому показателю семитов и обликом походил на современных европейцев;

3) наиболее восприимчивы и внимательны относительно этого события оказались жители города, находившегося в непосредственной близости от Мертвого моря (Кадеш).

Спрашивается: может ли этот свод аргументов, кстати, гораздо более полный, чем у других потопоатлантологов, служить сколько-нибудь серьезным доводом в пользу предположенной гипотезы? Да ничуть. Разумеется, без геологического и археологического подтверждения вообще не было смысла заводить разговор на эту тему. Но сами по себе они — доказательства из разряда косвенных. Единственное, чего удалось достичь, так это констатации факта потопа в Палестине — события, породившего миф о Лоте, как нельзя более удачно вписавшегося в общемировую традицию потопной литературы и повлиявшего на кораническую версию мифа. Вот и все. Недоказанным остается главное: история палестинской катастрофы была первоисточником всех других легенд о потопе. Только вселенская ономастика мифа (имена и названия), указующая на дно Мертвого моря, способна дать решающие аргументы в пользу палестинской версии.

Точнее, условия еще жестче. Мало свести одно, два, три потопных сказания к ономастике Палестины (в подобном случае трудно было бы исключить вероятность простого переноса из

одного вторичного источника в другой). К прародине мифа должна сходиться вся или почти вся ономастика легенды, по крайней мере большая ее часть, с таким разбросом по географии, чтобы он заведомо исключил возможность попадания во вторичные источники. Вот каковы условия «игры». Никто их прежде не ставил, да и кому захочется обрекать себя на такую мороку, но только эти условия способны обеспечить чистоту, корректность и подлинную научность построений. Во всемирной ономастике — нерв проблемы мифа о потопе, его единственное безукоризненное решение. И слово теперь за ней.

ОГ ВАСАНСКИЙ

Греция. В Греции имело хождение несколько вариантов сказания о потопе. В одном из них, самом популярном, в качестве Ноя выступал фессалийский царь Девкалион, в другом — беотийский царь Огиг. Хотя схолиаст к Платону и ставил Огига после Девкалиона, но, если подходить к делу с точки зрения хронологии, все-таки есть основания думать, что Огиг гораздо старше Девкалиона. Само имя беотийского царя стало в Греции нарицательным: эпитетом «ogigios» там снабжалось все, что хотели назвать древнейшим, вечным. Кроме того, от потопного предания об Огиге почти ничего не осталось, разве что его личность иногда связывалась с историей образования в Беотии Копайдского озера, якобы покрывшего своими водами несколько городов (Страбон).

Уже в наше время делались попытки доказать с опорой на местную геологию пусть не факт, так возможность данной катастрофы, и, наверно, эти усилия имели бы успех, если бы не имя царя. Оно делает бессмысленным всякий поиск на территории Беотии. Дело в том, что на самом деле Огиг — не имя царя, а название прославленного Библией мамбрийского дуба (Флавий. «Древности». С. 1, 4, 10), чье изображение теперь можно видеть на любой иконе «Троицы Ветхозаветной». Остается добавить, что именно под дубом **Огигом** восседала за трапезой у Авраама триада богов (ангелов), прежде чем отправиться на разгром Содомы и Гоморры. А это обстоятельство, в свою очередь,

как нельзя лучше объясняет, откуда взялась в Беотии легенда об утонувших городах и почему уцелевший царь носил имя **Огиг**.

Скажем больше, нам по силам не только вернуть к его палестинскому первоисточнику один из греческих вариантов легенды о потопе, но и растолковать плохо объяснимое с греческого языка имя царя, якобы пережившего катастрофу.

Палестина. Мамбрийский дуб **Огиг** рос в предместье города Хеврона, где жили рефаимы, которыми правил царь Гогам. Сходство между названием дуба и именем хевронского царя (Огиг — Гогам) совсем не случайно. За ним система, потому что комбинация «гг» с разной огласовкой обычно выступала в качестве основы библейских царских имен. Кроме хевронского Гогамы в тот же ряд можно поставить знаменитых Гога и Магога, менее известных амалакитянских царей-тезок по имени Агаг, дважды упоминаемых в Библии: один раз во времена Моисея (Чис. 24:7), другой — во времена Саула (1 Цар. 15:8).

Однако, думается, что «Огиг» не было первоначальной формой имени, в нем явно чувствуется характерное для древних грамматик и ритуальных обращений удвоение более короткого имени — **Ог**. И действительно, упоминается в Библии персонаж, носивший имя **Ог** (Ог Васанский). Огом звали того самого последнего царя рефаимов, чья гигантская железная кровать хранилась в Палестине как реликвия.

Такая последовательность наименования палестинских царей наводит на простую мысль, что слово «ог» являлось не именем, а титулом, соответствующим русскому «царь». Что касается удвоения слова «ог» до «огига», «гогама», «агага» и т.д., то оно могло представлять собой ритуальное обращение (царь-государь), превосходную степень (царь царей), форму множественного числа (цари).

Запасшись сведениями относительно смысла и назначения палестинских терминов «ог» и «огиг», теперь перейдем непосредственно к мифу о потопе. Пока в нашем распоряжении только один пример использования терминов в таком контексте — предание греческой области Беотии о якобы пережившем потоп царе Огиге. Поэтому очередная задача — выяснить масштабы употребления палестинской титуляции в общемировом своде потопных легенд.

Начнем с оригинала — личности последнего рефаимского царя Ога Васанского. Судя по воспоминаниям древних, Ог был фигурой исключительной даже на фоне богатой на все значительное истории Палестины. Флавий, принадлежавший к племени исконных рефаимских недругов, и тот отдавал должное царственному

облику и дарованиям этого человека. «Ог отличался исполинским ростом и редкой красотой; при этом ему была присуща необыкновенная храбрость, которая вполне отвечала его статному красивому телосложению», — писал знаменитый историк.

Ог ни у Флавия, ни в Библии, понятно, не фигурирует в качестве героя потопного мифа, но в памяти иудеев сохранились воспоминания о непосредственной причастности рефаимского царя к этому эпохальному событию. В талмудической литературе можно найти упоминание, что во время потопа великан Ог забрался на крышу ковчега, и Ной на всем протяжении плавания кормил рефаимского царя, подавая ему пищу через отверстие в крыше.

Благодаря данному свидетельству, мы обретаем имя (точнее, титул — царь) исконного героя палестинского предания о потопе. И если знаменитый миф действительно вышел из Палестины, то царь Ог и дуб Огиг, безусловно, должны фигурировать в значительной части общемирового свода легенд.

Надеюсь, читатель поймет, почему я привожу ниже весь длинный реестр разноплеменных героев-тезок, объединенных единой темой потопа: без них было бы невозможно воссоздать полную, соответствующую географию мифа о потопе, вселенскую картину движения царя Ога и дуба Огига по планете.

Аравия. В первой главе уже говорилось, что пророк Мухаммад, создавая свою версию мифа о потопе, судя по геологии и упоминанию Палестины (Канан) в числе утонувших, опирался не столько на всемирный библейский вариант, сколько на легенду Мертвого моря. Не забыл пророк и про рефаимского царя Ога. Его именем Мухаммад назвал народ, народ «аль-Айка», переживший бедствие и предшествующий арабам на их сегодняшней родине. Кроме того, пророк использовал имя Ога для обозначения **Йагуса** и **Йаука** — ложных богов, которым поклонялись нечестивые сородичи праведного Нуха (71:23).

Нигерия. Третий вариант трактовки образа рефаимского царя Ога дает мифология африканского племени йоруба. Интересно отметить, что некоторые исследователи считают современных йоруба потомками атлантов из платоновского мифа об Атлантиде. Так вот, в мифологии йоруба рефаимскому Огу соответствует божество плодородия **Око**. Говорили, что он родился после того, как обесчещенная мать-земля стала извергать в судорогах из груди своих и лона потоки воды. Вместе с водой вышли из чрева ее боги (похоже, их было восемь, т.е. столько же, сколько в классическом библейском ковчеге). В числе этих выплывших богов значился и посвятивший себя плодородию Око.

Перу. С западного побережья Африки перенесемся на другую сторону Атлантики, так как именно в Америке рассказывали трудноотличимый от нигерийского вариант мифа о потопе. Дубликатом Око мифологии йоруба в древнеперуанских сказаниях являлся **Око (Учу)** — один из четырех братьев—родоначальников легендарного народа инков. Формально перуанского Око нельзя назвать потопным героем. Инки рассказывали, что все четыре брата не тонули, а вместе с женами вышли из некоего украшенного золотом и драгоценными камнями окна в горе. Однако испанцы, услышав этот рассказ, точно угадали его потопную основу. Хронист писал: «Некоторые любознательные испанцы, слушая эти рассказы, хотят сказать, что индейцам была известна история Ноя, его трех сыновей, жены и невесток, которые и были теми четырьмя мужчинами и четырьмя женщинами, которых Бог спас от потопа, что это — те самые люди, о которых рассказывает легенда». Добавим от себя, что дело здесь не только в совпадении действительно характерной для потопных преданий цифры плававших в ковчеге — восемь. А в том, что, по рассказам, главный из братьев — Манко, прежде чем оказаться в золотом окне, вышел вместе с женой *из лагуны озера Титикака*. Точнее, отправной точкой его движения, видимо, был одноименный озеру остров, где был храм и где «после потопа... раньше, чем где-либо, увидели лучи Солнца». И значит, испанцы были совершенно правы, интерпретируя этнографический миф инков в потопном духе.

Гватемала. Точная копия перуанского Око (Учу) — гватемальский **Ики**, герой преданий индейцев киче. Ики — один из восьми родоначальников своего племени, также персонаж не совсем явного потопного предания. Официальная версия мифа о потопе индейцев киче гласила, что все обезьяноподобные недочеловеки погибли в результате катастрофы. Однако описанная в священной книге киче «Попольвух» нелегкая жизнь, которую долго вел Ики с тремя своими братьями, показывает, что потоп пережили именно родоначальники киче: «Внезапно начался сильный ливень. Масса града выпала на голову всех племен, и огонь был потушен». Солнце тогда еще не всходило, была полная тьма, и Ики вместе с братьями, дрожа от холода, забрался на вершину горы Хакавиц. Но вот взошло солнце, и «сразу же поверхность земли была высушена... Перед тем как поднялось солнце, поверхность была влажной и илистой».

Венесуэла. Иначе, нежели киче своего Ики и инки своего Око (Учу), представляли себе тот же образ венесуэльские ин-

дейцы ябарана. Во-первых, подобно некоторым перуанцам, они произносили это имя с другой ступенью чередования — **Очи**. Во-вторых, в венесуэльских преданиях Очи предстает не жертвой, а виновником потопа.

Будучи хранителем одной таинственной корзинки, Очи, снедаемый любопытством, открыл ее: из корзинки вылетела птица-солнце, и разразился потоп.

Остров Пасхи. К той же серии виновников потопа относится **Уоке** — грозный бог и прашур пасхальцев. По их словам, «земля острова Пасхи была некогда гораздо больше, но так как жители его совершали преступления, Уоке раскачал землю и разбил ее, [подняв] при помощи палки».

Антильские острова. Копия Уоке пасхальцев — **Ёкау**, главное божество Антиль, бог грозный, вулканоподобный и, по мнению местных жителей, основной виновник всех бедствий на островах, включая потоп.

Новая Зеландия. Завершить список потопных персонажей-тезок в Западном полушарии, вероятно, следует новозеландским **Ика-тере**. Ика-тере — отец рыб, божество полинезийцев маори, по преданию, родился во время потопа от морского божества Таироа.

Финляндия. Несмотря на огромное расстояние, морское божество финнов **Ики-Турсо** — поразительная копия маорийского Ика-тере. Совпадение практически по всем параметрам. Одинаковое пристрастие к морской стихии. Одинаковая фонетика первых половин имен. Обоюдная причастность к мифу о потопе: в случае с маорийским божеством она прямо названа, а в случае с финским божеством легко прослеживается благодаря второй половине имени — Турсо. «Турсами» у соседей финнов — скандинавов назывались великаны, что стали жертвами потопа.

Лапландия. Видимо, в один ряд с финским Ики-Турсо следует поставить **Айеке**, бога-громовика ближайших родичей финнов — саамов. Доподлинно неизвестно, был ли Айеке причиной катастроф в прошлом, но ему, безусловно, уготовано стать виновником грядущей гибели вселенной. Потому что, по мнению лапландцев, мир живет до той поры, пока охотящийся Айеке не настиг золоторогого белого оленя. Когда же это произойдет и в тело оленя вонзится первая стрела Айеке, то *«горы извергнут огонь, реки потекут вспять, иссякнут источники; после второй стрелы — огонь охватит землю и лед закипит; когда же Айеке вонзит в сердце оленя нож, звезды падут с небес, утонет солнце, потухнет луна и на земле останется прах»*.

К изложенному выше саамскому «апокалипсису» остается добавить, что на мысль о принадлежности лапландского Айеке к кругу персонажей потопного мифа наводит не только имя и апокалипсическая трактовка образа, но и удивительное для лапландцев, живущих за несколько тысяч километров от ближайшей сейсмоактивной зоны, представление о способности рек течь вспять, а из гор извергать огонь. Откуда это?

Алтай. Практически тот же вопрос: откуда это? — хочется задать жителям до крайности сухопутного Алтая, когда узнаешь, что и у них было предание о потопе и что лапландскому Айеке в нем соответствует **Яйык** — светлый дух, заступник за людей, деятельный участник всех потопных перипетий.

Пруссия и Литва. Еще одна грань того же образа — прусское божество **Око-пирмс**. Оговарюсь: прямых доказательств причастности Око-пирмса к мифу о потопе нет, и поначалу на мысль о такой возможности наводит лишь имя Око, полностью совпадающее с именами нигерийского и перуанского потопных героев. Оправданием здесь может послужить то, что от мифологии древних пруссов вообще почти ничего не осталось, в основном списки богов, в которых прусский Око, оправдывая вторую половину своего имени (*pirms* — первый), всегда занимает почетную первую строку. Однако, пользуясь обычным в науке методом реконструкции по данным родственных мифологий, можно легко восстановить, по крайней мере, одно прусское предание, где Око-пирмс выступал в главной роли. Разумеется, это миф о потопе.

Литовцам, ближайшим родичам пруссов, был хорошо известен этот миф. Главным организатором бедствия в нем назывался первенствующий среди богов **Прамжимас**, т.е. тот же прусский Око-пирмс, только без первой, потерянной за давностью события частью имени божества (Око). В Литве рассказывали, что однажды, выглянув из окна небесного дворца, Прамжимас поразился царящей на земле неправде. Факт этот так сильно подействовал на вседержителя, что он решил уничтожить греховное человечество. Были посланы великаны — Вода и Ветер, которые схватили землю и стали трясти ее, пока все живое не утонуло. Случайно Прамжимас, грызя орех, снова выглянул из окна дворца и обнаружил, что несколько пар людей и животных спаслись на вершине горы. Прамжимас почувствовал сострадание, бросил вниз скорлупу ореха, которая превратилась в спасительный ковчег. Бедствие минуло, люди разошлись по земле, одна пара осела в Литве и положила начало литовскому племени.

Белоруссия. Прежде говорилось, что у славян бытовало предание о некоем давнем поколении гигантов, погубленном богом за гордыню, и что звались эти гиганты **асилками** (или оселками). Однако если быть совсем точным, то необходимо отметить, что так их звали только в Белоруссии и, пожалуй, только там представления об асилках занято двоились: по одним версиям, они явились жертвами катастрофы, а по другим — ее организаторами. Например, рассказывали, что асилки утопили под Минском в озере Диком церковь с людьми.

Но не этот рассказ, мало чем отличающийся от других славянских вариантов мифа о потопе, с типичным для них упоминанием утонувших городов и церквей, привлек наше внимание и заставил включить его в главу, посвященную рефаимскому царю Огу. Дело в самом названии гигантов — асилки.

Значение славянского слова «асилок/оселок» хорошо известно — «точильный камень». Происхождение слова «асилок» принято в лингвистике возводить к праиндоевропейскому слову «ак», якобы имевшему значение «камень», «каменное небо». Не затрагивая сейчас точности фонетической реконструкции, хочется оспорить справедливость реконструкции смысловой. Мне кажется, что слово «аселок» связано с глаголом «заостряю».

Из Платона. Дополнительные аргументы в пользу справедливости нашей этимологии слова «аселок» и возведения образа белорусских асилков к образу рефаимского царя Ога может дать предварительный разбор ономастики платоновского мифа об Атлантиде. Тут сразу следует оговориться, что хотя рефаимская титуляция (см. ниже раздел, посвященный Лидии) встречается на страницах произведений великого философа, но непосредственно в мифе об Атлантиде царь Ог и дуб Огиг не упоминаются. Однако не будем огорчаться, нам пока достаточно того, что Платон воспользовался при изложении своего варианта мифа о потопе именем Атланта, именем, порождающим интересную цепочку ведущих в Палестину ассоциаций.

Дело в том, что мифический Атлант, видимо, носил некогда титул **ог**. Страбон приводит в своей «Географии» характерное высказывание одного из своих предшественников, уверявшего, будто существует такая гора под названием **Огий** и будто является она *жилищем Горгон и Гесперид*. Исходя из имен обитавших здесь Горгон и Гесперид, под горой Огий мог подразумеваться только обращенный в гору Атлант — здесь двух мнений быть не может. И значит, Огий — просто другое имя Атланта, имя очень прозрачное, легко возводимое к рефаимскому титулу **ог** (царь).

Нам по силам объяснить, каким образом получил легендарный титан-мученик Атлант этот так не идущий к его страдальческому образу титул. Дело в том, что самые ранние из известных изображений Атланта на территории Сиро-Палестины восходят к III тысячелетию до Р.Х. В недавно раскопанном архиве сирийского города Эбла были найдены оттиски печатей с изображением человеческой фигуры, поддерживающей разделенный на четыре части космический символ. Один исследователь архива Эблы назвал эти изображения Атлантом и очень верно сопоставил с традиционным титулом аккадских царей — царь четырех стран света. Действительно, для древних был характерен взгляд на царя как на некую опору мира, вседержителя, магического вершителя космических судеб (Фрэзер). Отсюда царственный подтекст образа Атланта и засвидетельствованное у Страбона имя Огий, нижеобразованное от рефаимского титула ог (царь). Что касается приложения имени Огий к горе, то, как уже говорилось, оно является графическим выражением иерархического превосходства царя над остальным обществом, противопоставления «горнего» царственного бытия «дольнему», народному. Отсюда же образование корня «ак» (острие, вершина, гора), к которому прежде было возведено название персонажей белорусских потопных преданий — асилков.

Если быть придирчивым, то можно, конечно, сказать, что ни гора Огий, ни сам титан Атлант — еще не Атлантида. Но согласиться с этим мешает простое обстоятельство: что и Атлантида как таковая в буквальном смысле прописана на дне Мертвого моря. По данным греческой мифографии, Атлантидой на правах дочери Атланта звалась богиня Калипсо, та, что долго держала в любовном плену знаменитого гомеровского героя Одиссея. Ее отчество само по себе мало что говорило, если бы не название острова, на котором жила богиня, — **Огигия** (!). Адрес — точнее не бывает, указывающий не просто на Палестину, но прямо на дно Мертвого моря, долину Сиддим.

Единственное в данном случае затруднение: почему — остров? Почему платоновская Атлантида и гомеровская Огигия — острова, тогда как Сиддим — долина? Но затруднение это мнимое, хотя именно оно более всего вводит в заблуждение атлантологов, которым некого винить за него, кроме как самих себя. Источник заблуждения — не мистификация древних сказителей, а буквализм и неисторичность мышления искателей Атлантиды. Суть дела в том, что даже в современных языках семантика слова «остров» далеко не всегда ограничивается значением

суши, окруженной водой (вспомним старинный эвфемизм «езда на остров любви» в смысле тайного свидания или дорожный термин «островок безопасности»). Еще богаче семантика этого слова в древних языках. В старину «островом» называли и собственно остров, и полуостров, и оазис, и долину, словом, всякое в большей или меньшей степени изолированное пространство. «Островом блаженных» назывался оазис Харга, «островом» называли свою страну жители Месопотамии, в Древней Индии «островами» (двипами) называли все известные крупные геоэтнополитические образования: будь то Скифия (Шакадвипа) или Индостан (Джамбудвипа), хотя сами индоарии, пройдя от Скифии до Индии, прекрасно знали, что и то и другое — не остров.

Очевидно, и уютная, скрытая горами долина Сиддим, учитывавая древнюю семантику слова «остров», вполне заслуживала это звание, более того — звание «остров Огигия». Обратим внимание: и у Флавия, и в еврейской Библии говорится, что еще до катастрофы цари Содомы и Гоморры встречали Авраама в долине под названием Царская, т.е. в переводе на язык рефаимов — «Огигия».

Хотя в данном случае для перевода мы воспользовались рефаимским языком, но практически с тем же результатом здесь мог быть использован и греческий язык, потому что рефаимские титулы ог и огиг бытовали в языке древних эллинов, только с другой огласовкой: agos (вождь) и agogos (ведущий). Так что вопрос, где находилась Атлантида, решается сам собой — Палестина.

Подводя на этом предварительный итог анализа фактов использования палестинской ономастики в потопных преданиях греков, остается констатировать, что не только история затопления беотийских городов в Копайдском озере при царе Огиге уходит своими корнями в образование Мертвого моря, но, видимо, и знаменитый миф об Атлантиде. Хотя прямо утверждать, что платоновская легенда вскормлена на тех же источниках, еще рано, получены пока только косвенные доказательства, основывающиеся на данных родной для Платона греческой литературы. Сама же палестинская ономастика в том виде, в каком она представлена в данной главе, в платоновской версии мифа об Атлантиде отсутствует. Однако из сказанного не следует, что Платон вовсе не был с ней знаком и не пользовался ею. Знал и пользовался, но в другом своем труде, где знаменитый философ пересказал осколок потопного предания Лидии, области, лежащей в Малой Азии, на противоположном от Греции берегу Эгейского моря.

Лидия. К сожалению, в целости лидийский вариант потопной легенды не сохранился и его предстоит реконструировать, слагая сообщения разновременных греческих информаторов: Платона, Геродота, Страбона, Гомера.

Начнем с Платона. Читатель будет удивлен, но кроме знаменитой Атлантиды, благодаря философу, уцелела еще одна, практически неизвестная версия потопного мифа. По Платону, отрывок из него звучит следующим образом: «У людей была бы полнейшая возможность, как я говорю, творить все, что угодно, если бы у них была такая способность, которой, как говорят, обладал некогда Гиг, сын Лида. Он был пастухом и батрачил у тогдашнего правителя Лидии; как-то раз *при проливном дожде и землетрясении земля кое-где расселась и образовалась трещина* в тех местах, где Гиг пас свое стадо. Заметив это, он из любопытства спустился в расселину и увидел там, как рассказывают, разные диковины, между прочим, медного коня, полового, снабженного дверцами. Заглянув внутрь, он увидел мертвеца, с виду *больше человеческого роста*. На мертвеце ничего не было, только на руке — золотой перстень» («Государство»). Далее Платон рассказывал, что перстень оказался волшебным, он делал его обладателя невидимым; обрадованный Гиг якобы тут же вступил в число вестников царя, соблазнил его жену и, вместе с ней убив царя, занял престол.

Читая этот платоновский пересказ лидийского мифа, невольно задаешься вопросом: а при чем тут перстень-невидимка и все, что ему предшествовало, когда главным орудием честолюбивого Гига стала неверная жена, для которой невидимость любовника, понятно, не ценность, а бремя? Объясняется настоящий парадокс довольно просто. У Платона срослись два лидийских мифа, объединенные именем Гиг. Среди легендарных царей Лидии было несколько Гигов (их иногда отождествляют с библейскими Гогом и Магогом). В остатках лидийских преданий упоминаются не менее четырех Гигов. И это обстоятельство лишний раз подтверждает справедливость нашего предположения, что рефаимское слово «огиг» представляет собой титул, а не имя, и одновременно хорошо объясняет путаницу персонажей у Платона. Геродот в своей «Истории» гораздо подробнее, чем Платон, рассказывает второй миф о неверной жене, рассказывает без всяких прикрас, не помяная ни словом землетрясение, расселину, перстень.

Поэтому, оставив в стороне любовно-авантюрную половину платоновского мифа о Гиге, обратимся к более интересной для

нас — первой. Самое главное, в том есть почти все необходимое, чтобы считать ее местным вариантом потопной легенды. Землетрясение, провал, дождь, великан с перстнем-невидимкой (примета загробного мира) — все это недвусмысленно указывает, куда, видимо, поначалу клонил рассказчик мифа. Практически не хватает только собственно потопа, чтобы довершить картину. И, судя по некоторым приметам, потоп там действительно был, не в Лидии, разумеется, а в лидийском мифе. Память о нем — крупнейшее озеро Лидии, так и называемое в честь царя или, лучше сказать, царей — Гигейским.

Можно даже довольно определенно говорить о местоположении близ озера той расселины, в которую спускался Гиг. Существует два варианта. Первый: она могла быть могилой под тамошним курганом, описание которого осталось у Геродота. Историк сообщал, что «есть в Лидии одно сооружение, далеко превосходящее величиной все другие (помимо построек египтян и вавилонян)... Его основание состоит из огромных плит, остальная же часть памятника — земляной курган... К кургану примыкает большое озеро, которое, по словам лидийцев, никогда не высыхает. Называется оно Гигейским». Другой вариант: подобно сирийскому святилищу Астарты в Кадеше и афинскому храму Геры Олимпийской, расселина в Лидии могла находиться под основанием храма, посвященного нимфе озера, которую лидийцы «очень почитали, и святилище ее было великой святыней» (Страбон).

Впрочем, местоположение расселины — не самое главное в истории Гигейского озера. Гораздо важнее, что с ним, видимо, связывался миф о происхождении племени лидийцев (а это очень характерная примета, потому что миф о потопе в существе своем этногенетичен, т.е. прежде всего посвящен возникновению последней племенной генерации). На такое предположение наводят слова Гомера, который, помяная лидийцев среди защитников Трои, обронил в их адрес короткий и выразительный эпитет — «Гигейского озера дети» («Илиада», 2, 65).

Таким образом, сложив по крупицам то, что осталось у древних писателей из давно погибшей лидийской мифологии относительно Гигейского озера и его тезок-царей, остается констатировать, что лидийцы не были исключением в ряду других народов и имели свое, хоть и не оригинальное, предание о потопе. А фонетика имени его героя Гига, мало чем отличающаяся от фонетики имени его греческого коллеги Огига, уже ранее возведенная через мамбрийский дуб Огиг к имени рефаимского

царя Ога, прямо указывает первоисточник лидийской версии легенды — Палестина.

Гавайи. Правильность нашего предположения относительно принадлежности названных лидийских мифов к преданию о потопе подтверждает мифология гавайцев. Дело в том, что в гавайских легендах сохранился дубликат Гигейского озера лидийцев, носивший очень похожее название — **Кагинарейское море**. В данном случае, безусловно, название принадлежит к своду потопной мифологии. Когда один миссионер на Гавайях в начале XIX века взялся знакомить туземцев с Библией и рассказал им про потоп, те ответили ему своей аналогичной историей: «Они говорили мне со слов своих стариков, что вся земля была некогда залита морем, за исключением одного небольшого пика на вершине Мауна-Кеа, где спаслись два человека от всеобщей гибели, что они до тех пор не слышали ничего о ковчеге или Ное и что потоп они привыкли называть *kai a Kahinarii*, т.е. Кагинарейским морем».

Колумбия. От легенд Гигейского озера лидийцев и Кагинарейского моря гавайцев мало чем отличается колумбийский миф о происхождении индейцев чибчамуисков. По этому преданию, некогда из легендарного озера **Игуаке** вышли мать с сыном (как Лот с дочерьми), произвели на свет многочисленное потомство, давшее начало племени чибча, а потом вновь ушли на дно озера Игуаке.

Перу. Несколько версий потопных легенд имело хождение среди древних перуанцев. Этнографы рассказывали: «Когда комплекс Тиагуанако был открыт европейцами, местные жители могли поведать о его создателях лишь фантастические легенды. Одна из них гласила, что боги, разгневавшись на древних строителей, наслали чуму, голод и страшное землетрясение, которое погубило творцов Тиагуанако, а главный их город исчез в водах **Титикака**».

Напомню, Титикака — самое большое в мире высокогорное озеро, соленое (между прочим). Буквально «титикака» означает «свинцовый холм», причем вторая половина названия перуанского озера — «кака» (холм) восходит к той же палестинской Огии и имеет очевидные соответствия в языках Старого Света.

В одной из последующих глав у нас будет возможность поговорить подробнее о происхождении перуанских мифов о потопе и даже точно сказать, какой из попавших в Новый Свет индоевропейских народов дал название озеру Титикака. Сейчас же отметим главное: в перуанской версии мифа рефаимский титул огит прилагался не к собственно водоему, как это встречалось нам ранее, а к местному «Аратату». Титикакой (свинцовым холмом)

назывался собственно холмистый остров посреди озера, на котором спаслись родоначальники перуанцев и от которого озеро получило свое название.

И данное обстоятельство следует признать весьма характерным, потому что оно повторяется в других мифологиях. Прежде мы уже отмечали приложение титула ог (гора Огий) к обращенному в гору Атланту. Теперь же, начиная с перуанского «кака», приведем примеры использования этого титула с удвоением и при наречении местных «Араратов».

Эквадор. Название «Арарат» в мифологии индейцев капьяри, живущих в Эквадоре, представляет собой нечто среднее между колумбийским «игуак» и перуанским «кака» и звучит оно как «**Гуакаиньян**». Индейцы капьяри очень почитают гору Гуакаиньян и рассказывают, что некогда разлился великий потоп, «от которого два брата спаслись, взобравшись на очень высокую гору Гуакаиньян. Когда поднялась вода, то вместе с ней поднялась и гора, так что потоп ни разу не достал вершины, на которой находились братья». Думаю, тут излишне говорить, что от обоих братьев произошли потом индейцы капьяри.

Таймыр. До смешного похож на эквадорский рассказываемый на другом конце света таймырский вариант мифа о потопе. Достаточно сказать, что «Арарат» звался в Эквадоре «Гуака», а на Таймыре — «Койка». Рассказывался же таймырский вариант следующим образом: «Сперва эта земля сплошь водой была покрыта. Потом вода немного спала, из нее стала торчать вершина шайтанского хребта **Койка-моу**. На это место откуда-то два человека упали. Смотрят кругом: везде только одна вода. Один из людей говорит: «Родим людей здесь» и т.д. и т.п.

Скандинавия. Еще один случай приложения палестинского титула огиг следует рассмотреть особо. Речь пойдет о таких версиях мифа, где он прилагается не к «Арарату», а, в полном соответствии с палестинской традицией, к популярному во многих мифологиях образу мирового древа. Сам по себе образ такого древа в отдельных мифологиях мог напрямую и не связываться с потопной темой, но, безусловно, некогда принадлежал к ней. Существует множество версий мифа о потопе, где мировое древо заменяет собой «Арарат»; типа: герой залезает на древо и там спасается от катастрофы. Есть даже варианты, в которых образы «Арарата» и мирового древа пристроены один к другому, например, герой взбирается от потопа на гору, а на горе растет дерево, в чьей кроне он находит окончательное убежище от бедствия.

Поэтому, зная, что именно под сенью мамбрийского дуба Огига отдыхали ангелы, прежде чем отправиться на разгром Содомы и Гоморры (т.е. дуб Огиг входил в образную структуру палестинской версии мифа о потопе), очевидно, есть смысл проверить, нет ли его дубликатов в мифологии других регионов.

Начнем со Скандинавии. Обратившись к скандинавской мифологии, не станем утверждать, что рефаимский титул огиг прямо назван в потопной мифологии скандинавов. Его там нет. Хотя сам он был известен скандинавам в качестве одного из имен верховного божества Одина — Игг. Причастность Одина к потопу сомнений не вызывает. Именно он с двумя братьями («сыновья Бора») были главными виновниками бедствия: «Сыновья Бора убили великана Имира, а когда он пал мертвым, вытекло из его ран столько крови, что в ней утонули все инеистые великаны. Лишь Один укрылся со своей семьей».

Таким образом, Один-Игг имеет полное право стоять в одном ряду с греческим Огигом, лидийским Гигом и им подобными. Но этого недостаточно. Данные скандинавской мифологии позволяют подтвердить правоту палестинской традиции, закрепившей титул огиг именно за мамбрийским дубом, а не за потопным героем. Подтверждает эту правоту наличие у скандинавов дубликата мамбрийского дуба Огига — мирового древа ясеня **Иггдрасиля**.

В «Младшей Эдде» — крупнейшем памятнике скандинавской мифологии — сохранился любопытный диалог-соревнование между Равновысоким (Одином) и неким Ганглери, в котором дается характеристика ясеня Иггдрасиля. Ганглери спрашивал: «Где собираются боги и где главное их святилище?» Сам Один отвечал: «Оно у ясеня Иггдрасиля, там всякий день вершат боги свой суд». Тогда сказал Ганглери: «Что можно сказать о том месте?» Равновысокий отвечает: «Тот ясень больше и прекраснее всех деревьев. Сучья его простерты над миром и поднимаются выше неба. Три корня поддерживают дерево, и далеко расходятся эти корни. Один корень у асов, другой — *у инеистых великанов, там, где прежде была Мировая бездна... Под тем корнем ясеня, что на небе, течет источник, почитаемый за самый священный, имя ему Урд*».

Прочитав данный отрывок, естественно было бы задаться вопросом: а что, собственно, в нем «палестинского»? Ответ здесь может быть до крайности прост — все. Начать с того, что дуб Огиг и ясень Иггдрасиль — мировые древа.

Соответствует палестинской традиции и скандинавское упоминание ясеня Иггдрасиля в качестве сборного пункта богов и судебного присутствия. Еще Флавий писал, будто подножие дуба Огига служило Аврааму присутственным местом, где он решал все домашние и общественные дела.

Подобно дубу Огигу, ясень Иггдрасиль по линии Одина-Игга причастен к потопной мифологии.

Священный источник Урд, текущий под корнями ясеня Иггдрасиля, — это Иордан. Причем, видимо, еще скандинавские скальды подозревали наличие связи между обоими источниками влаги и называли Христа одновременно «владыкой Иордана» и «сидящим на юге у источника Урд». В будущем нам еще предстоит встретить упоминания Иордана как характерной детали мировой потопной мифологии.

Наконец, совпадают имена и функции обоих древ. Имя Иггдрасиль составное: первая половина (Игг) традиционно толкуется как одно из имен Одина, вторая же (драсиль) значит «конь». Из того, что скандинавы называли дерево «конем», вовсе не следует, будто оно и мыслилось в виде коня. «Конь» — обычный для скандинавской поэзии эвфемизм, служащий для изящного наименования такого грубого предмета, как висельница. «Игг-висельница» — будет более точным переводом имени ясеня Иггдрасиля. И данный перевод хорошо согласуется с существовавшей у германцев и индоевропейцев вообще культовой практикой повешения царей на священных деревьях (Фрэзер). Сам Один назывался «богом висельников» и добровольно вешался на ясене Иггдрасиле ради познания тайны рун. В свою очередь, эта традиция германцев имела давние, еще рефаимские корни. Вешать царей или их потомков на дубах ради плодородия или в жертву солнцу было, кажется, в обычае рефаимов, и обычай этот свято соблюдался в Палестине вплоть до эпохи Царств, вспомним историю гибели Авессалома (2 Цар. 18:9 — 15) и сыновей Саула (2 Цар. 21:1 — 9), а может быть, и далее (Христос).

Таким образом, поскольку разницы между ясенем Иггдрасилем и дубом Огигом ни в имени, ни в функции нет, а различие в породах деревьев, понятно, вещь несущественная, остается сделать вывод: они — одно и то же. И значит, скандинавы были в курсе палестинских преданий и традиций.

Новая Гвинея. То обстоятельство, что имя «огиг», скорее, приложимо к мировому дереву, нежели к герою потопного мифа, подтверждает папуасская разновидность мамбрийского дуба. На Папуа дуб Огиг мыслился в виде дэмы (демона) Угуга. Демон

этот к моменту записи мифа прочно сидел в растении под названием «уати», и, по мнению папуасов, именно Угуг придавал желанные градусы ритуальному напитку, приготавливаемому из сока этого растения. Можно сказать, что Угуг был папуасским Бахусом в самой ранней, примитивной его форме, когда он представлялся еще простым демоном виноградной лозы.

Тут сам собой напрашивается вопрос: что общего между мамбрийским дубом Огигом и папуасским хмельным демоном Угугом? А общего, оказывается, много. Их связывает кровное родство. И дело здесь не только в том, что сходно называемый Угуг сидит в растении, причем в растении, имеющем большое ритуальное значение, но и в том, что само название растения и изготавливаемого из него напитка «уати/вати», вероятнее всего, восходит к индоевропейскому слову *uata* (вода).

Это обстоятельство необходимо признать чрезвычайно знаменательным по нескольким причинам. Во-первых, к тому же слову «вода» (*сканд. vatn*) возводимы и разные варианты имени германского бога Одина-Игга (Од-Один-Вотан). И очень характерно, что именно в связи с ритуальным опьянением одно из этих имен (*odr*) получило в языке древних скандинавов значение «исступление», т.е. и Один-Игг мыслился как хмельной демон. Наконец, самое главное: от того же слова «вода» некоторые лингвисты производят арабское слово *vadi/oud* (пересохшее русло, водосток, река), стоящее первым в современном названии **впадины Мертвого моря** (Вади-эль-Араба). Мало того, у арабов до ислама божество орошения носило имя Вадд, и, что еще замечательнее, кораническая традиция уверяла (71:23), будто этому Вадду, наряду с известными нам Йагусом и Йауком (т.е. ипостасно раздвоенным Огом), поклонялись погибшие нечестивые соплеменники пророка Нуха (Ноя).

Поэтому, как бы ни были разобщены пространством и обликом папуасский Угуг и скандинавский ясень Иггдрасиль, прототипы у них одни и те же — святыни Палестины: дуб Огиг и потопная вода Мертвого моря.

Упоминание потопа в данном контексте совсем не случайно. Хотя в посвященных дубу Огигу разделах скандинавской и папуасской мифологии он нигде прямо не называется, в лучшем случае подразумевается, все-таки есть на земле минимум два места, где дуб и потоп поставлены в прямую зависимость, — это Филиппины и Китай.

Филиппины. Филиппинский вариант мифа о потопе мало чем отличается от всех прочих. Естественно, не забыт в нем и царь

Ог. Оригинальность местному мифу придает лишь то, что он фигурирует в нем в качестве девятого сына местного «Ноя», принесенного в жертву ради плодородия. Да еще в том, что имя Ога употребляется с суффиксом косвенных имен «н» — **Игон***.

Действительно, филиппинский вариант легенды можно было бы посчитать ничем особенно не примечательным, если бы на Филиппинах обходились им одним, т.е. тем, что бытовал в сказаниях племени ифугао. Но были и другие. У тагалов, например, миф этот излагался совсем по-другому. Точнее, он у них обратился в сказку, сказку-предание, привязанное к местному озеру. Рассказывали, что жила некогда пара очень жадных людей (обычный мотив греховности допотопного человечества). Главной статьей их дохода была торговля плодами прекрасного тамариндового дерева, что росло в их саду. Однажды к супругам пришел нищий и попросил дать ему несколько плодов. Те, естественно, отказали. Тогда лицо нищего просияло, он ударил посохом по дереву, и «тут вокруг тамариндового дерева появилась вода и стала быстро прибывать. Она затопила все вокруг, и богатые, жадные супруги утонули. На этом месте разлилось озеро, которое стало называться озером Сампалок — Тамариндовым озером»**.

Когда прочитаешь эту сказку, возникает много вопросов: «Зачем нужно было бить по дереву?», «Откуда взялась вода?», «Можно ли считать эту тагальскую версию легенды родственной той, обычной версии, что рассказывалась у соседей тагалов ифугао?» К счастью, все эти недоумения разрешимы. И объяснение им можно найти не так далеко от Филиппин — в Китае.

Китай. Действительно, китайский миф о потопе является той золотой серединой, что в состоянии связать и примирить обе далеко ушедшие друг от друга филиппинские версии. Начнем с того, что в Китае главного героя и виновника катастрофы звали почти так же, как филиппинского героя Игона (т.е. **Ог** + суффикс «н»), но, что примечательно, имя его без первой гласной было «по-мамбрийски» удвоено. Звали его **Гун-Гун**. Это имя можно

---

* *Иллич-Свитыч В.М.* Опыт сравнения ностратических языков. М., 1976. Т. 2. С. 78.

** Великолепный негатив этой сказки — одна из версий фригийского предания о потопе (Филемон и Бавкида). Согласно ей, из всего селения только двое супругов проявили гостеприимство: приютили и накормили странствующих богов. В наказание селение было затоплено, только праведные супруги спаслись и после смерти превратились в дуб и липу (Овидий. «Метаморфозы»).

перевести как Князь-Князь (*кит. гун* — князь), что и по форме, и по содержанию соответствует палестинской языковой традиции.

Гун-Гун был водяным духом в образе красноволосого человека-дракона. Так вот, самое интересное, что сюжет китайского мифа о потопе практически исчерпывался рассказом про то, как Гун-Гун, проиграв битву духу огня, не нашел ничего лучше, как *начать биться в ярости головой о некий подпирающий небо космический столб* — мифическую гору Бучжоу, в которой легко узнать горную, «араратскую» модификацию мирового древа. Столб частично надломился, «часть небосвода отвалилась, и на небе возникли большие зияющие проемы, а на земле — черные глубокие ямы.

Во время этих потрясений горы и леса охватил огромный жестокий пожар, воды, хлынувшие из-под земли, затопили сушу и земля превратилась в сплошной океан».

Таким образом, история быющегося головой о небесный столб виновника потопа в Китае становится лучшим объяснением филиппинского предания Тамариндового озера, когда нужно было бить по дереву для исторжения воды и когда в ней утонула жадная чета*.

Коротко процесс возникновения двух филиппинских версий можно представить точно таким, каковой имел место при создании Библии, поделившей целый миф о потопе на содомский и вселенский варианты. Тот же миф, известный целиком в Китае, на Филиппинах был поделен между тагалами и ифугао. К первым отошла содомская часть, посвященная обстоятельствам гибели допотопных греховодников, и стала сказкой Тамариндового озера, а ко вторым — последующая, вселенская история обновленного человечества и жертвоприношения Игона — ипостаси китайского Гун-Гуна, прототипом которых является все тот же рефаимский царь Ог.

Для полноты картины приведу еще одну, китайскую же версию мифа о потопе. Рассказывали, что в некоей стране одной беременной женщине явилось во сне божество и посоветовало, не оборачиваясь, уйти из деревни, когда по реке проплывет деревянная ступка для риса. Женщина послушалась, сама ушла и увела часть соседей. Но, оказавшись за рекой, она не выдер-

---

* О воде, идущей из-под корней дерева или из срубленного ствола, рассказывается во многих других вариантах мифа о потопе.

жала и обернулась — все пространство позади было залито водой. В испуге она подняла руки и сразу превратилась в тутовое дерево. После потопа в дупле дерева нашли ребенка, ставшего позднее знаменитым мудрецом.

Не правда ли, забавный вариант легенды? Настоящий курьез даже на фоне вообще богатой на курьезы мифологии. Рассказчик явно торопился. Гнались за ним, что ли? Однако, несмотря на спешку, он умудрился в двух словах пересказать почти все содержание огромного мифа. Не забыл про ковчег, но не населил его (образ ступки-ковчеха он, видимо, позаимствовал из тайваньской версии мифа о потопе). Упомянул обернувшуюся и превратившуюся в соляной столб жену Лота, но скрестил ее с дубом Огигом, заставив эту химеру рожать потопного героя... Да, месиво получилось изрядное. Даже любопытно становится: кто и куда гнал мифографа так, что его рассказ оказался выдержанным в темпе галопа?

Впрочем, на этот вопрос вряд ли когда-нибудь удастся получить ответ. Но на другой вопрос — о прародине китайских мифов — можно ответить уже сейчас: Палестина. Если к приведенным прежде аргументам добавить, что в Китае употребление известного нам индоевропейского слова «вода» — *кит. vadi* (котлован, впадина для слива излишков паводковой воды) — почти не отличается от сегодняшнего палестинского употребления (русло пересыхающей реки, водосток), то ближневосточный адрес прародины легенд станет еще очевиднее.

Аккад. От мифов, где дуб Огиг фигурирует в качестве потопного героя или связанного с растением божества, перейдем теперь к упоминаниям его в качестве причастных к потопу существ высшего, духовного порядка.

Первый пример в этом роде подает нам Древний Аккад. В аккадской мифологии имя дуба Огига носит особый разряд небесных богов — **Игигов**. Перевод с аккадского названия «игиги» отсутствует, но исследователи верно заметили, что аккадским «игигам» соответствует шумерский титул «нунгалене» (великие князья). И такой вывод, очевидно, хорошо согласуется с нашими прежними предположениями, что название дуба Огига является на самом деле титулом.

Причастность аккадских Игигов к потопу сомнения не вызывает. В поэме «О все выдавшем» говорится, что организатором бедствия является бог Элليل, и, когда обнаруживается, что несколько человек спаслись, ярости его нет предела:

Увидев корабль, разъярился Эллиль,
Исполнился гневом на богов Игигов:
 «Какая это душа спаслась?
 Ни один человек не должен был выжить!»

Таким образом, упоминание Игигов в потопной легенде не только ставит под сомнение прямую зависимость аккадской версии мифа о потопе от шумерской, но и называет правильный адрес: Палестину.

Остров Пасхи. Еще раз с «игигами» мы сталкиваемся очень далеко от Месопотамии — на острове Пасхи. Разница в том, что там это название прилагалось не к особому разряду богов, а ко всем богам и духам и звучало оно у пасхальцев как **«ауаку»**.

О непосредственной причастности ауаку к мифу о потопе говорит то, что местом их постоянного обитания считалась легендарная Хива, страна на материке, видимо, тождественная общей прародине полинезийцев, называемой обычно Хава-Ики (Гавайи).

Так вот, однажды эту легендарную Хиву постигло бедствие. Хоту Матуа, вождь (арики) и прародитель пасхальцев, однажды увидел, что «земля медленно опускается в море. Тогда арики собрал своих подданных, мужчин и женщин, детей и стариков, и рассадил их в две лодки. Арики видел, что приближается бедствие; а когда его две ладьи были далеко в море (достигли горизонта), он заметил, что земля опустилась (в воду), за исключением одной маленькой части, называемой Маори». Именно после этого печального события Хива стала обителью высших существ пасхальской мифологии — ауаку.

Итог. Завершая на этом тему «Ог Васанский и мамбрийский дуб Огиг во всемирной потопной мифологии», бросим короткий ретроспективный взгляд на тексты и просто перечислим страны и регионы, в чьих легендах встречаются их имена. Такой перечень поможет читателю, вероятно, уставшему бродить вместе с автором по глобусу, восстановить ориентиры и позволит представить во всей наглядности географию использования палестинской ономастики в потопной мифологии мира.

Боги и герои: **Ог** (Палестина), **Йагус**, **Йаука** (Аравия), **Око** (Нигерия), **Око (Учу)** (Перу), **Очи** (Венесуэла), **Ики** (Гватемала), **Ёкау** (Антильские острова), **Ика-тере** (Новая Зеландия), **Ики-Турсо** (Финляндия), **Айеке** (Лапландия), **Око-пирмс-Прамжимас** (Пруссия и Литва), **Яйык** (Алтай), **Игон** (Филиппины), **Гун-Гун** (Китай), **асилки** (Белоруссия), **ауаку** (остров Пасхи), **Огиг** (Греция), **Игиги** (Аккад), **Гиг** (Лидия), **Один-Игт** (Скандинавия).

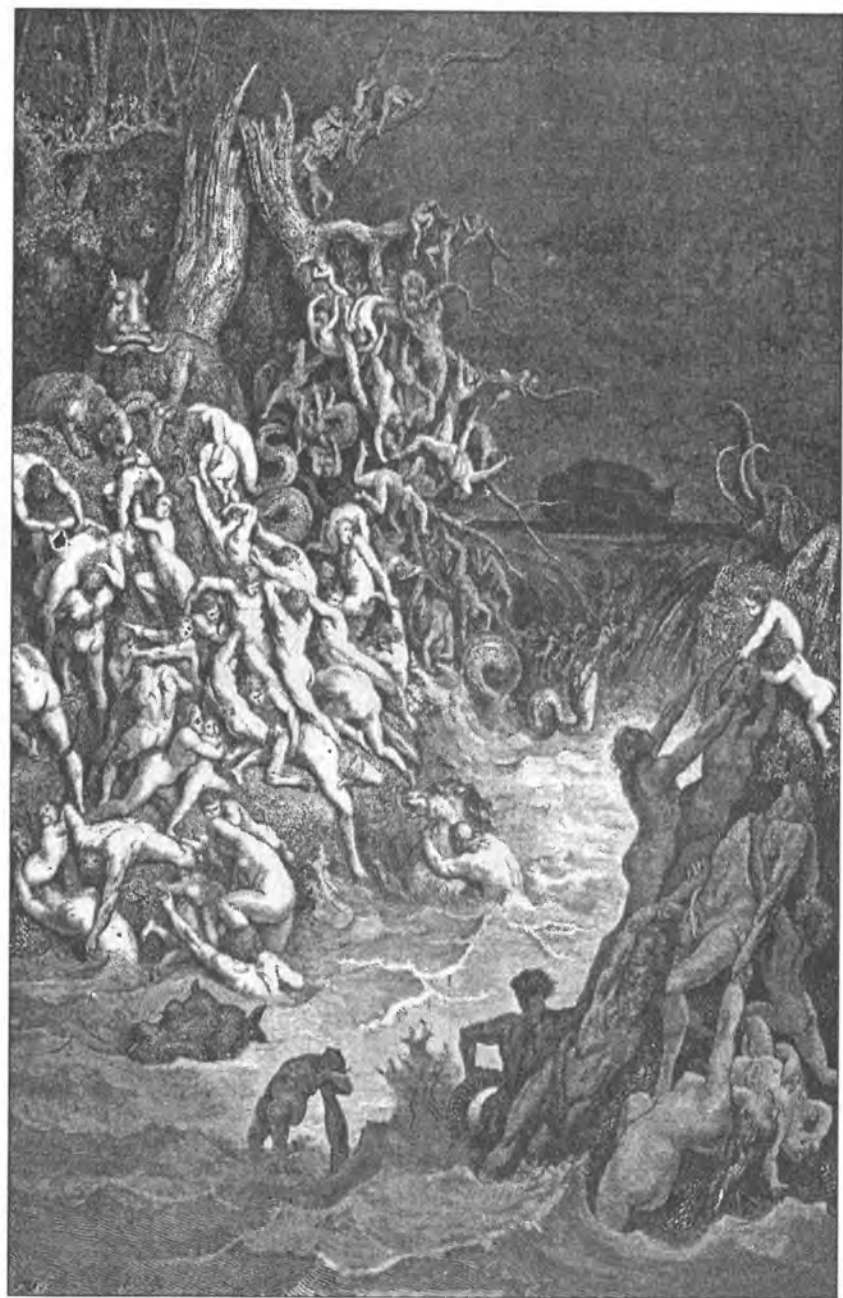
Водоемы: озеро **Игуаке** (Колумбия), **Гигейское** озеро (Лидия), **Кагинарейское** море (Гавайи), **Титикака** (Перу).

Деревья и горы: **Огиг** (Палестина), **Огий**, **Огигия** (Греция), **Угуг** (Новая Гвинея), **Игтдрасиль** (Скандинавия), **Гуакаиньян** (Эквадор), **Койка-моу** (Таймыр).

Итак, что же показывает настоящий перечень? Самое главное. Он подтверждает давнее предположение о существовании единого, исходного для всего свода мифов о потопе центра. Ничем иным такую последовательность в повторении имен и названий мифа объяснить нельзя. Кроме того, теперь уже с полной уверенностью можно говорить о прародине мифа. Это — Палестина. Скажем, в отличие от других регионов, где царь **Ог** и дуб **Огиг** бытовали на уровне мифа-сказки, Палестина оказалась единственным местом, сохранившим их первоначальный, более или менее исторический вид (к мамбрийскому дубу ходили на поклон еще в прошлом веке). А все вместе, о чем говорилось в данной главе, в сочетании с приведенными прежде данными от геологии, мифологии, археологии, этнографии и антропологии окончательно решает вопрос о прародине мифа в пользу Палестины. Хотя, добавим, **Ог** и **Огиг** — первая, но далеко не последняя палестинская примета мифа.

Несколько слов о происхождении имени царя **Ога**. Настоящее издание не предполагает развернутую лингвистическую иллюстрацию, но для интересующихся скажу, что основой имени потопного героя послужило праиндоевропейское слово «*yagha*», первоначально значившее «старший», «предок», «вождь», «царь». Думаю, читателю, любящему русские сказки, будет интересно узнать, что к этому слову восходят образы старухи-людоедки **Бабы-Яги**, а с удвоением (редупликацией) — **кикиморы** и **Кошечья Бессмертного**.

И последнее. Отыскание прародины — не единственная проблема потопной мифологии. И на некоторые вопросы, связанные с ней, мы попытаемся ответить в следующих главах.

ВЕЛИКОЕ ДРЕВО МИФА

Гнев богов. Единообразие ономастики потопных преданий ставит мифолога перед непростой проблемой: откуда при одинаковости имен такой гигантский разлет в системе изложения материала — от крайне простой, незатейливой истории утопления асилками церкви в озере под Минском до громоздкого, многохорового талмудического рассказа о потопе? Действительно, расхождения в сюжетах легенд таковы, что, не объединяя их ономастика, вряд ли можно было бы заподозрить происхождение их из одного гнезда. Все так и не совсем так. В хаосе мифов о потопе кроме системы в именах есть и своя система в сюжетных построениях.

Грубо сюжетный свод потопных легенд делится на две категории: описывающие бедствие как явление локальное и как явление вселенское. В эти две схемы практически полностью укладывается все сюжетное многообразие потопной мифологии. Мифы о локальной катастрофе я называю китежской серией легенд (саму русскую легенду о граде Китеже мы будем разбирать особо), к ней относится и белорусское предание об асилках. Мифы, в которых говорится о вселенском бедствии, можно назвать библейской серией. На первый взгляд ничего, кроме катастрофы, обе категории легенд не объединяет. Но на самом деле это не так. Библейская история во всех ее видах — прямое продолжение китежской легенды. И наша следующая задача — показать, в чем заключается связь и преемственность обеих сюжетных схем.

О месте китежской легенды в потопной мифологии вряд ли можно сказать больше, нежели то, что она является корнем, из которого выросло могучее древо этой мифологии, преданием — основой всего необъятного свода потопных сказаний. Практически китежская легенда, особенно в ее русском варианте, не миф, а историческое свидетельство, сформировавшееся едва ли не сразу же вслед за бедствием. Схема его выглядела приблизительно так: стояли в долине города, нахлынуло море и затопило их, образовалось озеро, ставшее для уцелевших после катастрофы предметом почитания.

Со сменой времен историческое ядро сказания стало обрабатывать, как дно корабля ракушками, чертами и деталями мифологического порядка, пока они в конце концов полностью не скрыли под собой исторические реалии первоначального рассказа. И выяснение того, как это произошло, анализ основных этапов мифологического оформления китежской легенды — главная цель данной главы.

Первый росток мифа в потопной истории пророс, когда палестинские сказители, поначалу просто, без затей рассказывавшие о потопе в долине Сиддим, задумались над такой важной проблемой, как причина бедствия. Допустить, что катастрофа была следствием слепой стихии, эгоцентричное первобытное мышление наших предков не могло. Видя во всем происходящем замкнутую на человеке причинно-следственную цепь, они, естественно, и в палестинской катастрофе склонны были прозревать высший промысел. И весь вопрос заключался в уяснении, в чем этот промысел состоял.

Поначалу праиндоевропейские сказители причину катастрофы объясняли наиболее естественным для их понимания образом — гневом богов. Если быть совсем точным, то гнев богов, по мнению рассказчиков, вызвало пренебрежение палестинцами правилами гостеприимства: они плохо приняли явившихся к ним под видом людей богов и поплатились за это. Так объясняют бедствие очень древние фригийская, ликийская, пеласгийская легенды о потопе, библейское предание о Содоме и Гоморре, филиппинская сказка Тамариндового озера, потопная легенда Коморских островов и островов Палау. Таким образом, судя по древности, широте географии и архаичности социальных установок, данная версия более других вправе претендовать на звание первейшей, изначальной.

В дальнейшем же, сохранив первоначальную установку на взаимосвязь между людьми и состоянием природы, сказители

стали толковать причину бедствия много шире: богоборчеством допотопных людей, их нравственными и физическими изъятиями.

Явным признаком деградации и распада первоначальной схемы можно считать более или менее индифферентный подход к проблеме причин потопа: земля утонула, будучи отягчена людьми, животными и плодами (индийская легенда о Вишнувепре), катастрофа — просто прихоть богов (греческая версия).

Люди-рыбы. Сказители пытались прежде понять путем мифологического оформления, что произошло с погибшими людьми, какова их судьба, кем стали они, очутившись под водой. Более чем вероятно, что, по русской версии, люди, погибшие при потопе, превратились в лягушек.

Конечно, на это можно возразить, что лягушки в легенде о граде Китеже не упоминаются. Все так. Но русский вариант сказания записан очень поздно и к тому времени оказался целиком переработанным в христианском духе. Для лягушек в таком варианте легенды места не оставалось. Однако очень верю, что россияне представляли себе китежан в виде лягушек. В пользу этого говорят отголоски культа лягушки, существовавшего у русских в пору язычества: сказочный образ Царевны-лягушки и запрет на употребление лягушек в пищу.

То, что всякого рода пищевые запреты связаны не с некой исконной брезгливостью к тем или иным животным, а с давним религиозным почитанием их, прежде всего в качестве животных предков (тотемов), блестяще доказал Джеймс Фрэзер. Нам остается лишь продемонстрировать, что русский культ лягушки восходит к переосмысленным образам утонувших в Палестине предков*.

Собственно, решающим доводом тут может быть массовость использования образа лягушки в потопных легендах других стран. У Овидия в «Метаморфозах» сохранилась очень любопытная и чрезвычайно древняя ликийская версия китежской легенды. Поэт рассказывал, что богиня Латона однажды пришла в Ликию. День был жаркий, и богине очень хотелось пить:

Вдруг озерко с необильной водою в глубине увидала
Дола; жители сел ветвистую там добывали
Вербу и гибкий тростник с любезной болоту осокой.

---

* «Русский» эпизод с сожжением шкурки Царевны-лягушки использован в мифе о потопе индейцев вичола: сожжена собачья шкура жены «Ноя».

Вот подошла и, колена согнув, опустилась Латона
 Наземь, стремясь почерпнуть студеной струи и напиток.
 Сельский народ не велит...

Мало того: ногами они и руками взмутили
 Озеро, с самого дна они подняли тину, нарочно
 В воду туда и сюда с намереньем прыгая злостным.
 Жажду гнев одолел: дочь Кея теперь уж не молит
 Их, недостойных, и слов, для богини чрезмерно смиренных,
 Не повторяет уже. Вот, к звездам руки подъявля,
 Молвит: «Будете жить вы вечно в озере этом!»
 Воля богини сбылась; им нравится быть под водою,
 То в глубине озерка всем телом своим погружаться,
 То выступать головой; то по водной поверхности плавать...
 Спинка у них зелена, а живот — часть главная — белый,
 В тинистом омуте, — род новоявленный, скачут лягушки.

У бушменов есть любопытный рассказ о чудесном превращении после катастрофы неких живших до бушменов «первых людей». Сообщалось, что в одной семье жила девушка, которая тайно убивала и ела каких-то «детей Воды». Наказанием всей семье был ураган, «девушку, по вине которой это случилось, вихрь унес первой... И вот все они превратились в лягушек. И все их вещи: стрелы отца, тростниковые циновки, из которых сделаны хижины, — все оказалось в воде, так как люди стали лягушками. Они теперь растут у воды, это вещи первых людей, которые жили здесь до нас».

Индейцы племени тембе рассказывали, что жил некогда юноша-сокол. Однажды он «уговорил родителей отправиться с ним в один дом на танцы. Он звал с собой и других жителей деревни, но те не захотели. Пришли они в этот дом и стали танцевать. И вдруг юноша отделился от земли, взвился в воздух и унес с собой родителей... И пошел тут сильный дождь, и шел он всю ночь; вода поднималась все выше и выше; много людей в ту ночь утонуло. Лишь несколько человек спаслось, потому что они догадались залезть на пальмы... В темноте люди жалобно перекликались, словно жабы, и так долго перекликались, что в конце концов и в самом деле превратились в жаб».

Будущее покажет, что упоминание в такого рода рассказах архитектурных сооружений (наподобие хижины для танцев, как в предыдущем рассказе) не случайно, они — местные аналоги русского града Китежа. А пока отметим, что, несмотря на обилие версий и широту географии, превращение жертв катастро-

фы в лягушек — не единственный и не первоначальный вариант решения проблемы судьбы утонувших в Мертвом море людей. Первосказители, сказители Палестины, думаю, предполагали, что их предки превратились в рыб. Судить так позволяет та особая роль, которая отводилась рыбе в потопных сказаниях.

Рыбоподобный бог Эа предупреждает «Ноя» о грядущей катастрофе в аккадской версии мифа. В древнеиндийском варианте рыба не только оповещает местного «Ноя», но и, будучи выращена им, буксирует ковчег к Гималаям. В потопной легенде бхиллов бог-губитель в наказание за болтливость вырезает рыбе — вестнику катастрофы язык, после чего рыбы замолкают навсегда. Вальманы, живущие на северном берегу Новой Гвинеи, рассказывали, что потоп был карой за съедение огромной рыбы: «не успели нечестивые люди съесть рыбу, как вода поднялась со дна и с такой силой хлынула на землю, что никто не успел спастись». Южноамериканские индейцы куруая и североамериканские индейцы кри утверждали, что людей утопили злые рыбы.

Существует немало версий легенды, в которых прямо говорится о превращении утонувших людей в рыб или подразумевается таковое. Например, индейцы майя рассказывали, что в век первого солнца произошла катастрофа, после которой «все исчезло, все было смыто водой, а люди сделались рыбами». В одной китайской версии о герое-спасителе говорится: «Если бы не было Юя, мы бы, верно, стали рыбами!» Похожую фразу произносит богиня Иштар в аккадском варианте мифа о потопе: «Для того ли рождаю я сама человеков, чтобы, как рыбий народ, наполняли море!» У тамилов их утонувшая прародина прямо называется Страной рыбы.

Наконец, самое любопытное. У сирийцев со временем сформировался специальный ритуал, видимо призванный предупредить окончательное уничтожение предков, обратившихся при последней катастрофе в рыб. В силу географической близости сирийского Кадеша к месту событий этот ритуал в наиболее полной форме сохранился именно в данном, уже упоминавшемся на этих страницах городе. Пусть читатель простит мне дальнейшую обширную цитату из Лукиана, в ней все так выразительно, так напоено глубокой древностью, что, право, было бы грехом ограничиться лишь кратким сухим пересказом. Лукиан пишет: «Есть там озеро неподалеку от святилища, в нем прикармливается много рыб разных пород. Некоторые из них вырастают до очень больших размеров. *Все рыбы имеют имена* и приплывают на зов. При мне у одной из них было украше-

ние, прикрепленное к плавнику. Я часто видел ее с этим украшением.

Глубина озера очень значительна. Сам я его не измерял, но, говорят, в нем более двухсот оргий глубины. *Посреди озера возвышается каменный алтарь. На первый взгляд кажется, будто он плавает и движется в воде, и многие этому верят.*

Мне же представляется, что алтарь просто стоит на большом, поддерживающем его столбе. Алтарь всегда украшен венками и покрыт курильницами. *Каждый день много украшенных венками людей направляются к нему вплавь, чтобы помолиться там.*

На озере происходят большие празднества, которые называются «Спуск к озеру», так как во время них все священные изображения спускаются к озеру. *Первой приходит Гера, чтобы Зевс не увидел рыб раньше ее; если бы это случилось, то, говорят, погибли бы все рыбы. Затем спускается Зевс, тоже посмотреть на рыб, но Гера становится перед ним, удерживая его, и мольбами склоняет удалиться».*

Необычайно выразительным представляется мне это описание озера и связанного с ним празднества. Рыбы, подобно людям, имеющие свои имена; якобы плавающий каменный алтарь — забавный синтетический отзвук ковчега и «Арарата», к которому для молитвы полагалось добираться вплавь, — все это вещественные отголоски мифа о потопе. Но особенно выразительно празднество «Спуск к воде». В нем явно отразился хронический страх сирийцев перед повторением катастрофы, после которой не уцелеют даже рыбы. Попытка заслонить изображением сирийской богини так настрадавшихся предков-рыб от испепеляющего взора злопамятного верховного божества — примета укоренившегося в сердцах сирийцев, передаваемого из поколения в поколение страха.

Таким образом, более чем вероятно, что в первоначальном варианте мифа о потопе утонувшие люди превращались в рыб, а не лягушек. Из этого, однако, не следует, что обе версии сколько-нибудь противоречат друг другу. Древний человек не был столь тонким биологом-классификатором, чтобы различать земноводных и рыб, для него они были существами одного класса, поэтому, заменяя в мифе одних другими, ничего противоречивого или исключительного не творил.

Подводя на этом итог анализа первых стадий мифологического оформления исходного, чисто исторического сказания о потопе, следует заметить, что поначалу к нему были добавлены только две детали: гнев богов за нарушение правил гостеприим-

ства в качестве причины потопа и в качестве следствия его — превращение утонувших людей в рыб.

Однако с помощью этих двух деталей-комментариев, как бы обрамляющих исторический раздел легенды о потопе, сказители решали лишь некоторые и не самые важные проблемы, прямо вытекающие из прискорбного факта сокрушительного бедствия, пережитого Палестиной. Необходимо было ждать продолжения, и спустя некоторое время оно последовало.

«Ной». После того как стало все ясно с причинами и результатами потопа, немногие уцелевшие после катастрофы не могли не задуматься над причинами собственной целости, мотивах избирательности божьего гнева, пощадившего часть местных жителей. «Видимо, не все наши предки нарушали правила гостеприимства, коль кто-то уцелел в катастрофе», — подумали они. Так вошла в потопное сказание тема спасенной праведности.

Поначалу, вероятно, эта праведность распространялась на всех спасшихся от бедствия и не имела в легенде конкретного носителя. Но со сменой времен, по закону жанра, общенародная добродетель персонифицировалась в лице праведного царя-одиночки или, пользуясь привычной нам библейской терминологией, «Ноя».

Какой-то свой, особенный образ «Ноя» палестинские мифографы, как это часто бывает, выдумывать не взялись и облегчили себе работу тем, что просто продублировали в его лице и лице его жены более древний, допотопный миф о близнецах: брате и сестре — первых людях, родоначальниках человечества. То есть путем простого калькирования произвели «Ноя» с женой от «Адама» и «Евы».

Отсюда и пошли все те не обусловленные логикой событий версии о кровосмесительных браках (инцестах) между уцелевшими после катастрофы парами, которыми, как уже говорилось, так богата потопная мифология. Только сцепкой двух этих разных мифологических слоев можно объяснить основные противоречия библейского предания о Содоме и Гоморре, например то, как спасшиеся дочери праведного Лота решились на инцест. Несмотря на очевидно местный характер пережитого бедствия, они делали это, будучи твердо убеждены, что, кроме Лота, на земле мужчин больше нет и необходимо срочно восстанавливать человечество.

Верность нашей реконструкции происхождения образа «Ноя» от «Адама» подтверждается наличием в некоторых вариантах ле-

генды прямых отождествлений перволюдей из близнечного мифа с героями мифа о потопе. Например, в потопной легенде индийцев местный «Ной» (Ману) — третий на земле человек. У греков титан Прометей выступал в роли создателя первых людей и одновременно являлся отцом местного «Ноя» и дядей его жены. В мифологии скандинавов вода потопа толковалась как кровь первочеловека, зарезанного Одинем.

Таких примеров можно было бы привести еще множество, но, думаю, лучше всего ограничиться одним, наиболее выразительным, прямо отсылающим «Ноя» к «Адаму». Этот пример дает талмудическая традиция иудеев. Согласно ей, Ной взял с собой в ковчег тело Адама, и оно гигантским барьером отделяло мужскую часть судна от женской. Может ли быть более ясное указание на происхождение образа «Ноя» от «Адама»?

Здесь следует заметить, что мифографы, облегчив себе работу простым переносом героев прародительского близнечного мифа в ткань мифа о потопе, поступали не слишком дальновидно, так как тем самым бросали семена сомнений и тревог в сердца тех, для кого потопная легенда являлась или становилась их собственной историей. Кровосмешение, положенное в основу этногенеза, рождало комплекс неполноценности у всех возводивших свой род к «Ною» и его жене. Противоречие между праведностью прародителей и извращенностью их брака мучило и пугало носителей потопной легенды, рождало ощущение изначальной порчи генофонда.

Долго держать в себе сомнения такого рода позднейшие сказители не могли, и эти сомнения стали выплескиваться наружу в образах мятущихся, мучительно переживающих свое двусмысленное положение послепотопных близнецов. Об этих муках, болях соединения говорится во многих версиях мифа о потопе, я же приведу лишь одну — ведическую, так как только от нее они и остались.

В древнейшем памятнике индийской литературы — «Ведах» сохранился любопытный диалог между богом смерти Ямой и сестрой-женой его Ями. Однако прежде чем привести отрывок из него, несколько слов о месте Ямы и Ями в потопной мифологии. Принадлежность их образов к потопной тематике сомнения не вызывает. Яма и Ями — двое из трех первых людей, брат и сестра официального индийского «Ноя» (Ману). Иранский дубликат Ямы — Иима — «Ной» иранской версии мифа о потопе. К сожалению, от самой ведической версии мифа ничего не осталось, кроме коротенькой фразы, что Яма «прошел морские

воды», — вот и все. Зато расширенно представлен в «Ведах» последовавший за спасением диалог героев, в которых Ями пытается склонить брата к кровосмесительному сожителству, а Яма возражает против инцеста:

Ями

Повернула бы я друга на дружбу
хоть *и прошел он морские воды*
мудрый родитель зачал бы внука
в начале провидящий продолжение.

Яма

Но друг твой не хочет подобной дружбы
с женой однокровной как чужеродной
ибо Асуры сыны небодержцы
великую землю обозревают.

Ями

Но ведь этого хотят эти боги
да был бы сын от первого из смертных
да вошла бы мысль твоя в наши мысли
как супруг к супруге в плоть ты вошел бы.

Мазохизм не в традициях человечества, поэтому сказители скоро взялись пересматривать самоистязующую концепцию прародительского инцеста. Преодолевался грех обычно тремя способами: ослаблением родственных связей между пережившими бедствие людьми, передачей супружеских функций «Ноя» какому-либо божеству, внеполовым восстановлением слепопотопного человечества.

Как забавный курьез здесь можно отметить, что такие великие хитрецы, как греки, попробовали на своих слепопотопных прародителях Девкалионе и Пирре все три способа преодоления инцеста разом.

Во-первых, они утверждали, что их предки были не родными, а двоюродными братом и сестрой. Но Овидий, страстный собиратель пикантной мифологии, постоянно заставлял Девкалиона начинать свое обращение к Пирре со слова «сестра»:

Нас, *о сестра, о жена*, о единая женщина в мире,
Ты, с кем и общий род, и *дед у обоих единый*,
Нас ведь и брак съединил, теперь съединяет опасность,
Сколько ни видит земли Восток и Запад, всю землю
Мы населяем вдвоем. Остальное все море досталось.

Во-вторых, эллины утверждали, что Девкалион был рогат и своего первенца — Эллина — Пирра родила от Зевса.

В-третьих, большую часть обновленного человечества Девкалион и Пирра воссоздали внеполовым путем — посредством брошенных через голову камней. Вот как описывает этот магический акт Аполлодор: «Зевс, послав к Девкалиону Гермеса, разрешил Девкалиону просить у него все, что ни захочет, и Девкалион пожелал возродить людской род. Тогда Зевс повелел ему бросать камни через голову. Те камни, которые бросал Девкалион, превращались в мужчин, те же, которые бросала Пирра, становились женщинами». Остается добавить, что прием с бросанием камней пришелся по душе многим сказителям, он встречается в потопных легендах индейцев макуша, таманак, в индонезийском мифе о потопе.

Не обрели покоя души мифографов даже тогда, когда, отказавшись и от кровосмесительной, и от магической форм воссоздания послепотопного человечества, они свели дело к изображению спасения обычной, не связанной узами родства супружеской четы. Такой вариант не решал проблему инцеста, а лишь отодвигал ее, так как пусть не самому «Ноя» с женой, так их детям все равно пришлось бы вступать в кровосмесительный брак. Выход был один: увеличить число плавающих в ковчеге, с тем чтобы исключить инцест. Так родился весьма популярный восьмичленный вариант команды ковчеге — «Ной» с женой, три их сына с тремя невестками, — который, наконец, освободил сказителей от печальной необходимости каждый раз извиняться за непотребное поведение послепотопной пары.

Помимо восстановления первоначального образа «Ноя» и его эволюции, анализ потопной мифологии позволяет реконструировать и первоначальное имя «Ноя». Звучало оно приблизительно как «Ман» (или Мин) и означало «Премудрый»*.

---

* В «Опыте сравнения ностратических языков» В.М. Иллича-Свитыча слово «тапи» реконструировано со значением «думать», но представляется, что это позднее, омиренное истолкование слова, имевшего прежде высший, магико-пророческий смысл. Ср.: *и-е.* тап (дух, безумие, колдовство), *урал.* тап (заклинать, колдовать), *бирм.* тап (зачаровывать, заклинять), *полинез.* тапас (божественная сила). Собственно, имя Ману (Мудрый) носил «Ной» не самой ранней индийской легенды о потопах, и считать его эталонным не было бы серьезных оснований, если бы не дубликаты этого имени в других потопных мифах.

Во-первых, в качестве тезок индийскому Ману запрашиваются имена некоторых американских «Ноев»: инкского Манко, алголкиндского Манибозо, папагосского Монтесумы.

Во-вторых, тезками индийского Ману, вероятно, можно считать мифических персонажей, прямо с потопной легендой не связанных, но занимающих в национальных мифологиях места, традиционно отводимые «Ноем»: прародителя народа или первого царя. Таковыми являются: Мин (первый египетский царь), Минос (первый критский царь), Манес (первый лидийский царь), Миний (первый царь греков минийцев), Манн (первый германец).

В-третьих, существуют легенды, в которых имя «Ноя» («Мудрый») сохранилось без первоначальной фонетики, но в достаточно близком к оригиналу переводе. Это: «Весьма премудрый» (Атрахасис) — имя «Ноя» вавилонского мифа, «Мудрец» (Куниан) — имя «Ноя» мифа индейцев гарскин, «Промыслитель» (Прометей) — имя отца и ангела-хранителя греческого «Ноя», «Пророк земли» (Чиовотмахке) — имя отца и ангела-хранителя «Ноя» мифа индейцев пима.

В-четвертых, существуют легенды о потопе, в которых особая роль отводится богам, олицетворявшим мудрость. Таковы: месопотамский Эа, египетский Тот, ацтекский Кетсалькоатль. Или, наоборот, мудрость приписывается мифическим персонажам, в чьих именах угадывается потопный подтекст. Например, Диоген Лаэртский писал, что родоначальником философии у ливийцев был Атлант, а у финикийцев — некий Ох («Жизнеописание», I, 1). Мысль о тождестве финикийского Оха со старым нашим знакомым Огом Васанским выглядит весьма правдоподобно, и обращает на себя внимание только то, что слова Диогена Лаэртского о нем — кажется, единственное упоминание палестинского царя-великана Ога в греческой литературе и что он выведен именно в качестве родоначальника финикийской философии, т.е. отцом финикийского мудрствования.

Наконец, к той же серии можно причислить имя «Ноя» аккадо-шумерской версии мифа о потопе. Хотя аккадо-шумерский «Ной» — Утнапишти-Зиусудра — назывался в тексте «весьма премудрым», но буквальный смысл его имени был иным: «Нашедший жизнь далеких дней». Однако отсюда не следует, что этот эпитет сколько-нибудь противоречит имени, такое имя очень подходит к образу пророка-мудреца и, видимо, является литературным клише, просто расшифровывающим имя «премудрый». Таким образом, частота употребления и широта географии по-

звolyют считать нашу реконструкцию первоначального имени «Ноя» — Ман («Премудрый») — достаточно правдоподобной.

«Шестоднев». Если бы сказители позаимствовали из древнейшего слоя своей мифологии только пару прародителей-близнецов, в том не было бы большой беды. Во всяком случае, ограничься они только этим заимствованием, исторический раздел предания о потопе вряд ли подвергся бы тем искажениям, которые с ним произошли и которые до неузнаваемости переменили его поначалу простой и бесхитростный лик.

Дело в том, что начальный рассказ о перволюдях-близнецах, попавший потом в потопную мифологию, существовал не сам по себе, а являлся частью обширного свода сказаний о сотворении мира или, пользуясь библейской терминологией, «шестоднева». Это обстоятельство сыграло решающую роль в судьбе китежской легенды, так как, начав с заимствования образа «Адама», потопная мифология на этом не остановилась и постепенно целиком переделала китежскую легенду в духе образов и представлений сказания о сотворении мира (космогонии), практически ничего не оставив в библейской версии мифа от его подлинной, первоначальной истории.

Но прежде чем показать в деталях процесс переделки китежской легенды в библейский миф о потопе, следует поведать о том, что представляла собой праиндоевропейская космогония.

Сказать прямо, она мало чем отличалась от классического библейского «шестоднева». Приводить здесь его целиком нет смысла по двум причинам: он слишком велик по объему и представляет собой развернутое изложение этрусского «шестоднева», конспективно изложенного в «Лексиконе» Суда. Выглядит этот конспект следующим образом: «Тиррения, страна, и Тиррены, называемые Тусками. Их историю написал ученый муж. Он рассказал, как бог — создатель всего на протяжении 12 тысяч лет трудился над своими творениями, которые он разместил в 12 так называемых обиталищах. *В первое тысячелетие он создал небо и землю. Во второе — всю видимую небесную твердь, в третье — море и все воды, текущие по земле, в четвертое — великие светила, солнце и луну, и звезды, в пятое — всю живность, летающую и пресмыкающуюся, и четвероногих, в воздухе и на земле и в воде, в шестое — человека.* Как явствует, первые шесть тысячелетий ушли на создание человека, остальные же шесть уйдут на жизнь человеческого рода, покуда не истечет все время до исполнения двенадцати тысячелетий».

Сходно с этрусской и так же конспективно излагает иранскую версию сотворения мира пехлевийская книга «Бундахишна».

Согласно ей, верховное божество Ормазд создал «первым небо, вторым — воду, третьим — землю, четвертым — растения, пятым — скот, шестым — человека; седьмым же был сам Ормазд».

Довольно близкой к первым двум можно считать описанную Аполлонием Родосским в «Аргонавтике» орфическую космогонию, которую пропел певец Орфей во время своего плаванья вместе с аргонавтами:

Пел он о том, как когда-то и суша, и небо, и море,
Раньше друг с другом в одну перемешаны будучи форму,
В гибельной распре затем отделились одно от другого
И средь эфира свое неизменное заняли место
Звезды, а также луна и пути неуклонные солнца.
Пел он, как горы взнеслись, как громко шумящие реки
С нимфами вместе возникли, а также и всякие гады.

Для полноты картины приведем еще индийскую космогонию, названную в «Ведах» «космическим жаром»:

Породил он закон и правду
возгоревшийся жар вселенский
из него же и ночь явилась
и волнение океана.
Из волнения океана
появилось вращение года
год же дни разделил и ночи
царь всего, что моргает в мире.
Созидатель Луны и Солнца
сотворил их поочередно
сотворил он небо и землю
поднебесье и свет последним.

После ознакомления с конспектами праиндоевропейского «шестоднева» читатель, думаю, уже хотя отчасти может представить себе, что могло произойти с китежской легендой, т.е. историей локального бедствия, если сказитель взялся пересказывать ее в образах и красках мифа о первых днях творения. Ниже мы в деталях, по «дням» проследим процесс насыщения китежской легенды космогоническими элементами. Но прежде приведем одну крайне любопытную версию потопной легенды, все очарование которой заключается в том, что в ней стихийное бедствие поставлено в прямую зависимость от того, будет или не будет принят местными жителями в качестве космогонического базиса праиндоевропейский «шестоднев».

Живущие в Новой Зеландии полинезийцы-маори рассказывали, что было время, «когда люди размножились на земле, то везде воцарилось зло, племена постоянно ссорились и воевали друг с другом. Люди перестали чтить бога Тане, сотворившего мужчину и женщину, *и открыто осуждали это учение*. Два великих пророка провозглашали истину о разделении неба и земли, а люди насмехались над ними, называя их лжепророками, и **утверждали, что небо и земля с самого начала существовали в том же виде, как и теперь**». Далее в мифе сообщалось, что пророки, сторонники эволюционной модели космоса, построили плоты и магическими заклинаниями вызвали потоп, утопивший всех, кто стоял за теорию космической неподвижности. Вот такая история. И присутствующая в ней взаимная увязка между мифом о потопе и мифом о сотворении мира может считаться первым шагом на пути полного их отождествления.

День первый. Прежде, значительно забежав вперед, мы рассказывали, почему и как под видом «Ноя» и его жены в китежскую легенду были внедрены «Адам» и «Ева» — образы шестого дня творения. Теперь пришло время вернуться к привычному порядку и, развернуто излагая историю каждого «дня», данную нам выше концептивно, показать все этапы «шестодневной» трансформации китежской легенды в библейский миф о Всемирном потопе, начав от начала, с первого «дня» космогонии.

Мир начался с хаоса. «Прежде всего во вселенной Хаос зародился» (Гесиод). Далее Хаос почувствовал некое томление (Эрос — у греков, Желание — у финикийцев) и под воздействием этого томления разделился в самом себе на небо и землю. Земля в тот момент была залита первозданными водами и не показывалась еще суша на ее мокром лице.

Такую картину первого «дня», или первого этапа сотворения мира, рисовала праиндоевропейская космогония. И именно ею подменили сказители историческую картину потопа в Палестине. Образ залитой первозданными водами земли из «шестоднева» создал новый, как бы не связанный с китежской легендой всемирный, библейский вариант мифа.

Правда, произошла эта подмена не везде и не сразу. Мифографы еще какое-то время пытались примирить исторический озерный вариант с мифическим всемирным. Достигался этот компромисс приемом обратного хода: рассказывали, будто озеро разлилось и залило своими водами весь мир. В Уэльсе рассказывали, что карлик Эйвэнс, или Эйденс, вызвал разлив озера, воды которого затопили всю землю. Жители Новых Гебрид со-

общали, что у некого Тагаро был пруд с соленой водой и рыбами, его дети повредили ограду пруда, и разлилось море. Канадские индейцы племени монтанья рассказывали, что некое могущественное существо, которое они называют Мессу, воссоздало мир после того, как он был разрушен великим потопом. По их словам, «Мессу пошел однажды на охоту, его волки, которые заменяли ему собак, вошли в озеро, откуда больше не возвратились. Мессу тщетно искал их повсюду, пока птица не сказала ему, что видела волков, затерявшихся на середине озера. Он пошел вброд по воде, чтобы выручить волков, но *озеро разлилось, покрыло землю и разрушило весь мир*».

Однако прошло время, и в описаниях катастрофы стала безраздельно царить картина первого дня творения: земля, залитая первичными водами, и набухшее ливнями грозное небо над ней. После этого особенно выросла в описаниях бедствия роль неба. Будучи равноправным земле началом, небо своими дождями и молниями наравне с первозданными водами стало участвовать в уничтожении греховного человечества, а иногда, в наиболее поздних версиях, даже доминировать, в одиночку, без помощи моря губя людей. Поэтому место, отводимое в мифе небу, вполне может считаться показателем большей или меньшей его архаичности: чем весомей доля дождя и молний в описании катастрофы, тем новей легенда.

Наиболее выразительной иллюстрацией мысли о замещении исторического описания палестинского бедствия картиной мира из первого дня «шестоднева» является соответствующее место из талмудической легенды иудеев. В ней говорится, что потоп «произошел от встречи *мужских вод, падавших с неба, с женскими водами, поднимавшимися от земли*».

На первый взгляд ничего особенного в этом описании нет. Но только на первый взгляд. Особую значимость ему придают знаки пола, расставленные над потопными водами: «мужские» с неба, «женские» от земли. Они — безукоризненное доказательство влияния «шестоднева» на миф о потопе, потому что именно для мифа о первом дне творения было характерно изображение неба и земли в виде пары божественных прародителей, мужчины и женщины, снабженных соответствующими половыми признаками. Мужчина-небо, возлежащий на женщине-земле и оплодотворяющий ее своим семенем-дождем, — такова обычная картина первого дня «шестоднева».

Говоря о влиянии картины первого дня творения на описание потопы, не следует забывать, что возлежанию неба на земле

предшествовал хаос. И конечно же, раз взявшись вплетать один миф в другой, некоторые наиболее ретивые сказители потопной легенды не поленились еще более приукрасить ее за счет космической ретроспекции, продленной вплоть до хаоса. Поэтому если читатель встретит миф о потопе, в котором будет говориться, что «небо смешалось с землей», «воцарился полный хаос» (а таких известно множество), то он будет точно знать, откуда взялись все эти страсти.

Однако по части космической ретроспекции всех превзошли индийские сказители. Они включили в описание одной из своих версий потопного предания даже то, что предшествовало хаосу, — «Ночь кончины мира». Речь идет о мифе, посвященном гибели Трипуры — города соперников индийских богов — титанов-васуров (разбору этого мифа мы потом посвятим особый раздел). Так вот, единоличным победителем Трипуры был Шива, и едва ли не решающую роль в победе Шивы сыграла его космическая экипировка. Колесницей Шивы была вся вселенная: земля служила основой колесницы, мировая гора Меру — сиденьем, четыре книги «Вед» были конями, а четыре мировых периода от сотворения мира — ее дугами. Но самое ужасное, что тетивой лука Шивы служила сестра бога смерти Ямы — Каларатри — «Ночь кончины мира». Именно с этой «Ночи кончины мира» была пущена роковая стрела, одновременно спалившая и утопившая Трипуру. Эта версия потопного предания как минимум удивляет. Мало того, что сказители подменили картину пусть ужасного, но достаточно ограниченного, обозримого взглядом и умом палестинского бедствия вселенским оглушающим своими масштабами образом первородного хаоса вселенной. У их индийских коллег хватило духу заглянуть еще дальше, за спину хаоса, чтобы сделать добытое оттуда предхаотическое небытие орудием уничтожения маленького палестинского городка. Право, индийская версия истории уничтожения Содома и Гоморры — ярчайший и пугающий пример способностей человека по части мифотворчества.

День второй. Следующий день творения, по праиндоевропейскому «шестодневу», начался с того, что первенец неба и земли, бог, олицетворявший воздушное пространство, — отделил небо от земли, раздвинув их своим телом. Сюжет этот всемирно известен, география его хождения не уступает географии мифа о потопе. Дубликатов его сохранилось множество, достаточно сказать, что в одной индийской мифологии на приоритет в отделении неба от земли в разное время претендовало не меньше

четырех богов (Брахма, Индра, Вишну, Варуна). В потопной мифологии этот элемент космогонии, кажется, не использовался. Но мы ненадолго задержимся на нем, разрешая некоторую путаницу, любопытную, связанную с этим элементом в библейском «шестодневе», существенно повлиявшую на библейский рассказ о потопе.

Одной из самых больших странностей библейской картины сотворения мира было то, что Ягве в ней, правильно и по порядку сотворив сначала небо и землю, после этого внезапно отклонился от традиции и сразу же, внепланово, создал свет: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью» (Быт. 1:3 — 5). Но самое замечательное в данном акте творения заключалось даже не в том, что он предшествовал размыканию объятий неба и земли силой эфира, а в том, что этот свет ниоткуда не исходил, существовал как бы сам по себе. Светила, по Библии, и в соответствии с общей традицией были созданы позднее, в четвертый день творения: «И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной [для освещения земли и] для отделения дня от ночи» (Быт. 1:14). Таким образом, получается, что в Библии Бог дважды отделял день от ночи и первый раз творил свет, не снабдив его источником.

Не мы первые заметили это противоречие в библейской космогонии, оно в библеистике — давний предмет споров и предположений. В христианском богословии, например, обычно отдается предпочтение трактовке, согласно которой первый, созданный Богом до светил, свет был особым, божественным светом — «фаворским», т.е. тем светом, которым сияло тело Христа в момент Его преображения на горе Фавор. Однако, думаю, дело можно было бы значительно упростить, предположив, что появление в Библии внепланового, «фаворского» света явилось результатом ошибки в истолковании имени египетского бога пространства.

В Египте об отделении неба от земли рассказывали совершенно «правильно». Будто их, обнимающихся, отделил друг от друга их первенец, бог пространства Шу (букв. «пустота»). Но, что, вероятно, роковым образом повлияло на формирование библейской космогонии, в египетском языке слово *sw* означало не только пустоту, но имело второе значение — «свет». Дальнейшее реконструировать уже нетрудно. Израильтяне после своего ухода из Египта, унеся с собой знакомую с детства картину: Шу, раздвигающий небо и землю, — сохранили в памяти толь-

ко второе значение имени бога Шу (букв. «свет»). Осев в Палестине, они сложили то небольшое, что вспомнилось из египетской космогонии, и получили как бы свою, а на самом деле искаженную египетскую космогонию, в которой не эфир, а некий «свет» отделял небо от земли. Позднее, в процессе создания Библии, ее авторы, сторонники строгого монотеизма, не допускавшие свободу действия для космических сил, просто поставили этот «свет» вторым после неба и земли элементом божественного творения. Так родился «фаворский» свет. Он сыграл заметную роль в формировании библейского мифа о потопе, но о том, какова была эта роль, мы скажем несколько позднее. А сейчас вернемся к деяниям второго дня «шестоднева», благо на отделении неба от земли они не закончились.

С «фаворским» светом мы, признаться, несколько поторопились, этой загадке в Библии предшествовала еще одна, связанная с образом летающего над водой Духа Божия. Вспомним первые строки книги Бытия: «В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою» (Быт. 1:1 — 2). Образ носящегося над водой Духа Божия толкуется по-разному, но наиболее вероятным представляется то толкование, что поначалу Дух Божий был птицей, которая добывала со дна первичных вод сушу, точнее, зародыш земли, позднее превращавшийся в результате вспучивания в современную сушу.

Миф о водоплавающей птице, доставшей со дна первичного океана зародыш суши, вправе претендовать на звание общемирового. Нам же, думаю, лучше всего ознакомиться с ним в его русском варианте, известном под названием «О Тивериадском море». С элементами христианского дуализма русская апокрифическая литература рассказывала этот миф о сотворении мира следующим образом: в пене морской видом подобный птице-гоголь зародился сатана. Бог-Вседержитель на это событие реагирует словами «буди на земле море Тивериадское, горькая и соленая первая вода на воздушех утверждена». Но восстал на Бога сатана и, птицей-гоголем нырнув на дно моря Тивериадского, достал оттуда зародыш земли, точнее, «пену, яко ил». Из этого добытого со дна моря ила Бог, дунув, и создал позднее современную сушу.

Сказание «О Тивериадском море» мало о чем говорило бы нам, если там же, на Руси, оно, совершенно явно, не склеилось бы с мифом о потопе. Старообрядцы русского Севера рассказывали такую версию мифа: «Как кончился первый свет, все наши

грехи смыло. Был потоп. Христос стал думать, как землю сделать. И заметил чирка. И сказал: «Спустись в море и достань землю». Чирок заплакал, и у него на носу остались слезы; и он нырнул. Три года плавал, вынырнул и вынес земельку на носу. Взяли эту земельку, размутовали...» — и получилась современная суша. Российский случай сцепления мифа о сотворении мира с мифом о потопе можно было бы посчитать чистым казусом, если бы этот казус не повторялся в сказаниях народов, родством с русскими не связанных, отделенных от них такими пространствами, что о заимствовании говорить не приходится.

Не скажу сейчас почему, но не об обсыхании земли после потопа, а именно о добывании ее со дна моря чаще говорится в потопных сказаниях североамериканских индейцев. Например, индейцы тинне сообщали, что «потоп был вызван обильным выпадением снега в сентябре. Один старик предвидел катастрофу и предупредил о ней своих близких, но безрезультатно. «Мы спасемся в горах», — отвечали они ему, но все потонули. Старик же построил лодку и, когда начался потоп, поплыл в ней, спасая всех попадавшихся по пути животных. Будучи не в состоянии переносить так долго жизнь на воде, он опустил в воду бобра, выдру, выхухоль и северную утку, велел им отыскать затопленную землю. Только северная утка *вернулась назад с комочком тины. Человек положил комочек на воду и стал дуть на него, отчего комочек разросся в целый остров.* В течение шести дней старик выпускал животных на растущий остров, а затем и сам ступил на берег».

Может показаться, что серию мифов о потопе, где земля достается со дна моря, с серией мифов, где земля обсыхает после потопа, ничто, кроме бедствия, не объединяет. Но на самом деле это не так. Чтобы убедиться в обратном, достаточно ознакомиться с потопной легендой ближайших родственников тинне — делаваров, которая представляет собой великолепный мост между двумя этими внешне непохожими сюжетами. Делавары сообщали, что от потопа уцелело несколько человек, они «спаслись на спине черепахи, столь старой, что панцирь ее был покрыт мохом, как берег небольшой речки. Плывая таким образом, одинокие и беспомощные, они увидели пролетающего мимо них нырка и попросили его нырнуть в воду и достать со дна немного земли. Птица нырнула, но не смогла достать до дна. Затем она улетела далеко в сторону и вернулась с комочком земли в клюве. Черепаха поплыла за птицей к тому месту, где та разыскала сушу. Здесь люди осели и вновь заселили страну».

Не сомневаюсь, что читатель, ознакомившись с этим восхитительным, потрясающим по своей выразительности вариантом мифа, понял, **что** поначалу делали в бесчисленных мифах Старого Света бесчисленные птицы, выпускаемые из бесчисленных ковчегов. Конечно же, в согласии с деяниями второго дня «шестоднева» поначалу все они доставали со дна потопных вод зародыш земли — «Арапат». Но со сменой времен этот вариант мифа был так или иначе переосмыслен. Например, авторы Библии знали только то, что спасителем Ноя должна быть птица и для этого она должна принести ему что-то. Но что эта птица была водоплавающей, а не голубем, что не оливковую ветвь, а «пену, яко ил» она должна была принести Ною, этого библейские авторы уже не знали.

Здесь сам собой возникает вопрос: почему американские варианты мифа оказались более архаичными по форме, нежели их якобы чрезвычайно древние старосветские аналоги? Думаю, потому, что старосветские варианты мифа давно и усиленно подвергались так называемой «эвгемеризации». Эвгемеризация — это система переделки мифа (названная по имени греческого философа Эвгемера, пытавшегося рационально истолковать отечественные мифы) с целью сделать его более приемлемым для логики и знания, господствующих в тот или иной период общественного развития. Самым свежим примером эвгемеризации мифа о потопе можно назвать недавние попытки доказать правоту Библии по части описания потопы с апелляцией к «науке», но при этом с исключением такого персонажа, как Бог, — персонажа, которого современное общественное сознание либо отрицает в принципе, либо считает Существом достаточно гуманным и дальновидным, чтобы не заниматься такими шалостями, как потоп.

Исключение Бога как персонажа мифа — пример современной эвгемеризации. Но такие процессы приспособления к общественным вкусам происходят в мифологии постоянно; отмена или видоизменение устаревших элементов рожают все новые версии мифа, часто очень далеко уходящие от его первоосновы. И легенда о потопе здесь не только не исключение, но, наоборот, уникальный образец, на котором можно проследить все этапы тысячелетней переработки чисто исторического свидетельства, сначала расцвеченного всеми красками человеческой фантазии, а потом долго разьедаемого скепсисом и рассудочностью. Именно эвгемеризация, т.е. возросшая рассудочность сказителей, так далеко увела потопную мифологию Старого Света от ее

девственной, по-детски доверчивой сестры — потопной мифологии американских индейцев.

Прежде, бросая мостик из Старого Света в Новый, мы несколько поторопились, сразу сопоставив вариант мифа, в котором птица *достает* со дна моря «Арабат», с вариантом, в котором она *наводит* героев на «Арабат». Меж ними существовали еще промежуточные ступени.

После того как версия с богоптицей, нырнувшей на дно моря за зародышем земли, была отвергнута по причине ее малой правдоподобности, на свет явился другой вариант, в котором птица *приносит* откуда-то землю и насыпает в море «Арабат». Именно такая версия более всего пришлась по сердцу индейцам племени короадо с юга Бразилии. Они рассказывали, что их предки пережили потоп, и лишь часть из них спаслась, забравшись на гору. Прошло «несколько дней, вода еще не спала, а им нечего было есть. Они ожидали смерти, когда услышали пение морских птиц саракура, летевших к ним с *корзинами, полными земли, которую птицы бросали в воду, отчего вода медленно убывала*. Люди кричали птицам, чтобы они торопились; птицы призвали на помощь *уток*, и общими усилиями им удалось освободить от воды достаточно места для людей». Очень похожую версию рассказывали обитатели острова Роти, только в ней функции птицы-спасителя были представлены несколько шире. Там сообщалось, что, когда море остановилось, *«морской орел высыпал в воду немного сухой земли*, и человек с женой и детьми спустился с горы и стал искать себе новую родину. А бог велел морскому орлу принести человеку всякие семена — маис, просо, рис, бобы, тыквенное и кунжутное семя, чтобы человек мог посеять их и прокормить себя и семью».

Есть варианты мифа, где функция спасителя отнята у птицы и передана богу-разрушителю, который уже сам, напустив потоп, бросает героям зародыш земли. Например, батаки с острова Суматра сообщали, что, «когда земля стала старой и грязной, создатель, которого они называют Дебата, наслал великий потоп, чтобы истребить все живые существа. Последняя человеческая чета нашла себе убежище на вершине высочайшей горы, и вода потопа уже доходила до колен, когда «господин всего сущего» раскаялся в своем намерении положить конец человеческому роду. Тогда он взял *ком земли*, обмял его, привязал к нитке и *бросил его на поднимающуюся воду*, а человеческая пара ступила на него и таким образом спаслась. Когда ее потомство размножилось, *то ком земли разросся и превратился в ту самую*

землю, на которой мы ныне живем». Едва ли не тождественной данной батакской версии мифа является пересказанная нами прежде литовская версия легенды. В ней, если читатель помнит, верховное божество Прамжимас сначала напускает на землю потоп, но далее, сжалившись над остатками людей, *бросает* им скорлупу ореха, исполнившую роль спасительного ковчега.

В многочисленных более поздних вариантах мотив бросания «Ноя» зародыша земли был сильно видоизменен, и дело стали представлять так, что ни Бог, ни птица, а сам «Ной» бросал разного рода предметы за борт ковчега, с вершины горы или древа, с тем чтобы по звуку определить, окончился ли потоп и спала ли вода.

Но вернемся к образу богоптицы из «шестоднева» и анализу его эволюции в системе потопных легенд. Ведь мотив бросания героем зародыша земли — лишь эпизод (хоть и богатый вариантами) данной эволюции.

Когда рассудочность сказителей потопной легенды дошла до той стадии, что всерьез рассказывать, будто птица принесла их предкам «Арарат», стало уже невозможно, сказители исхитрились и просто вывернули это место легенды наизнанку. По их новой версии, не гора шла к Магомету, а Магомет шел к горе, т.е. птица не приносила герою «Арарат», а *уносила* его на вершину устоявшего среди волн «Арарата». Таких вариантов легенды разбросано по миру множество. Сохранился обрывок египетского мифа, в котором говорится, что бог Тот в образе ибиса перенес богов на своих крыльях во время катастрофы через какое-то «озеро Ха» (Ога?). Греки рассказывали, что некого Мегарея спасли от потопа журавли, перенесли на вершину горы Гераней. Двух предков китайского народа мяо во время потопа якобы спасла орлица, унеся в когтях на сухое место, при таких же условиях и так же спас своих родителей юноша-сокол, по рассказам индейцев тембе, и т.д. и т.п.

Изъяв на данном этапе развития легенды мистический образ вздувающейся суши и сделав более естественным поведение птицы, мифографы все же не могли не сознавать, что ноша ее с точки зрения птичьей физиологии и психологии оставалась непосильной. Однако из сказанного не следует, что птицу—носильщика «Ноя» в мифе сразу же заменила бессловесная наводчица, каковой она описана в знаменитейших легендах Ближнего Востока. Ей предшествовал образ птицы, достаточно ленивой, чтобы не таскать в своих когтях «Ноя», но тем не менее активно, а не пассивно участвующей в его судьбе. Образчик такого поведения птицы дает миф о потопе индейцев оджибве, в нем

сообщалось, что герой Ненебоджо однажды решил убить водяных духов, он подкрался к ним и ударил палицей по голове и «вдруг видит: *вода в озере поднимается*. Он пустился бежать, но волны преследовали его. *Зеленый дятел, попавшийся навстречу, показал ему дорогу к горе, где росла большая сосна*. Ненебоджо взобрался на дерево и стал делать плот. Когда плот был готов, то вода дошла Ненебоджо до шеи. Тогда он взял с собой на плот по паре животных от всех пород, какие тогда существовали, и поплыл с ними».

Думаю, только пройдя эту запечатленную в мифе оджибве стадию активного помощника «Ноя», богоптица из второго дня «шестоднева» стала, наконец, тем бессознательным наводчиком, каким она представляется в якобы древнейших ближневосточных вариантах. Как, например, в вавилонской версии, где говорилось, что выпущенные из ковчега *птицы просто измазали себе лапки глиной*, и это послужило точной приметой конца потопа.

Закljučая на этом раздел, посвященный исследованию места элементов второго дня «шестоднева» в системе потопных мифов, необходимо констатировать следующее: «шестоднев», картиной первичных вод из первого дня сделав потоп всемирным, казалось, обрек человечество на полное уничтожение, но он же с помощью образов второго дня творения спас его, дав помощника — богоптицу и убежище — «Арат». Более того, будущее покажет, что ВСЕ бесчисленные помощники из убежища «Ноя», какие бы облики и формы они ни принимали, берут свое начало в элементах второго дня «шестоднева»: богоптицы и добытой ею со дна первичных вод «пены, яко ил».

День третий. Начать рассказ о месте третьего дня «шестоднева» в потопной мифологии следует с того, что характернейшей чертой его является мучительность вживления этого отдела космогонии в ткань потопной легенды. Ни в каком другом случае белые нитки, которыми сшито предание о потопе с космогонией, не лезут в глаза столь явственно, как в этом. Дело в том, что в третий день, согласно «шестодневу», были сотворены светила: солнце, луна, звезды. И как бы ни сопротивлялась душа мифографа дикой мысли об отсутствии до потопа солнца и луны (но при наличии людей), будучи до конца последователен в своей привычке пересказа потопного мифа в образах и красках космогонической концепции, он не имел права умолчать о том, что до потопа светил на небе не было.

И слова эти были произнесены. Так, древние перуанцы утверждали, что впервые люди увидели солнце после потопа

с вершины острова Титикака; индейцы киче говорили, что впервые солнце появилось после того, как их спасшиеся от потопа предки взобрались на гору Хакавиц; индейцы ябарана верили, что солнце вылетело из одной таинственной корзинки одновременно с излившимися из нее потопными водами. Все эти примеры можно было бы посчитать плодом особенного латиноамериканского творчества, но то же самое утверждали живущие на Малаккском полуострове представители племени бенуаджакан. Они рассказывали, что, когда пара их предков, спасшаяся от потопа, прогрызла борт ковчега и вышла на сушу, «все было покрыто мраком; не было ни утра, ни вечера, потому что солнце не было сотворено».

Существовала версия мифа, в которой говорилось, что до потопа отсутствовала и луна. Например, живущие в Боливии чибчамуиски рассказывали эту легенду так: «В далекие времена, *еще до того как луна стала сопутствовать земле*, люди, населявшие плоскогорье Боготы, жили как настоящие дикари: они ходили голыми, не умели обрабатывать землю и не было у них не законов, ни обрядов.

И появился среди них некий старец; говорят, он пришел из долин, что лежат к востоку от Кордильер, из Чингасы, и, как видно, *принадлежал совсем к другому племени, потому что у него росла длинная густая борода*. У него было три имени: Бочика, Немкетeba и Зухе. Старец научил жителей Боготы носить одежды, строить хижины, заниматься земледелием и жить общинами.

С собой он привез жену, и у нее тоже было три имени: Чиа, Юбекайгуайа и Хувтака. Но только прекрасная Чиа была очень злой женщиной — всегда и во всем шла она наперекор своему мужу, а тот желал людям только добра. Чиа заколдовала реку Фунсу, и она вышла из берегов, *затопив всю долину Боготы*. Много жителей погибло во время этого наводнения. Лишь кое-кому удалось спастись; они вскарабкались на вершины окрестных гор. Разгневанный старец прогнал Чиа прочь, подальше от земли, *и она стала луной, с тех пор Чиа освещает нашу землю по ночам*».

Видимо, сходная легенда бытовала в преданиях легендарных пеласгов — предшественников греков на земле Эллады. Вывожу это из характерного для античной литературы клише — обычно прилагаемого к пеласгам эпитета «долунные». Термин «долунные пеласги» не был оставлен в покое до сего дня, некоторые ретивые писатели из околonaучной среды объявляли этот термин ясным свидетельством в пользу теории, будто потоп явился результатом перехода луны на околоземную орбиту. Мифологии

и истории пеласгов мы посвятим особые разделы, а пока отметим главное: следуя той же логике, нам пришлось бы признать, что до потопа Земля и в Солнечную систему не входила, благо легенд, сообщавших об отсутствии солнца до потопа, предостаточно. Что, естественно, — очевидный нонсенс.

Однако нам сейчас по силам нечто большее, нежели простое признание нонсенсом мифографических бредней по части отсутствия до потопа солнца и луны. Теперь можно назвать их первоисточник — сцепка между потопной легендой и третьим днем праиндоевропейской космогонии.

Противоречие между историей потопа и рисуемой картиной небесных явлений, судя по сравнительно небольшому числу буквалистско-наивных легенд, издавна смущало самих сказителей. Поэтому приведение данного места рассказа о потопе в соответствие с нормами здравого смысла (эвгемеризация) стало одной из самых насущных задач.

Начали мифографы с того, что представили дело так, будто солнце и луна отсутствовали на небосводе лишь на время бедствия. Бразильские индейцы племени паумари, абедери и катауша утверждали, что в начале потопа густая мгла поднялась от земли к небу и дневной свет исчез; с ними соглашались эквадорские индейцы племени мурато, говоря, что катастрофа происходила в полной темноте. О темноте как о спутнице потопа рассказывали также на островах Гилберта в Микронезии. В несколько смягченном виде этот же «факт» сообщался в древнефризском предании о потопе: «Солнце скрылось за тучами, как будто оно не хотело больше смотреть на Землю». Совершенно недвусмысленно на данный счет высказалась талмудическая традиция иудеев, она прямо утверждала, что, пока длился потоп, солнце и луна не посылали свои лучи на землю, и Ною для исчисления времени приходилось пользоваться специальной, полученной от ангела книгой. Фактически о тех же небесных явлениях, но в поэтической форме сообщал «Ной» в аккадской версии легенды. Начинал он свой рассказ такими словами:

Был готов корабль в час захода Солнца...

Что было светлым, — во тьму обратилось... —

а заканчивал такими:

Успокоилось море, утих ураган — потоп прекратился.

Я открыл отдушину — свет упал на лицо мне.

Уклончивую позицию в вопросе о небесных явлениях во время потопа заняли авторы шумерской и библейской версий мифа.

Они предпочли вообще не касаться этого щекотливого вопроса, а лишь отметили появление солнца (или его заменителя — радуги) в качестве знамения конца потопа. Шумеры, у которых бог солнца носил имя Уту, так описывали финал бедствия:

Семь дней и семь ночей потоп заливал землю,
И огромный корабль ветры носили по бурным водам.
Потом вышел Уту, тот, кто дает свет небесам и земле.
Тогда Зиусудра открыл окно на своем огромном корабле,
И Уту, герой, проник своими лучами в огромный корабль.

Очень своеобразно трактует данное явление Библия. С одной стороны, следуя уклончивой традиции шумеров, она лишь заключает период бедствия явлением радуги — заменителя солнца: «Я полагаю радугу Мою в облаке, чтоб она была знамением [вечного] завета между Мною и между землею. И будет, когда я наведу облако на землю, то явится радуга [Моя] в облаке; и Я вспомню завет Мой, который между Мною и между вами и между всякою душою живою во всякой плоти; и не будет более вода потопом на истребление всякой плоти» (Быт. 9:13 — 15).

Но, с другой стороны, есть в Библии строчки, намекающие на какие-то, связанные с потопом, кардинальные изменения в небесной механике. Несколько ранее Ягве роняет такую выразительную фразу: «...не буду больше поражать всего живущего, как Я сделал: *впредь во все дни земли сеяние и жатва, холод и зной, лето и зима, день и ночь не прекратятся*» (Быт. 8:21 — 22). Казалось, какой смысл было после потопа обещать не нарушать порядок смены сезонов, чередования дня и ночи, когда этот порядок был установлен еще во времена сотворения мира и, если верить Библии, с тех пор не нарушался? Загадка? Да, но только отчасти.

Вспомним наш прежний анализ начала библейского «шестоднева», который назвал источник происхождения идеи «фаворского» света, света, появившегося в библейской космогонии как бы ниоткуда, сразу же после разделения неба и земли, задолго до создания светил. Читатель должен помнить, что, по нашей теории, «фаворский» свет породила ошибка в истолковании имени египетского бога пространства Шу (*букв.* «пустота», «свет»).

Однако эта ошибка намного облегчила жизнь библейских сказителей потопной легенды. Их уже не могло озадачить сообщение, что до потопа светила на небе отсутствовали. Проблема освещения земли в допотопные времена, мучившая остальных мифографов, здесь решалась крайне просто: до потопа земля освещалась «фаворским» светом.

Непосредственно этот свет ни в библейской, ни в талмудической версиях мифа не упоминается, но и там, и там подразумевается. Например, постбиблейские источники утверждали, что до потопа существовал особый, отличный от теперешнего жизненный цикл и особые отношения со светилами: женщины носили детей в утробе всего несколько дней, одним урожаем люди кормились по сорок лет и сами обладали такой магической силой, что могли заставить служить себе солнце и луну. Даже когда разразился потоп и светила исчезли, это обстоятельство не слишком смутило Ноя, лишь затруднив ему правильное исчисление времени. Видимо, сходная картина представлялась библейским мифографам. Процитированный выше отрывок с обещанием Ягве не нарушать чередования дня и ночи, лета и зимы недвусмысленно указывает на то, что эти чередования, обусловленные небесными циклами, были, вероятно, после бедствия в новинку.

Трудно сказать, каким образом, но к той же библейской идее разрешать проблему совмещения потопной легенды с образами светил из третьего дня «шестоднева» путем изобретения каких-либо иных, предпотопных источников света пришли индейцы папагосы. Они рассказывали, что до катастрофы солнце «было ближе к земле, чем теперь; *лучи его делали все времена года одинаковыми* и одежду излишней».

Предполагать отголосок того же замысла можно в одной оригинальной детали потопного сказания африканцев из низовий Конго. По их словам, потоп был тогда, когда «солнце и луна встретились однажды, причем солнце обдало луну грязью и таким образом несколько затмило ее свет; по этой причине часть луны время от времени остается в тени. Во время этой встречи произошел потоп». Конечно, не об отсутствии до потопа луны, а только о появлении ее фаз сообщает эта легенда. Но то, что, по мнению африканских сказителей, с потопом в небесной механике произошли некоторые изменения, и не в лучшую сторону, ставит данное предание в один ряд с еврейским и папагосским.

Наконец, в этой связи нельзя не отметить, что, по представлениям индейцев майя, нынешнему, послепотопному веку предшествовали четыре мировых периода, полностью уничтоженных катастрофами. И каждый из этих периодов назывался «Солнце», только с разным порядковым номером. Видимо, «солнца» прежних лет были неподвижны, так как нынешний век отмечен особым названием «Солнце движения», и надо полагать, все эти упоминания солнца в катастрофическом контексте не случайны и связаны с давней попыткой увязать легенду о потопе с образами нарождающихся светил из третьего дня «шестоднева».

В дальнейшем эволюция образа допотопного солнца в мифе пошла следующим путем. Сначала мифографы представили солнце обиженным, т.е. в качестве причины бедствия выдвинули обиду на людей не какого-либо, а именно солнечного божества. Пример египетского мифа «Уничтожение людей», в котором бог солнца Ра выступает инициатором душегубства, наиболее нагляден для данного случая.

Потом в согласии с мыслью Библии, что солнце создано «для знамений» (Быт. 1:15), допотопное солнце стали изображать предвестником катастрофы. Например, бразильские индейцы рассказывали, что перед потопом солнце меняло цвета и даже делалось синим, а талмудическая традиция иудеев сообщала, будто, в предвестии бедствия, солнце целую неделю восходило на западе и заходило на востоке.

Финалом эволюции образа допотопного солнца можно назвать тот момент, когда зараженные эвгемеризмом, наиболее склонные к рассудочности сказители, обытовляя, приземляя сказочное, мистическое, отказались от самой идеи, будто с солнцем может происходить нечто против установленных от века правил, и стали говорить, что потопу предшествовала засуха, естественно, произошедшая по вине солнца, но не вопреки его природе. О засухе перед потопом сообщала ассирийская версия мифа и арабское предание о гибели народа ад. Предание филиппинского племени ифугао делало особый упор на то, что источником воды Всемирного потопа явилась яма, выкопанная измученными засухой людьми.

Так как с включением в потопный миф описания засухи число бедствий в нем удвоилось, мифотворчество, вопреки распространенному мнению, отнюдь не склонное городить ужас на ужасе и вообще заниматься дублированием, стало в некоторых случаях делать упор на засуху и сокращать собственно потопный отдел, постепенно низводя его до рудимента, а иногда смело отбрасывая совсем. Таким образом, великое древо потопной мифологии произвело на свет ветвь «засушливых» легенд, как бы независимых от «потопных». Основой сюжета данного разряда легенд стало внезапное катастрофическое усиление жара солнца, едва не приведшего к последствиям, равным Всемирному потопу.

Лучшей иллюстрацией в этом случае может послужить более чем известный греческий миф о Фазтоне*. Кратко суть мифа

---

* Имя Фазтон, видимо, представляет собой слегка видоизмененное имя «Ной» из несохранившегося молоссифеспротского предания о потопе. Во всяком случае, Плутарх писал: «Предание гласит, что *после потопа первым царем молоссов и феспров* был Фазонт» («Жизнеописания». Пирр, I).

такова: Фазтон — сын бога солнца Гелиоса — приходит к отцу и просит его на один день уступить ему место в солнечной колеснице. Гелиос поначалу отказывает, но после долгих просьб уступает. Фазтон занимает место отца в колеснице, но солнечные кони, чувствуя слабость рук юноши, перестают ему повиноваться и несут без дороги, грозя дотла спалить то небо, то землю. Спасая космос от гибели, Зевс мечет в Фазтона молнию, и тело юноши падает в реку Эридан.

Может показаться, что в мифе о Фазтоне ничего «потопного» нет. За вычетом самого факта катастрофы. Но это не так. Во-первых, название реки, в которую упало тело Фазтона, — Эридан, явно представляет собой вариант названия Иордана, наподобие «Урда» из скандинавских мифов. А так как Иордан — характерная метка Палестины, прародины потопной мифологии, то мысль о причастности к ней мифа о Фазтоне, думаю, не должна казаться слишком дикой.

Во-вторых, сохранился дубликат мифа о Фазтоне, в котором фигурирует ковчег — типичный элемент потопного мифа. У северо-западных индейцев из племени квакиютлей Фазтон звался Норком. Солнечное происхождение этого мифического персонажа не вызывает сомнений: земная женщина зачала его от небесного вождя с помощью солнечного луча. Однажды, навестив отца в его небесной обители, Норка взял и стащил солнце вниз. От близости солнца загорелась земля. Возмущенный отец отнял у Норки солнце, а его самого сбросил вниз. Но герой не погиб, он упал на водоросли и на них отправился в плавание. Такова основная схема мифа. Тождество его с мифом о Фазтоне очевидно. Очевидна и связь с мифом о потопе. У соседних квакиютлям племен местный «Ной» (Эль) именно водоросли использовал в качестве ковчега. Комментируя миф о Норке, исследователь писал, что «мотив мирового пожара по вине Норки и вопреки разрешению небесного отца как бы *дополнителен по отношению к мотиву потопы*, созданного старым вождем и угрожающего герою»; иными словами, здесь герой (и младший) является инициатором космического хаоса, но не «водяного», а «огневого». Полностью согласен, хочу только добавить, что и Норка, и Фазтон, и множество других мифических организаторов «огневых» катастроф своими действиями именно дополняли миф о потопе. «Огненная» катастрофа не подмена «водяной», а прямое ее продолжение, она — финал эволюции образа солнца из третьего дня «шестоднева», прикрепленного к мифу о потопе.

Назвав миф о Фазтоне финалом образа солнца из «шестоднева», мы, признаться, несколько переусердствовали. На этом заканчивается эволюция солнца в его допотопной ипостаси. Что касается послепотопного солнца, то развитие его образа шло своим, отличным от описанного выше путем.

Если читатель помнит, существовал такой шумеро-библейский вариант легенды, в котором на вопрос о поведении солнца давался уклончивый ответ: мол, что делало солнце до потопа — неизвестно, известно только, что появление его (или радуги) знаменовало конец потопа. Данная версия замечательна тем, что роль солнца как бы совпадала с ролью птицы, выпущенной из ковчега, — нести благую весть о конце потопа. Но дублирование, как уже говорилось, не в характере мифотворчества. Поэтому оно довольно скоро стало тяготиться данным спаренным мотивом. А потом выпуталось. Изящество, с которым это было проделано, не может не вызвать восхищения. Петух! Птица, возвещающая восход солнца, одновременно воплотила в себе обоих носителей благой вести: голубя и солнца.

Чтобы читатель мог представить, как выглядит такая «петушиная» версия мифа, приведу потопную легенду восточноазиатского племени банаров. Рассказывали, что «коршун когда-то поссорился с крабом и так ударил его клювом по черепу, что пробил в нем дыру, которая до сих пор еще видна. Чтобы отомстить за обиду, краб вздул море и реки до самого неба, и все живые существа погибли, кроме двух — брата и сестры, которые спаслись в огромном ящике. Они взяли с собой по паре каждого вида животных, плотно закрыли ящик крышкой и плавали по воде семь дней и семь ночей. Наконец, брат услышал *пение петуха, которого послали возвестить нашим прародителям, что потоп прекратился* и что они могут выйти из ящика. И вот брат выпустил на волю сперва всех птиц, потом остальных животных, а затем и сам с сестрой вышел на сушу».

Крайне любопытную разновидность того же, «петушиного» варианта мифа рассказывали бирманцы из племени цзингпо. Они говорили, что «когда начался потоп, некий Поупоу Нан-чаунг и сестра его Чангхко спаслись в большой лодке. Они взяли с собой девять петухов и девять иголок. После нескольких дней дождя и бури они *бросили за борт одного петуха* и одну иголку, чтобы узнать, не спала ли вода. Но петух не запел, а также не было слышно, как иголка упала на дно. Так они делали день за днем и все с одинаковым результатом; наконец, на девятый день *последний петух запел*, и слышно было, как последняя иголка

ударилась о скалу. Вскоре после того брат и сестра смогли уже выйти из лодки».

Иначе нежели «идиотской» данную версию легенды назвать трудно, настолько в ней все противоречит здравому смыслу. Но в «идиотизме» мифотворчества, каких бы степеней он ни достигал, всегда есть система. Не исключение здесь и потопный миф цзингпо. Характерное для него *выбрасывание* петуха за борт, конечно, представляет собой пережиток той стадии развития потопной истории в сцепке со вторым днем «шестоднева», когда птица уже не доставала со дна моря зародыш суши, а приносила его откуда-то и *сбрасывала* «Ною». А петухом эта птица выведена, очевидно, потому, что эволюция образа солнца, из третьего дня «шестоднева», достигла такого градуса, когда солнце, благовествуя о конце потопа, стало дублировать птичий благовест. Вот и все*.

О том, что в мифе о потопе фигурировала какая-то связанная с солнцем птица и что с ее появлением должно было нечто очень нужное «Ною» брошено и принесено, знали не только сказители племени цзингпо, но и сказители многих других племен и народов, но последние распорядились этими элементами мифотворческого «конструктора» несравненно лучше первых. Ход их мыслей можно представить следующим образом: птица что-то принесла или бросила «Ною», но так как птица была солнечная, то и принести она должна была нечто, связанное с солнцем. Само солнце она принести не могла, потому что получилось бы дублирование катастроф в духе мифа о Фазтоне. Может быть, она тогда принесла «Ною» частицу солнца — **огонь**? Конечно же, она принесла ему огонь! Ведь воды Всемирного потопа залили все очаги, и огонь был первой потребностью уцелевших в катастрофе людей, потребностью, предшествующей жажде восстановить людской род.

Как думали, так и рассказывали. Например, индейцы племени натчи из Луизианы сообщали, что однажды пошел столь обильный дождь, что «земля была покрыта водой, кроме одной очень высокой горы, на которой спаслось несколько человек; а так как всякий огонь на земле потух, то маленькая красная птичка коуйоуй, которая в Луизиане называется «кардиналом», *принесла с неба огонь*».

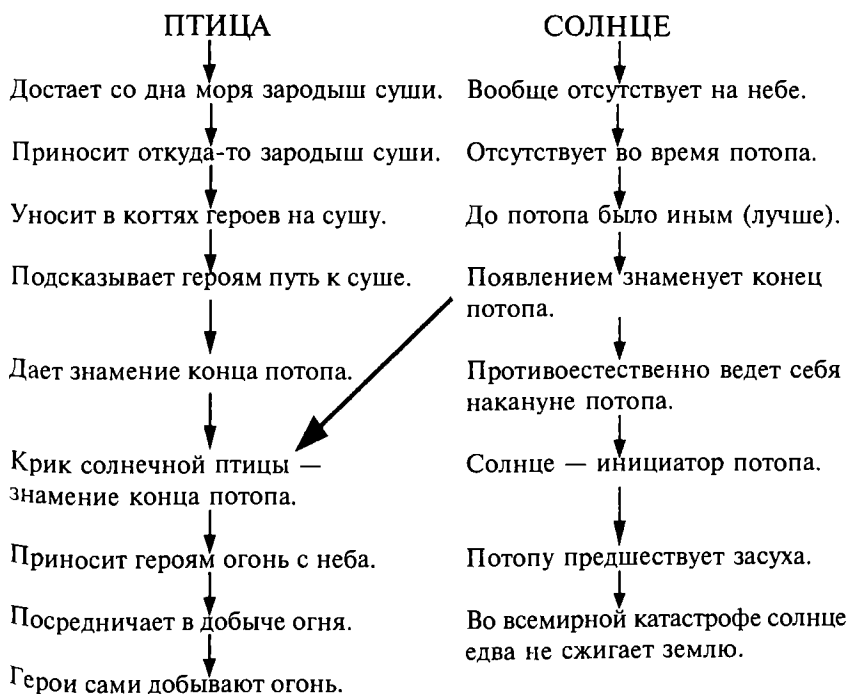
* Как еще один курьез разработки «петушиной» темы в мифе можно рассматривать попытку фиджийцев подменить петухом образ не послепотопного, а допотопного солнца. По их версии, потоп явился местию за убийство чудо-птицы, которая по утрам будила своим пением верховное божество фиджийцев.

Конечно, образ птицы, таскающей в клюве огонь, не мог быть последним в эволюционном ряду элементов второго и третьего дней «шестоднева», прикрепленных к потопной легенде, и только до времени дозволялся строгой эвгемерической критикой. Настали времена других песен, и было решено, что птице горячо таскать с неба огонь и лучше сделать ее посредницей при добывании огня. Именно к такому выводу пришли сказители Андаманских островов и сочинили следующую историю: «Все, что было живого на земле — люди и животные, — погибли в водах потопа, кроме двух мужчин и двух женщин, которые, к счастью своему, находились в лодке, когда наступила катастрофа, и потому успели спастись. Когда наконец вода спала, эта горстка людей высадилась на берег, но положение их было печально, ибо все остальные живые существа утонули. Однако создатель, который носил имя Пулугу, милостию пришел к ним на помощь и сотворил заново животных и птиц на пользу людям. Осталось только одно затруднение: *нельзя было зажечь огонь*, так как потоп погасил пламя в каждом очаге, все предметы, конечно, сильно отсырели. В это время весьма кстати явился на выручку к людям *дух одного из их предков, погибшего при потопе*. При виде их беды он в образе *зимородка* улетел на небо и здесь нашел создателя, сидевшего около своего очага. Птица дотронулась было до горящей головни, намереваясь отнести ее в своем клюве друзьям, не имевшим огня, но впопыхах, а может быть, от волнения *уронила* головню на священную особу самого создателя, который вне себя от негодования и корчась от боли *швырнул* пылающую головню в птицу. Но он промахнулся, и головня со свистом пролетела мимо птицы и шлепнулась с неба на землю как раз *в то самое место, где четверо людей сидели, дрожа от холода*. Так люди добыли огонь после Великого потопа».

Кроме превращения птицы в посредника при добыче огня, в данном рассказе обращают на себя внимание две вещи. Первое, помощником людей является не собственно птица, а дух утонувшего при потопе предка, принявший облик птицы. Такая трактовка — первый шаг птицы на пути к образу Прометея, титана, уже лишённого каких-либо птичьих атрибутов, отца греческого «Ноя», принесшего людям огонь. Второе, в андаманской версии мифа сохраняется дважды повторенный, старинный, известный по более ранним пластам потопной мифологии жест — бросок: птица *роняет* головню на божество, божество *швыряет* ее людям, так что получается двойная преемственность: птица передает божеству свою функцию спасителя человека вместе с архаичным жестом.

Дальше птица начинает просто мешать повествованию о послепотопной добыче огня, как, например, в легенде индейцев аккаваи. Они рассказывали, что их «Ной» весь потоп просидел на пальме и время от времени *бросал в воду орехи*, чтобы по звуку узнать, не спала ли вода. Когда бедствие минуло, он спустился на землю и стал добывать огонь, но, когда сверкнула первая искра, ее жадно проглотил индюк, отчего у него на горле образовалась красная сережка.

Дело с птицей закончилось тем, что ее просто исключили из повествования, и финалом мифа стало описание первых послепотопных опытов по добыче огня. Такие версии рассказывали новозеландцы маори, боливийцы чиригуано, ибаны с Борнео и другие. Таким образом, добыча огня после потопов явилась последней ступенью в длиннейшей эволюции компонентов второго и третьего дней «шестоднева», подклеенного к потопной легенде: богоптицы, добывающей со дна моря зародыш земли и народившихся светил. Схематично эту эволюцию можно представить следующим образом:

Последние три дня. О месте элементов последних трех дней «шестоднева» (растений, животных, людей) в потопной легенде вряд ли стоит долго говорить. Конечно же, они — то, что составляет обычно в мифе о потопе содержание ковчега. Что «Адам» — прототип «Ноя», много говорилось прежде. И по аналогии нетрудно заключить, что растения и животные, которыми «Ной» наполнил свой ковчег, были растения и животные из четвертого и пятого дней «шестоднева».

Единственно, что следует добавить в этой связи, так это то, что в первоначальном варианте «шестоднева» Бог, видимо, не создавал на четвертый и пятый день сразу все многообразие фауны и флоры, а творил неких прародителей фауны и флоры наподобие людей. Скажем, из растений он создал только дуб Огиг, мировое дерево — предка всех растений, а из животных — какого-то четвероногого «Адама», от которого произошла вся остальная фауна. Пехлевийские источники по иранской космогонии называют, например, пятым по счету божественным творением некоего «быка», но сомнительно, чтобы такая версия была первоначальной, так как одомашниванием крупного рогатого скота человек занялся сравнительно поздно. Скорее, произведением пятого дня творения в древнейшем варианте «шестоднева» называлась собака — первый среди животных друг человека.

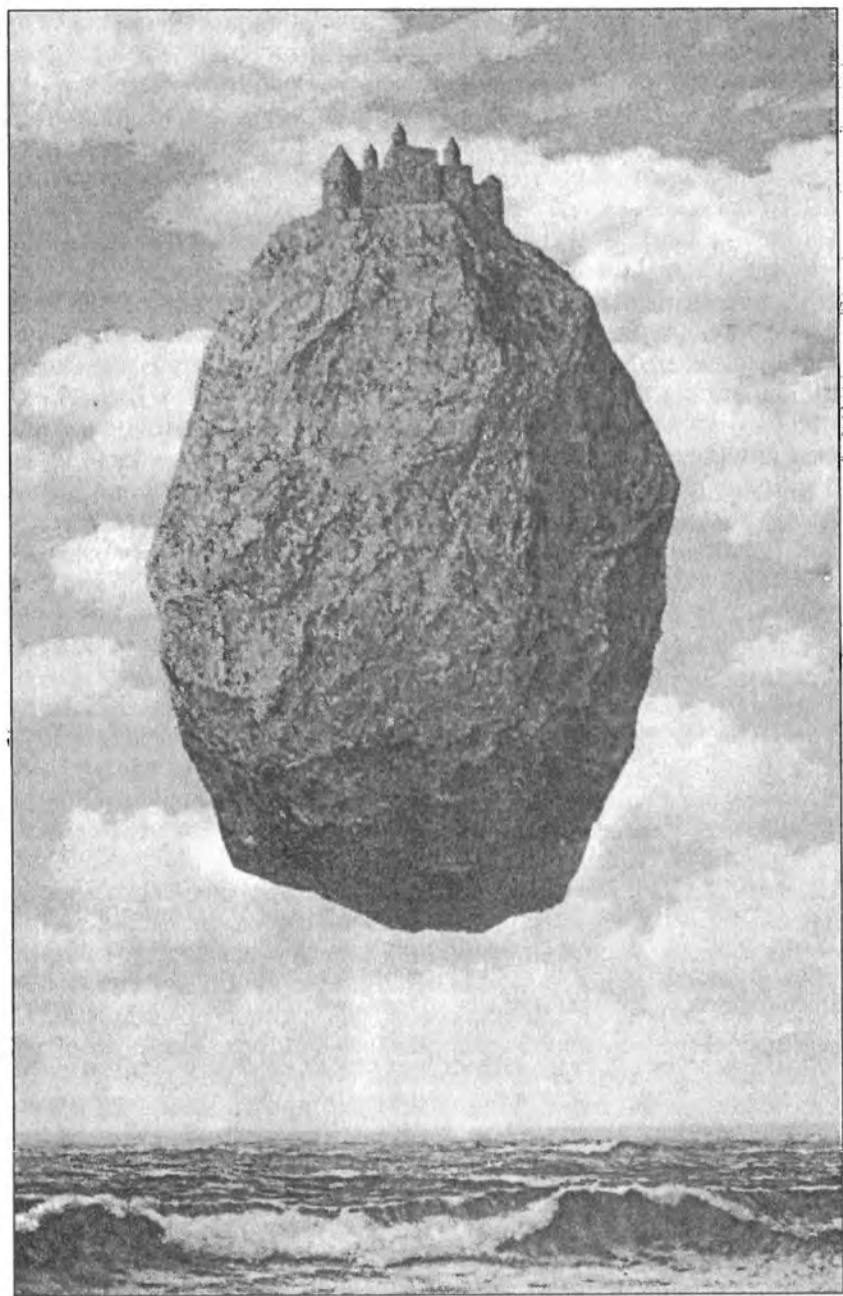
Такой краткий экскурс в историю четвертого и пятого дней «шестоднева» понадобился нам для того, чтобы объяснить, почему далеко не всегда в потопных мифах растения и животные играли пассивную роль простых пассажиров ковчега. Иногда они становились важнейшими элементами повествования. Например, мировое дерево (плод четвертого дня творения) могло давать материал для ковчега или заменять «Арат». В свою очередь, собака из пятого дня творения могла подменять рыбу — предвестника бедствия, птицу-спасительницу и даже жену «Ноя».

Таким образом, какие бы элементы «шестоднева» мы ни брали, везде они давали в сцепке с потопной легендой многовариантность приложения, высокую способность к саморазвитию, гибкость в процессе эвгемерической переработки. Однако не это основной вывод настоящей главы. Иное важно. То, что анализ сюжетного многообразия с еще большей уверенностью позволяет говорить теперь о едином первоисточнике мифа о потопе. Есть, существует ЕДИНЫЙ ТИТУЛ героя мифа — уаghа (старший, предок, вождь, царь), ЕДИНОЕ ИМЯ героя — Ман («Премудрый»), ЕДИНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ОСНОВА мифа — китежская легенда. И вся многоликость сюжетов потопной

мифологии обусловлена тем, что китежская легенда во многих случаях была пропущена через жернова «шестоднева» и записана фольклористами на разных стадиях обработки этих постоянно диффузирующих мифологических слоев.

При всем том, однако, остается неясным, почему гигантский «шестоднев» не утопил в себе крошечную китежскую легенду, а скорее сам оказался поглощенным ею, и теперь «шестоднев», а не китежскую легенду приходится реконструировать по отдельным конспектам и фрагментам.

Я думаю так: в Мертвом море утонул один из самых первых на земле городов, являвшийся древнейшим и наиболее чтимым религиозным центром Палестины. Не людские потери, а потеря этого города стала подлинной трагедией палестинского народа. И попытки спасения этого не имеющего аналогов в «шестодневе» образа китежской легенды стали основной задачей сказителей мифа о потопе, за которой проблема сохранения в целости «шестоднева» отступила на задний план. Так вот, об этом городе и о попытках его мифического спасения — наш следующий рассказ.

ГРАД КИТЕЖ

Русь. Открывая главу, посвященную лежащим на дне Мертвого моря городам, начнем с того, что ближе всего нам, россиянам, — с древнерусского сказания о граде **Китеже**.

Хотя сюжет легенды о якобы утонувшем в Светлояр-озере под Нижним Новгородом граде Китеже хорошо известен, в истории гибели города много неясного, противоречивого. «Летописец», например, утверждал, что город стоял *на берегу озера*, был razoren Батыем и только после этого сделался невидимым. Иначе рассказывали эту историю этнографу и писателю Мельникову-Печерскому. Говорили: «Цел град, но невидим. Не видать грешным людям славного Китежа. Сокрылся он чудесно, божьим повелением, когда безбожный царь Батый razорил Русь Суздальскую, пошел воевать Русь Китежскую. Подошел татарский царь ко граду Великому Китежу, восхотел дома огнем спалить, мужей избить либо в полон угнать. Жен и девиц в наложницы взять. Не допустил Господь басурменского поругания над святыней христианскою. Десять дней, десять ночей Батыева полчища искали града Китежа и не могли сыскать, слепленные. И доселе тот град невидим стоит, — откроется перед страшным Христовым судилищем. А на озере Светлом Яре тихим летним вечером виднеются отраженные в воде стены, церкви, монастыри, терема княжеские, хоромы боярские, дворы посадских людей. И слышится по ночам глухой, заунывный звон колоколов».

Совсем иную версию приходилось слышать в детстве Максиму Горькому. Уникальность ее заключается в том, что здесь единствен-

ный раз прямо говорится о катастрофе, и катастрофе геологической. Вот как звучал геологический раздел духовного стиха о граде Китеже, что нашептывала будущему писателю его бабушка:

И сказал Господь Саваоф
Свет архангеле Михайле:
А поди-ко ты, Михайло,
*Сотряхни землю под Китежем,
Погрузи Китеж во озеро.*

При прочтении этого отрывка даже мало-мальски знакомому с сейсмической картиной среднерусской полосы читателю станет ясно, насколько нелепа для нее такая катастрофа и насколько точно она воспроизводит обстоятельства палестинской драмы. Безрезультатные экспедиции аквалангистов на дно Светлояр-озера лишь подтвердили предположения о бессмысленности всяких поисков Китежа в русских пределах. Поэтому сразу приступим к анализу явно зарубежных истоков легенды.

Собственно, на Руси, кажется, менее всего делали тайну из прототипа китежского сказания и нередко прямо прилагали к списку сказания о граде Китеже главу «О Содомском море» из книги хождений Трифона Коробейникова. Правда, формально такая компоновка обуславливалась принципом контраста, где городам палестинских греховодников противопоставлялся город праведников Китеж. Но противопоставление это являлось скорее результатом книжного мудрствования, нежели живого народного чувства.

Судить так позволяет само русское название города: Китеж — тезка часто упоминавшегося на этих страницах знаменитого своими потопными традициями сирийского города Кадеша. Иная, малоизвестная транскрипция названия русского города — Кидиш — лишнее тому подтверждение.

Хочу подчеркнуть, Китеж именно тезка Кадеша, а не филиал. В сиро-палестинском регионе было множество Кадешей (Кадеш-Кинза, Кадеш-Варни и др.), так как слово «кадеш» (святой, святилище) представляло собой обычную приставку к названиям городов. Слово это не исконно семитское или, во всяком случае, не только семитское, потому что также принадлежит к праиндоевропейской лексике*.

Какой из утонувших в Мертвом море городов назывался Кадешем и выкликался русскими под именем Китежа, сейчас сказать уже невоз-

---

* Ср.: рус. кудесник, гадать, лат. goetia (волшебство, колдовство), cado (приноситься в жертву), курд. cađu (волшебство, колдовство), перс. god(o)s (святость, священство), katuзи (аскет, жрец), авест. gatha (пелигиозный гимн), инд. hutas (принесенный в жертву), греч. hutos, hadzo (почитаю, благоговею), хетт. kudi (душа), герм. got (бог).

можно, но можно допустить, что после катастрофы слово «кадеш» стало общим наименованием всего оказавшегося на дне Мертвого моря. Тогда же, вероятно, была заведена сохранившаяся у русских практика ползания вокруг озера в дни, связанные с катастрофой.

Палестинские корни сказания о граде Китеже сразу же объясняют все его темные и противоречивые места. Например, гибель русского города принято связывать с историческим лицом — ханом Батыем, возглавлявшим татаро-монгольское нашествие на Русь. Однако существуют списки сказания, где роль Батыя исполняет мифическая «девка-турка». Видимо, русский народ на протяжении своей долгой истории успел забыть, кто был его подлинный противник на территории Палестины, и потому последовательно привязывал гибель праотеческого города к ближайшим по времени недобропамятным именам и народам. Хотя, думаю, можно догадаться, что «Батый» и «девка-турка» заняли на Руси место упомянутых в Библии месопотамских царей. Читатель, конечно же, помнит, что по библейской версии гибель Содома и Гоморры от стихии последовала вслед за разгромом, учиненным в этих городах войском пришедших из Месопотамии царей.

Противоречива и география сказания о граде Китеже. С одной стороны, оно четко привязано к Светлояр-озеру под Нижним, а с другой стороны, легенда о граде Китеже примыкает к лишенному ясных географических ориентиров своду сказаний о стране блаженных — Беловодью. В нем Китеж фигурирует в качестве легендарного села под названием Скитай. Насколько темна была география Беловодья, видно из того, что в некоторых случаях русские мужики, прослышав о существовании реальной страны Китай, целыми деревнями снимались с мест, шли и доходили-таки до него. Однако страны блаженных, понятно, в Китае не обнаруживали.

Честно говоря, разобраться с Беловодьем было действительно до крайности трудно. Оно описывалось как группа островов в океане, где население говорило на сирском (сирийском) языке, но при этом стране чрезвычайно холодной, «где морозы бывают необычайные *с рассединами земными*». Нас, в свете теории о палестинской прародине легенды о граде Китеже, не может удивить то, что, по представлениям россиян, население страны блаженных поголовно говорило на сирийском языке и что Беловодье является рифтовой зоной («с рассединами земными»). Несколько смущает сообщение, будто «расседины» впадины Вади-эль-Арабы образовались от морозов, но и это объяснимо.

Не только русские пытались украсить потопную легенду элементами северного колорита. Сходные попытки предпринимались иранцами, алтайцами, североамериканскими индейцами.

Поэтому сейчас, убедившись в палестинских корнях легенды о граде Китеже, перейдем к не менее важной проблеме происхождения самого названия града Китежа.

Одним из двух слов, составляющих название легендарного города, является праиндоевропейское слово *kadh* (место, сиденье)*. Слово это чрезвычайно древнее и в современных индоевропейских языках чаще употребляется с другой ступенью чередования: *u-e. sed* (место, место обитания, сидение). Как, впрочем, и в языках семито-хамитских: *египт. iset* (место, трон, престол), *иврит st* (седалище). И такое соответствие в указанных языковых семьях позволяет нам вновь провести параллель между Русью и Палестиной, между градом Китежем и Кадешем, что лежит на дне Мертвого моря.

Вспомним, дно Мертвого моря до катастрофы называлось Сиддим (поля). Так вот, еврейское слово *sddy* (поле) — одного корня с названием града Китежа и имеет соответствие в современном русском языке в слове «сад», оба они происходят от одного глагола «сажать», «укоренять» (рус. садити, *иврит satal*). Таким образом, получается, что, в какой бы фонетике мы ни брали названия однокоренной ономастики Палестины, — ей на Руси обязательно находятся четкие соответствия.

«Место», «сиденье» — первоначальные, но не единственные значения праиндоевропейского слова *kadh*, от которого образована первая половина названия легендарного града Китежа. Со временем оно обросло множеством производных, перечислить их все здесь нет никакой возможности, поэтому, чтобы не рассеивать внимание читателя, приведем только те, что помогут нам реконструировать внешний вид града Китежа. Первым таким производным будет слово *kad* со значением «дом», «стена» (преимущественно каменная)**. Вторым — со значением «круг»***.

А теперь, учитывая такие производные, зададимся вопросом: где в столь давние, если верить лингвистике, времена существовала практика постройки круглых каменных жилищ? От-

* Ср.: *авест. gatu* (место), *перс. kat* (широкая скамья, трон, престол), *греч. koit* (ложе), *суах. keti* (садиться, селиться), *канд. gaddigeyu* (трон, сиденье).

** Ср.: *u-e. kat* (дом, стена, комната), *урал. hat/kot* (хижина, хлев), *алт. koto* (усадьба, город), *драв. kattu* (строение), *египт. hat* (дом), *иврит ggadyr* (забор, ограда), *берб. agadir* (укрепленный амбар, стена), *тагал. kuta* (бастион, крепость), *малаз. kota* (город), *хауса katanga* (стена, ограда), *фула hodo* (деревня, жилище), *суах. ukuta* (стена, особенно каменная), *майя sot* (каменная стена).

*** Ср.: рус. катить, лат. *sado* (катиться), инд. *ghut* (вертеть), *kuti* (поворот), *иврит kad* (закругленный), *кечуа kutay* (поворачивать).

вет, думаю, читатель уже знает. Правильно, в Палестине, именно там в период Натуфа (X тысячелетие до Р.Х.) появляются круглые каменные чумы-полуземлянки*. Правда, к моменту начала строительства первого на земле города Иерихона (VIII тысячелетие до Р.Х.) круглые сооружения выходят из моды. Но как реликт давней традиции они сохраняются в прямоугольных домах иерихонцев в виде нарисованного на полу красного круга.

Оговорюсь, было бы не совсем верно считать традицию круглых каменных построек в Палестине к VIII тысячелетию полностью утраченной. Религия, с присущим ей консерватизмом, сохранила эту традицию за собой. Единственное круглое здание в Иерихоне — восьмиметровая каменная башня — носит явно культовый характер.

Таким образом, мы наконец выходим на то, что искали. Иерихонский круглый каменный храм — вот подлинный прообраз русского града Китежа, равно как и всех остальных строений и архитектурных элементов, часто упоминаемых в потопных мифах. Столбы, колонны, хижины, дома, храмы, деревни, города — все это, независимо от светской или религиозной окраски и в меру культуры сказителей легенды, восходило к лежащему на дне Мертвого моря городу, характерным архитектурным элементом которого были столбообразные каменные храмы.

Чаше, впрочем, в мифах о потопе речь шла именно о культовых постройках. Даже в легенде о граде Китеже особый упор делался не на городскую, светскую, а на духовную жизнь китежан. Паломники к Светлояр-озеру не только знали названия китежских церквей, но и местоположение их на дне озера.

Пониманию «Китежа» как храма способствовало еще и то, что к слову-основе его названия — *kadh* (круглый каменный дом) издавна стали присовокуплять хорошо известное нам по второй главе слово *yagha* (старший, предок, вождь, царь). *Kadh-yagha* — так иногда звучало название града Китежа. И данная комбинация обоих чрезвычайно богатых содержанием слов образовывала широчайшее поле для смыслового словотворчества. «Кадх-ягха» можно было истолковать самым различным образом: «домовладение», «дворец», «храм», «святилище» и т.д.

Вот, пожалуй, и все, что на сегодняшний день по силам нам в деле реконструкции внешнего облика Китежа и смысла его названия. Поэтому пришла пора сменить тему и обратиться

---

* Изображение реконструкции натуфийского жилища можно найти в книге: Антонова Е. В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1984. С.70.

к проблемам повторяемости этого названия и эволюции образа города в мировой потопной мифологии.

Британия. Хотя в данном разделе речь пойдет о сказании, записанном на территории Англии, к нынешнему населению ее оно вряд ли имеет какое-либо отношение. Потому что принадлежало народу, проживавшему на английской земле даже прежде кельтов, не говоря уже об англосаксах. В кельтских преданиях сохранилось свидетельство, что первым культурным народом, поселившимся на островах, были некие фоморы, люди-великаны, настоящие морские волки. Отличительным признаком фоморской архитектуры являлась традиция постройки высоких каменных башен.

Позднее на острова из Греции приплыли некие немедяне. Немедяне сначала подпали под власть фоморов-великанов, но потом, собравшись с силами, победили их, возобладав «над башнями фоморов». Однако благоденствовали победители недолго, пришла с моря «великая волна» и утопила всех без разбора. После чего «земля оставалась пустой две сотни лет».

В то, что «великая волна» утопила всех фоморов, как-то не очень верится: фоморы дожили до кельтской колонизации островов, и борьба с ними породила наиболее драматичные и фантастичные страницы кельтского эпоса. Однако не правдоподобие, а источник фоморской легенды о потопе, очень напоминающей русское китежское предание, интересует нас в первую очередь. Ни следов потопы, ни остатков башен фоморов на Британских островах не обнаружено. Поэтому, подобно китежской легенде, иностранное происхождение этого сказания более чем правдоподобно.

Так откуда оно? Конечно, соленые воды Мертвого моря и башни палестинских храмов — единственные его первоисточники. Общеупотребительное английское слово cottage (загородный дом), по фонетике почти не отличающееся от названия града Китежа, — ясное тому подтверждение.

Иной вопрос: кто принес эту легенду на территорию островов? Может так статься, что и славяне. Славяне некогда очень широко жили в Западной Европе. Название фоморов очень уж напоминает самоназвание славян-поморов (от них, между прочим, произошло название германской области Померании), а старинное название Северного Уэльса — Венедотия — слишком уж напоминает имя славян-венетов. Так что все может быть...

Тироль. Славянскими по происхождению, видимо, можно считать и тирольские легенды о погибшем народе антов. В легендах этих говорится об антах, что «они жили в пещерах, вдали от всех цивилизованных людей, и не имели с ними никаких отношений... По народным преданиям, все эти племена искони жили

в стране; когда же появились новые сильные пришельцы, древние жители, не желая оставить отечество или попасть в руки врагов, сами добровольно *засыпались землей или затопились водой* с семьями и всем богатством».

Сюжетное сходство легенды об антах с русским китежским преданием и британским фоморским проглядывает достаточно явственно. Если же к сказанному добавить, что «анты» — обычное для древности название славян и что первые научные работы, посвященные славянскому языковому субстрату в Тироле, были написаны еще в XIX веке, то, думаю, предположение о славянском происхождении тирольской легенды будет выглядеть достаточно правдоподобно.

Нидерланды. Из того, что британская и тирольская легенды оказались, видимо, славянского происхождения, вовсе не следует, будто германцам вообще было чуждо предание о граде Китеже. Отнюдь. На этих страницах уже упоминалось древнефризское предание о потопе, записанное в особой книге под названием «Ура Линда Бук», но при этом до времени была опущена такая деталь, что в нем фигурировал и град Китеж. «Ура Линда Бук» сообщала, что после катастрофы уцелели общеиндоевропейское божество вод Нээф-Туна (Нептун) и его сородич, некий Инка.

А дальше произошло вот что: «Корабли Инки в порту Кадек отделились от флотилии Нээф-Туна и направились в западную часть океана. Моряки надеялись, что там удастся найти какую-нибудь горную часть затопленной страны Атлан, которая, быть может, сохранилась, и что они смогут там поселиться». В комментарии данный отрывок практически не нуждается. Конечно же, фризский Кадек — дубликат русского Китежа. Только название праотеческого города передано у фризов более точно и почти не отличается от первоначального (Kadh-yagha).

Единственное, что, вероятно, интригует читателя в данном отрывке, — это тождество имени отправившегося на запад океана Инки с названием легендарного перуанского племени инков. Нет ли между ними родства? Очень может быть. Во всяком случае, существовал у древних германцев патронимический суффикс *ing*, очень употребительный при образовании германских этнонимов (Инглинги, Англы, Ингевоны и т.д.).

Перу. Сказать трудно, германцы-инки или какой другой индоевропейский народ занес на территорию Перу сказание о граде Китеже, только там оно тоже было известно. В одной из провинций перуанских Анд рассказывали, что давным-давно жил некий индеец, однажды он «выгнал свою ламу на хорошее пастбище и хотел ее стреножить, но животное упиралось, имело

печальный вид и жалобно выло. Хозяин сказал ламе: «Что ты воешь, глупая, и не ешь? Или тебе не нравится здешний корм?» Лама отвечала: «Безумец, ты ничего не понимаешь! Так знай же, что я недаром печалюсь, ибо через пять дней море поднимется и покроет всю землю и истребит все земное». Крайне удивившись, что животное заговорило человеческим голосом, индеец спросил, нет ли какого-нибудь средства спастись. Лама велела ему взять с собой пищи на пять дней и последовать за ней на вершину горы **Вилька-Кото**, между приходом Сан-Дамиан и приходом Сан-Херонимо де Сурко. Индеец послушался и пустился в путь с мешком съестных припасов за спиной, ведя за собой ламу. Достигнув вершины горы, он увидел здесь много птиц и животных разных пород. Тотчас же начало подниматься море и поднималось до тех пор, пока вода не затопила долины и не покрыла все горные вершины, кроме вершины Вилька-Кото*.

Принадлежность данного перуанского мифа к потопной серии очевидна. Интерес вызывает одно: название местного «Арарата» — Вилька-Кото. Значение слова *wil'ka* в языке древних перуанцев практически не отличалось от русского — «огромность», «величие».

Что касается второй половины названия перуанского «Арарата» — Кото, то оно, вероятнее всего, — диалектная версия древнеперуанского слова *k'atu* (рынок). Слово это не оригинально, представляет собой одно из семантических ответвлений знакомого нам праиндоевропейского слова *kadh* в смысле «огражденное пространство — площадь-рынок» и часто с таким значением употребляется в языках Старого Света*.

Калифорния. Перуанцы были не одиноки в своем отождествлении «Китежа» и «Арарата». Ту же ошибку делали калифорнийские индейцы племени луисеньо. Они рассказывали, что некогда был великий потоп, заливший высокие горы и утопивший большинство людей. Один только холм под названием **Катута** остался торчать над водой, и на вершине его спаслись остатки людей. Переисказывая эту легенду, исследователи добавляли, что «индейцы эти до сих пор поют песню о потопе, где упоминается холм Катута».

Новые Гебриды. Еще одним, новым поворотом в интерпретации образа «Китежа» можно считать меланезийскую потопную легенду Новых Гебрид. Жители этих островов сообщали, что «их великий легендарный герой Кат исчез из мира во время потопа. Они показывают само место, откуда отплыл герой в свое послед-

---

* Ср.: инд. *hatta* (рынок), *иврит katliyz* (рынок), *сух. cete* (базар), *казах. koton* (площадка, окруженная юртами), *исп. coto* (огороженный участок).

нее путешествие, а именно *широкое озеро в середине острова Гауа. Во времена Ката на месте теперешнего озера находилась обширная равнина*, покрытая лесом. Кат повалил одно из самых больших деревьев в лесу и принялся строить лодку из ствола дерева... Когда лодка была готова, он посадил в нее жену и братьев и все живые существа, обитавшие на острове, не исключая крошечных муравьев, и заперся со всеми ними на судне, которое было снабжено крышей. Тогда начался ливень. Вся обширная котловина острова наполнилась водой, прорвавшейся через кольцо холмов к тому месту, где большой водопад Гауа и теперь с оглушительным ревом в туче водяных брызг низвергается в море. Здесь лодка пронеслась по бурным волнам сквозь стену холмов и, умчавшись в море, скрылась из виду. Туземцы говорят, что *герой Кат пропал без вести, захватив с собой все, что было наилучшего на земле, но они ждут еще его радостного возвращения*».

Кроме всего прочего, в новогбридской версии китежской легенды русского читателя, думаю, должна привлечь светлая футурология меланезийцев, с ее безнадежным ожиданием возвращения героя Ката, а вместе с ним и золотого века. В этом пункте с меланезийцами были некогда совершенно согласны россияне, тщетно ожидавшие возрождения Китежа — олицетворения чистоты и святости жизни.

Остров Пасхи. В масштабах географии потопной мифологии остров Пасхи лежит не так далеко от Меланезии, поэтому нас не слишком должно удивить, что и сюжетно, и поименно меланезийская история о Кате есть пасхальское соответствие — потопная легенда о вожде (арики) по имени Хоту (полное имя — Хоту Матуа).

Прежде, в связи с поисками параллелей к имени мамбрийского дуба Огига (*рапануи* «акуаку»), уже приводилось пасхальское сказание о катастрофе, оно коротенькое, поэтому не будет большого греха в том, что мы его целиком повторим. Рассказывали, что, живя на континенте, Хоту Матуа однажды «увидел, что земля медленно опускается в море. Тогда Арики собрал всех своих подданных, мужчин и женщин, детей и стариков, и посадил их на две лодки. Арики увидел, что приближается бедствие; а когда его две ладьи были далеко в море (достигли горизонта), он заметил, что земля опустилась (в воду). За исключением одной маленькой части, называемой **Маори**».

Восстановив в памяти предание, обратим еще внимание на то, что вторая половина имени пасхальского «Ноя» Хоту Матуа (*рапануи матуа* — «отец», «мать») явно восходит к *и-е. mat* (мать).

Что касается названия островка, уцелевшего в бедствии, — Маори, то оно более чем узнаваемо и является пасхальской версией

старинного названия Палестины: *шумер. Мар-ту, аккад. Амурру, египт. Имор*. Нам еще предстоит не раз встретиться с этим названием Палестины в разных версиях всемирного потопного цикла.

Аравия. Древние арабы, современники пророка Мухаммада, видели в «Китеже», как и меланезийцы с пасхальцами, не только город, но и героя катастрофической легенды. Они присваивали это имя пророку Худу, «Ною» одной из катастрофических арабских легенд. В Коране рассказывалось, что жил на земле Аравии до арабов великанский народ ад. Долго он благоденствовал, но, как это обычно бывает, возгордился и даже отказался слушать пророка Худа, посланного Аллахом для увещевания. Наказание не заставило себя долго ждать: сначала была засуха, а затем ураган смел народ ад с лица земли. Уцелел только Худ со своими приверженцами (II сура).

По преданию, жизнь свою Худ закончил очень любопытным образом. Преследуемый врагами, он взмолился Аллаху, тогда перед ним разверзлась скала, Худ вошел в нее, скала закрылась, оставив на том месте небольшую трещину. Ныне эта скала называется «могила Худа». И, всматриваясь в элементы этого арабского предания, невольно узнаешь китежскую легенду, но только в миниатюризованном, увиденном как бы в перевернутый бинокль виде. И земля поглотила, и трещина осталась. Разница в том, что земля поглотила не человека Худа, а целый город Кадхягху, и трещина осталась не маленькая, а гигантская — впадина Вади-эль-Араба.

Дополнительным аргументом в пользу предположения о китежском происхождении имени и образа Худа может послужить то, что ураган, который смел с лица земли народ ад, по преданию, и в природе произвел некие странные, чудесные изменения. Например, исчезла сделанная из драгоценных камней и металлов столица народа ад — город Ирам **Многоколонный**; исчезла, но существования не прекратила и «по-китежски» изредка является людям.

Кроме того, тогда же область Вабар, примыкавшая к стране народа ад, была населена Аллахом джинами и заколдована так, что обычный человек, опять-таки «по-китежски», если и попадал в нее, то только по воле случая.

Египет. К сожалению, значение имени пророка Худа утрачено, поэтому о происхождении его от названия утонувшего в Мертвом море города можно говорить, лишь опираясь на близость фонетик и сходство сюжетов. Иное дело — мифология соседствующего с Аравией Египта, его китежская легенда связана с дном Мертвого моря более прочными узами.

Завязкой египетского мифа, который так и называется «Уничтожение людей», служит внезапное обнаружение богом солнца Ра того прискорбного обстоятельства, что порча среди людей достигла предела. Ра собирает богов и обращается к ним с такими словами: «Боги-предки! Смотрите — люди, созданные из моего глаза, замыслили злые дела против меня. Скажите мне, что бы вы сделали против этого?..»

Тогда они сказали его величеству: «Отправь свое Око, да поразит оно для тебя замышляющих зло. Ибо нет другого Ока, которое могло бы быть пред ними и воспрепятствовать ему, когда оно сходит в образе **Хатор**».

Львиноголовая богиня любви Хатор была отправлена на уничтожение людей и так рьяно взялась за дело, что боги испугались. Они залили Египет окрашенным под кровь пивом (рудимент потопа), и Хатор, напившись пивом до умопомрачения, забыла про людей.

Читатель, думаю, уже догадался, что данная египетская версия с ее богом солнца — организатором бедствия, с рудиментарной формой самого потопа представляет собой этап эволюции образа солнца из «шестоднева» на пути к «фаэтонной» солнечной катастрофе. Однако разговор сейчас не об этом.

Чтобы понять, в чем «китежская» соль этого мифа, необходимо лишь одно: дать перевод имени богини-убийцы Хатор. Буквально «хатор» значит: «дом высоты». Найти параллель к первой половине имени богини — *egipt. hat* (дом) — нам, славянам, не составит труда; *укр.* «хата» — идеальное ему соответствие. И разумеется, что и египетское, и украинское слова имеют общего предка: *kadh* — словооснову названия утонувшего в Мертвом море города.

Это обстоятельство, в свою очередь, прекрасно разрешает давнее затруднение египтологов: почему именно богине любви Хатор отведена в мифе роль демона-убийцы? Конечно же, в данном случае имя Хатор пересилило ее сексуальную функцию. Будучи однокоренным названию лежащего на дне Мертвого моря города, это имя намертво привязало богиню к мифу о катастрофе, заставило на время отказаться от прямых обязанностей по стимуляции эроса и заняться непривычным для себя, но обязательным в силу имени богини душегубством.

Финикия. Того же происхождения, что и египетская Хатор, образ финикийского бога **Котара**. Только у финикийцев было более ясное, нежели у египтян, представление о происхождении и функции бога Котара. В финикийской мифологии Ох — небесный архитектор, устроитель чертогов богов, т.е. храмосоздатель.

Непосредственно в финикийской версии мифа о потопе Котар не упоминается. Но примечательно, что он, согласно небес-

ной генеалогии, является сыном Ямма (букв. «Моря»). И естественно, что происхождение финикийского храмового зодчего Котара от Моря невольно обращает наш взор к лежащим на дне Мертвого моря храмам.

Из Платона. От финикийского Котара легко бросить мостик ко второму царю Атлантиды Гадиру и «стране гадиритов», якобы граничившей с Атлантидой. Имя царя и название народа из знаменитого платоновского мифа принято связывать с названием древнего города Гадира на Пиренейском полуострове (современный **Кадес**). Однако эта точка зрения не бесспорна, так как Платон мог иметь в виду и палестинский город Гадары. Впрочем, путаница между обоими городами вполне извинительна, так как названия их происходят от общего семито-хамитского корня (*берб.* *agadir* — укрепленный амбар, стена; *иврит* *ggad'r* — забор, ограда), а он, в свою очередь, восходит к хорошо известному нам слову *kadh* (круглый каменный дом), опорному для всего круга китежских катастрофических легенд.

Зная об этом, стоит ли удивляться, что платоновская Атлантида разделила судьбу града Китежа?

Камчатка — Северо-Западная Америка. Новым, нестандартным поворотом «китежской» темы можно считать потопные мотивы в общем для камчадалов и северо-западных американских индейцев цикле мифов о Вороне. У многих племен, объединенных этим циклом, легенда о потопе рассказывалась по-разному. Так, Ворон, главный герой, имел разные имена. Одна из версий, где герой носил имя Норка, а сюжет почти не отличался от знаменитого греческого мифа о Фээтоне, излагалась прежде. Продолжим же теперь наш рассказ.

Начнем с Камчатки. Миф о потопе камчадалам был известен, но о том, что в нем фигурировал некогда Ворон, прямых свидетельств нет. Однако сохранилось достаточно косвенных улик, по которым причастность камчатского Ворона к бедствию можно реконструировать.

Прежде всего, в самой камчатской мифологии на это указывает имя Ворона — **Кут** или **Кутха**, — и то, что, породив камчадалов, он, обиженный, их покинул. Обе эти приметы: и имя, и уход — почти в точности совпадают с меланезийским «Ноем» Катом, о котором говорилось прежде и причастность которого к мифу о потопе бесспорна.

Дополнительным аргументом в пользу предположения о причастности камчатского Кута/Кутха к потопу может послужить деятельное участие Ворона в потопных перипетиях мифов индейцев Северо-Западного побережья Америки. Правда, Кутом они

своего Ворона не звали, но из этого не следует, что палестинские корни потопной ономастики в американской мифологии оказались утраченными. Ворон сказителей племени тлинкитов, например, носил имя Эль, и давно уже высказано предположение, что оно восходит к имени сиро-палестинского бога Эла (финикийский Илу, еврейский Элоах, арабский Аллах). Поэтому замена в данном случае имени Ворона с Кута на Эля не так существенна, как кажется на первый взгляд.

Мифология северных индейцев Америки позволяет предполагать, что имя Эла вообще было первоначальным именем той богоптицы, что в «шестодневе» доставала зародыш земли, а в потопной мифологии стала деятельным помощником «Ноя». Во всяком случае, тлинкитские предания сообщают, что именно *Ворон Эль похитил огонь с некоего острова в море и унес его людям, спрятав в стволе кедра*. Сюжет более чем известный, откуда он взялся, нам теперь тоже ведомо.

В предыдущей главе было показано, что он — одна из последних стадий эволюции образов богоптицы и солнца из «шестоднева», прикрепленного к потопной легенде. Поэтому, независимо от того, упомянут в легенде потоп или нет, происхождение истории похищения птицей огня явно имеет общий потопный первоисточник.

Наконец, велика роль Ворона в американских легендах, прямо упоминающих потоп. Миф этот рассказывался во множестве вариаций, но если выделить среди них общие места, то сводная редакция могла бы выглядеть следующим образом: Ворон соблазняет собственную тетку, живущую в особом помещении (ящике, доме-космосе). Узнав об измене жены, дядя Ворона всячески пытается известить племянника и в конце концов не находит ничего лучшего, как затопить помещение, в котором племянник с теткой предаются пороку. Однако Ворону и здесь удается спастись, обрядившись попеременно в шкурки *водоплавающей* и «небесной» птиц. Потом он улетает на небо, откуда благополучно возвращается на землю и либо плавает на куче водорослей, либо находит сухое место, где создает различные племена индейцев.

В преданиях о Вороне американских индейцев сохранились все основные элементы мифа о потопе: сам потоп, допотопные греховодники, послепотопный инцест, ковчег, водоплавающая богоптица из «шестоднева» — только все эти элементы оказались столь прихотливо составлены и оформлены, что читателю, привычному к библейской версии, долго предстоит ломать голову, решая, где начинается «Ной» и кончается голубь. Сохранился в преданиях индейцев и «Китеж», он описан в виде жилища-космоса, в котором встречались любовники, лишь название утонувшего в Мерт-

вом море города оказалось по недоразумению перенесено у камчадалов на блудливого «Ноя»-Ворона — Кут или Кутх.

Греция. Идя пока по одной только ономастике, возьму на себя смелость и запишу в тезки русского Китежа еще двух персонажей греческого пантеона: **Гадес**, верховное божество загробного мира, и **Стикс** (или **Стигос**), божество реки-озера, в чьих водах заключен был загробный мир греков. Несмотря на поверхностное различие фонетик, названия **Гадес** и **Стикс** одного происхождения и являются производными от греческого глагола *kat-ago* (вести в загробный мир), практически тождественного (но без придыхания) первоначальному названию града Китежа — *Kadh-yagha*.

Особенно интересен и с фонетической, и с типологической точки зрения образ **Стикс**. С одной стороны, **Стикс** — типичное священное озеро, вода его — «вода заклинаний», она ядовита и смертельна для человека, клятва водой **Стикс** нерушима даже для богов, меч, закаленный в ней, не тупится и не ломается. Но с другой стороны, божество — олицетворение озера как-то по-особенному равнодушно к архитектуре. Гесиод, например, несмотря на конспективный характер своей поэмы «Теогония», специально останавливается на описании дома **Стикс**:

...богиня, будящая ужас в бессмертных,
Страшная **Стикс**, — *Океана, текущего кругообразно,*
Старшая дочь. Вдалеке от бессмертных живет она в доме,
Скалы свисают над домом. Вокруг же повсюду колонны
Из серебра, и на них высоко он вздымается к небу.

Читатель, наверное, обратил внимание, что жилище **Стикс** описано у Гесиода как дом, держащийся на колоннах. И это не случайно, греческие слова *stoa* (крытая колоннада), *stg* (дом) представляют собой архитектурную расшифровку смысла имени **Стикс**.

Таким образом, не богиня и не река-озеро, а некое подземное, окруженное водами сооружение с колоннами носило имя **Стикс**, и имя это, очень похоже, происходит от знакомого нам словосочетания *Kadhyagha* (дом предка), только переданного с другой ступенью чередования.

Палестина — Финикия — Египет. Случай с греческой **Стикс** — не единственный пример употребления названия «Китежа» с другой ступенью чередования. Есть к **Стикс** интересные ближневосточные параллели. Но, прежде чем непосредственно обратиться к ним, следует оговорить одно важное обстоятельство: в данном случае, кроме ономастических и культурных параллелей, ближневосточная мифология позволяет проследить маршруты носителей легенды из Палестины через Финикию в Египет.

В Палестине аналогом греческой Стикс, думаю, можно назвать героя Шетха (Сифа — русского синодального издания Библии). Шетх — едва ли не самая таинственная фигура околوبيблейских преданий. С ним, сыном Адама и Евы, родоначальником современного человечества, связывала апокрифическая литература какие-то светлые обетования, наподобие тех, что русские связывали с возрождением града Китежа.

Что касается потомков Шетха, то их допотопная деятельность, по словам Флавия, во многом обуславливалась предчувствием грядущей катастрофы. Они, например, изобрели науку о небесных телах и их устройстве, и, для того чтобы изобретения их не были забыты и не погибли раньше, чем с ними познакомятся люди, — ввиду того что *Адам предсказал гибель отчасти от силы огня, отчасти же вследствие огромного количества воды, — они воздвигли два столба*, один кирпичный, другой каменный, и записали на них сообщения о своем изобретении.

Последнее было сделано с тем расчетом, чтобы, если кирпичный столб случайно погибнет при наводнении, оставшийся невредимым каменный дал людям возможность ознакомиться с надписью и вместе с тем указал и на то, что ими была воздвигнута и кирпичная колонна. (Каменный) столб сохранился по сей день в земле *Сириаде* («Древности»). Название земли, где сохранился столб, — Сириада — разночтений не предполагает, это, конечно, Сирия. Данный отрывок из Флавия — один из немногих в литературе прямых указаний на бедствие, некогда пережитое этой страной.

Однако прямое указание на Сирию в качестве прародины мифа о потопе — лишь часть полезной для нас информации, приводимой у Флавия. Не менее интересно то, что бедствие связывалось с именем Шетха. Во-первых, еще библейские редакторы возводили имя героя к глаголу *syт* (ставить), очевидно родственное индоевропейскому глаголу *st-* (стоять). Во-вторых, производным от этого глагола является существительное «колоннада» (*греч. stoa, ивр. stav*), и, стало быть, совсем не случайно именно столбы ставили потомки Шетха в ожидании бедствия. Эти столбы — потомки круглого каменного китежского храма и ближайшие родственному дома греческой Стикс.

Судя по мифологическому контексту и фонетике имен, потомками Шетха являлись часто упоминаемые в палестинских преданиях «шедимы» (букв. «духи», «бесы»)*. Шедимы — общее наи-

* Ср.: *семит.* *sd* (дух, бес), *рус.* жуть, жиди (лешие, черти), *кельт.* *sid* (дух), *курд.* *set* (сумасшедший, безумный), *манж.* *sadko* (злой дух), *калм.* *cutker* (злой дух).

менование исполинов, рожденных земными женщинами от сынов божиих, о которых говорится в Библии несколькими строками прежде изложения официальной версии мифа о потопе.

Что именно данные исполины стали жертвами потопа, писал сам Флавий в «Древностях». Поэтому вывод напрашивается сам собой: шедимы — потомки Шетха, и само их имя — другое наименование часто упоминаемых нами прежде коренных насельников Палестины, рефаимов. Рефаимы также пережили потоп и также после своего исчезновения с лица земли стали олицетворениями душ загробного мира (*иврит* герау — великан, покойник).

Параллель к Шетху и его потомкам, шедимам, просматривается в родственной иудейской мифологии — мифологии Финикии. Но, прежде чем говорить о ней, следует хотя бы вкратце остановиться на финикийской потопной мифологии как таковой.

Уточним: до нас дошла не сама финикийская мифология, а лишь ее конспект, принадлежащий перу Филона Библского, который переложил «Историю» некоего Санхуниатона, а тот, в свою очередь, — учение бога Тааута (*египт.* Джехути/Тот). Так вот, в этом конспекте говорится, что глава финикийского пантеона Илу (вспомним Эля глинкаитов) — существо злое и корыстное, заподозрил своего брата, почему-то называемого у Филона Атлантом, в посягательстве на трон верховного божества. Недолго думая он, по совету Тааута, *«бросил его (Атланта) в глубину земли и засыпал. В то же самое время потомство Диоскуров (изобретателей судов), соорудив плоты и ладьи, пустилось в плавание и, выброшенное на Касиеву гору, посвятило здесь храм»*. Право, великолепный, очень выразительный отрывок. Характерно в нем все: здесь не надо особенно гадать, почему потомки Диоскуров вдруг кинулись плавать на плотях и ладьях одновременно со своеобразной казнью Атланта; понятно, почему очутились на горе и поставили там храм.

Конечно же, бросание Атланта в глубины земли — это знак катастрофы, причем катастрофы, связанной с водной стихией, иначе зачем потомству Диоскуров (семейству «Ноя») нужно было одновременно с казнью Атланта пускаться в плавание. Ясно: гора, на которую они были выброшены, — это «Арабат», а храм на горе — дубликат библейского жертвенника Ноя. Так что перед нами, очевидно, финикийская версия мифа о потопе. О многом говорит и место высадки потопных героев — гора Касия — это гигантская песчаная дюна в Средиземном море, служащая как бы пограничным знаком между Палестиной и Египтом.

Прекрасным дополнением рассказанного у Филона Библского мифа служит бытовавшее среди финикийцев чисто историчес-

кое предание о катастрофе на их прародине. Римский историк Юстин писал: «Тиряне (жители города Тира) произошли от финикийцев, которые, *будучи разорены землетрясением, обитали вначале около Ассирийского озера, а потом на ближайшем морском берегу*». Соединив финикийский миф о гибели Атланта, четко привязанный к сиро-палестинскому ареалу (горе Касия), и предание о катастрофе Ассирийского (Сирийского) озера, остается сделать вывод, что потоп произошел неподалеку от Финикии (современного Ливана), а рассол расположенного в двух шагах Мертвого моря сам подсказывает где.

И еще одна маленькая, но очень знаменательная деталь: упомянутые в финикийском мифе о потопе Диоскуры — изобретатели судов сами были потомками некоего Садика, изобретателя соли*. Таким образом, к палестинскому Шетху и его потомству, пережившему потоп в стране Сириаде, напрашивается финикийская параллель в виде Садика и его потомства, пережившего тоже бедствие близ Ассирийского озера**.

Сама по себе такая иудео-финикийская потопная параллель не имела бы большой ценности, если бы цепочка ограничивалась двумя этими звеньями. Ценность ее заключается в том, что совокупно с данными мифологии Египта она дает развернутую и последовательную картину движения некоего народа-беженца от Мертвого моря в Палестине в Финикию, из Финикии — в Египет.

Поэтому пойдем теперь вслед за потомками финикийца Садока в Египет, посмотрим, что они туда принесли, и, уж коль представился случай, подробно поговорим о загадках и странностях египетской мифологии.

Не будет преувеличением сказать, что в мифологии, явлении богатом на все загадочное, египетский пантеон — одно

* Ср.: *семит.* cadik (праведный, святой), *инд.* siddhu (святой), sata (предсказатель будущего), *рус.* чудо, *авест.* zaotar (тот, кто творит жертву), *канд.* satravu (богослужение с жертвоприношением), *бирм.* zdeu (человеческое жертвоприношение при закладке города или пагоды).

** В этой связи хочется устранить давнее заблуждение, будто семитская традиция первична по отношению к имени и образу героя-мореплователя русских былин Садко и его французского аналога Садока из романа «Tristan le Leonnois».

В действительности дело, видимо, обстоит прямо противоположным образом, первенство принадлежит русскому Садко, французскому Садоку, а равно не упоминавшейся обычно в этом ряду индийской морской богине Сиддхе.

из самых темных мест, особенно первый, древнейший его слой. Непереводимые с египетского языка имена богов, часто сопровождаемые эпитетом «владыка чужеземных стран». Мифы, не имеющие с точки зрения египтян никакого смысла, если не прямо указывают, то намекают на внеегипетское происхождение самого раннего слоя мифологии Египта. И, оглядывая его, невольно задаешься вопросом: откуда взялись в Египте все эти чужеземные боги? Ответ приходит довольно быстро — из Палестины.

Но — все по порядку. И пока из памяти читателей не выветрилась мифология Финикии, напомним о божестве, со слов которого она якобы рассказывалась: Тааут (*египт.* Джахути/Тот). Именно Тот, как мы помним, спровоцировал расправу над Атлантом, внушив беспокойство подозрительному Илу, после чего потомки Садика внезапно отплыли в сторону Египта, к горе Касия.

Таким образом, для финикийских мифографов Тот, безусловно, являлся лицом, причастным к катастрофе. Здесь только следует с удовлетворением отметить, что того же взгляда придерживались их египетские коллеги. В предыдущей главе уже упоминалась египетская версия мифа о потопе, где сообщалось, что Тот в виде ибиса в момент катастрофы спас богов, перенеся их на крыльях через некое «озеро Ха». Этой версией была проиллюстрирована та стадия эволюции образа птицы из «шестоднева», когда она, будучи уже не в силах доставать со дна моря зародыш земли, стала таскать семью «Ноя» на себе.

Судя по финикийским данным, не обошлось без Тота и последовавшее за бедствием плавание потомков Садика в сторону Египта. Филон Библиский писал, что, когда Илу двинулся на юг, он дал Тоту «весь Египет, чтобы *Египет стал его царством*». И самое любопытное, эта, казалось, ущемляющая национальное самолюбие египтян точка зрения практически ими не оспаривалась.

Они сами не только называли «своего» бога Тота «владыкой чужеземных стран», но даже прямо указывали, какой страны именно — «владыкой бедуинов». Естественно, при этом подразумевались бедуины не в теперешнем понимании этого слова, а погубленный богом народ, преемниками которого на земле Аравии считали себя арабы-бедуины.

Полное согласие египетских и финикийских источников позволяет сделать простой вывод: Тот действительно пережил катастрофу и после нее эмигрировал из некоей страны на востоке в Египет. А это обстоятельство, в свою очередь, хорошо объяс-

няет, откуда взялись в Египте мифы о потопе*. Скажем больше, вместе с Тотом в Египет с востока переселился весь древнейший слой египетской мифологии, оставшийся для коренных египтян, несмотря на давность переселения, во многом чужим и непонятным. В первую очередь это касается ближайшей родни Тота: его брата Осириса, сестры Изиды, племянника Хора.

Осирис, Изиды, Хор — центральные фигуры египетского пантеона. Но, что сразу замечается, странная в этой семье существовала традиция — величать друга друга на индоевропейский лад. Имя богини **Изиды** (*египт.* Исет, букв. «место», «трон», «престол»), очевидно, однокоренное индоевропейскому слову *sed* (место, сиденье), а имя ее сына Хора (букв. «высота») — индоевропейскому *hag* (высокий). Что касается Осириса, то он при всех условиях не египтянин. По общему мнению специалистов, его имя не поддается объяснению и не является египетским. Еще одна загадка... Думается, ее можно разгадать, если согласиться с тем, что имя Осириса (*египт.* Усире) не имя, а название страны, откуда пришло в Египет это божество, — Сирия.

Конечно, если бы в пользу такого объяснения имени Осириса говорила только довольно приблизительная фонетика, то, пожалуй, не стоило бы и заводить разговор на эту тему. Однако на данную версию, кроме этого, работает еще ряд свидетельств и фактов, являющих собой вполне убедительную картину палестинского генезиса этого божества.

Начнем с того, что для египтян Осирис — культурный герой, до появления которого в стране царило настоящее варварство: беспорядок в любви и религии, людоедство, бродяжничество и т.п. Осирис положил всему этому конец, вместе с Изидой и Тотом он установил правильные брачные отношения, учредил культ богов, научил людей *земледелию, градостроительству, металлургии*. И возникает вопрос: откуда он такой многоопытный взялся в Египте? Судя по археологии — из Палестины. Прежде уже рассказывалось про самый древний на земле город Иерихон, про палестинские копи Фенана, если не самые древние в мире, то в регионе — наверняка. Так что учитель по градостроительству и металлургии в Египет мог прийти только оттуда.

---

* Добавим, потомки некоего Таата стали жертвами потопа, согласно одной полинезийской версии легенды. И нельзя исключить того, что это финикийско-египетское божество произошло от индоевропейского бога Таута (букв. «племя», «народ»), чтимого древними палайцами, кельтами, германцами.

Палестинское земледелие также старше египетского минимум на два тысячелетия. И вот что примечательно: в отличие от Палестины, где оно формировалось последовательно и поэтапно, Египет демонстрировал спонтанную, не подготовленную вековым опытом, но до странности зрелую посевную кампанию. Археологи побаиваются комментировать этот факт и, как правило, лишь осторожно констатируют, что в Египте «следы начальных ступеней развития» проследить трудно до того момента, когда египетская культура в VI тысячелетии «приобрела явные черты земледельческой культуры». Но смысл высказывания от этого не меняется. И пока не найдены доказательства самостоятельности возникновения земледелия в Египте, мы вправе считать, что подготовительная стадия его прошла вне страны, т.е. в Палестине. Иного адреса назвать нельзя, так как другие очаги раннего земледелия находились от Египта еще дальше.

Скорее всего, не станет возражать против гипотезы о сиро-палестинском происхождении Осириса и палеоантропология. По ее данным, этнический состав Египта в додинастический период был чрезвычайно пестрым, кроманьонцы (т.е. протоевропеоиды) жили в этой стране весьма многочисленной общиной (составляли 11% населения), и нельзя исключить, что именно они насадили в раннем Египте ту явно привозную культуру, которую позднее по имени ее сирийской прародины египтяне называли культурой Осириса.

Но вернемся к изложению мифа об Осирисе. Насадив в Египте культуру, *он пошел походом в Азию*, а после победоносного его завершения устроил пир. Брат Осириса — Сэт, лелея мечту занять престол, принес на пир заранее заготовленный по мерке Осириса красивый ящик и объявил, что подарит его тому, кому он придется впору. Естественно, единственным достойным кандидатом оказался Осирис. Он лег в ящик, Сэт накрыл ящик крышкой, залил свинцом и бросил *в таниское устье Нила*. Вода Нила вынесла ящик в Средиземное море к берегам финикийского города Библа. Там выросший вереск объял ящик с Осирисом своей корой и скрыл от посторонних глаз. Позднее библский царь велел рубить дерево и сделать из него *подпорку для своего дворца*.

Долго ходила по свету жена Осириса Изида в поисках тела мужа, пока не пришла в Библ. Здесь она нашла его в столбе дворца, открылась царю и выпросила дерево с ящиком. Сплавив все это в Египет, Изида в нильской дельте зачала от мертвого Осириса сына Хора. Хор вырос, победил Сэта, оживил отца, но тот отказался от жизни на земле и ушел править загробным миром, оставив Хора царем Египта.

Такова основная схема мифа об Осирисе. И даже краткий его пересказ, думаю, делает узнаваемым для читателя заложенные в нем черточки и интонации потопной легенды. Остается лишь вычленить их из хаотичной картины веками перепеваемого мифа, чтобы получить близкое по содержанию к традиционному египетское предание о потопе.

Первый момент: география. Азиатские корни в мифе об Осирисе видны совершенно явственно. Он неизвестно зачем ходил походом в Азию. Танисское устье Нила, в которое был опущен ящик с телом Осириса, находится на крайнем востоке нильской дельты и является ближайшим к Азии.

Наконец, особая роль финикийского города Библа во всей этой истории недвусмысленно указывает на азиатское происхождение мифа. Складывается впечатление, что египетские сказители, гоняя Осириса из Азии в Египет и обратно, пытались таким способом национализировать ставший родным, но в принципе чуждый себе миф.

Особое внимание следует обратить на роль Библа. В мифе ничего случайного не бывает. Поэтому Библ, ставший непонятно зачем прибежищем для ящика с трупом Осириса, видимо, не случайная примета и не обмолвка мифографа. «Не видимо, а точно», — сказали бы сами библские жители, в один голос утверждавшие, что Осирис — их соплеменник, коренной житель города (Лукиан. «О сирийской богине»). Финикийский приоритет в этой области признавали даже греки и подтверждали, что царь египтян, будучи ребенком, воспитывался в доме библской царицы (Аполлодор). Так что единомыслие древних источников по данному вопросу абсолютно. Остается добавить, что привязка мифа об Осирисе именно к Библу, а не к другому какому финикийскому городу также не случайна и имеет потопный подтекст.

Дело в том, что Библ, по словам Филона Библского, был основан именно тогда, когда Илу бросил Атланта в глубины земли, т.е. Библ является современником катастрофы и скорее всего был основан послепотопными беженцами из Палестины.

Назойливость, с какой мифографы поминали Библ в связи с ранней египетской историей, не единственный многозначительный факт мифа об Осирисе. Взять, например, сюжет с вращением ящика с телом Осириса в ствол вереска. Сюжет более чем банальный. Он — вариация на известную нам тему истории рождения божества от мамбрийского дуба Огига. История Осириса мало что добавляет к этому общемировому сюжету. Но в случае с Осирисом следует добавить, что именно из Финикии

позаимствовали египтяне этот миф. Там его более правильно рассказывали в связи с рождением бога Адониса.

Овидий в «Метаморфозах» сообщал, что финикийский царь некогда влюбился в свою дочь Мирру и обесчестил ее. С горя царевна превратилась в одноименное дерево — мирру:

А под корою меж тем рос грешно зачатый ребенок,
Он уж дорогу искал, по которой — без матери — мог бы
В мир показаться; живот бременеющий в дереве вздулся...
Дерево щели дает и вот из коры выпускает
Бремя живое свое. Младенец кричит...

Так родился Адонис — финикийское божество плодородия, даже по функциям своим тождественное Осирису — божеству плодородия.

Или другой эпизод: нелепое с точки зрения здравого смысла укладывание Осириса в ящик. Ведь точно такой элемент присутствует и в нартском цикле осетин, и в русских былинах о Святогоре, и белорусских сказаниях об аселках, на непосредственную причастность которых к потопной мифологии неоднократно указывалось прежде. Ясно, ящик Осириса, в котором он плавал до Библи и обратно, — это ковчег «Ноя», ящик в данном случае не самая экстравагантная форма для ковчега, в дальнейшем нам доведется столкнуться и с более оригинальными формами. Таким образом, «библский» отдел мифа об Осирисе — это финикийская версия двух палестинских легенд: о мамбрийском дубе и о потопе, пропущенных через пищеварительную систему египетского мифотворчества.

Третий момент: из дерева, в которое врос ящик с телом Осириса, была сделана опора дворца библского царя. Не узнать эту деталь трудно: она неперменный спутник китежских легенд — архитектура. Столб библского дворца — родственник арабского магического города-дворца Ирама Многоколонного, колоннады греческой Стикс, столбов в палестинской легенде о Шетхе.

Единственно, чего не хватает египетскому мифу об Осирисе, так это собственно потопы. Однако некогда потоп, уверен, в нем описывался. Плутарх сообщал, что в отсутствие Осириса «**весь Египет был морем**» («Об Осирисе и Изиде»). А Страбон уточнял, что Египет был некогда покрыт морем **вплоть до горы Касия**. Вспомним, что гора Касия — песчаная дюна на границе Палестины и Египта — в финикийском мифе о потопе фигурирует в качестве «Арарата».

Об особой роли, которую играла гора Касия в сиро-египетском предании о катастрофе, было известно и греческой мифо-

логии. Приведем на сей счет крайне выразительный отрывок из «Мифологической библиотеки» Аполлодора:

«После того как боги одержали победу над гигантами, Гея, восплавав еще более сильным гневом, сочеталась с Тартаром и родила в Киликии Тифона, имевшего смешанную природу человека и зверя. Он превосходил всех существ, которых родила Гея, ростом и силой. Часть его тела, до бедер, была человеческой и своей огромной величиной возвышалась над всеми горами. Голова его часто касалась звезд, руки его простирались одна до заката солнца, другая — до восхода... Будучи существом такого вида и такой величины, Тифон *забрасывал раскаленными скалами небо и носился с ужасающим шумом и свистом. Буря огня вырывалась из его пасти*. Боги, увидев, что он устремился к небу, *кинулись бежать в Египет*. Преследуемые, они меняли свой облик и превращались в животных. Когда Тифон находился еще далеко, Зевс стал метать в него свои перуны; когда же Тифон приблизился, Зевс ударил его кривым стальным мечом. Тифон бежал, и Зевс преследовал его до *горы Касия, возвышающейся над Сирией*». Далее у Аполлодора география битвы меняется, но Страбон, рассказывая о том же, остался верен ближневосточному адресу легенды и утверждал, что тело Тифона покоится на дне Мертвого моря (географ называл его Сербонидой).

Сведя воедино данные греческой, финикийской и египетской мифологий, можно вполне уверенно сказать, что относительно причин появления богов в Египте и их маршрута они были согласны: боги бежали в Египет, спасаясь от какой-то катастрофы на Ближнем Востоке. Особой точкой на их пути из одной страны в другую («Араратом») являлась гора Касия, песчаная дюна в Средиземном море между Египтом и Палестиной.

Хотя, по сообщению Плутарха, египтяне считали, что именно на их земле произошел потоп, у того же Плутарха мы находим прямое указание на палестинскую прародину египетского мифа. По его словам, когда Изида оплакивала мертвого Осириса в нильской дельте, к ней подошел некий мальчик. Изида же, обнаружив присутствие мальчика, так взглянула на него, что тот *упал в море и утонул*. Самое замечательное, что звали этого мальчика **Палестин** («Об Осирисе и Изиде»). Куда прямее указание на палестинскую прародину египетского мифа о потопе.

Единственная оговорка: называя утонувшего мальчика Палестином, египетский информатор Плутарха сильно модернизировал миф.

Свое теперешнее название Палестина получила сравнительно недавно, самое раннее с XII века до Р.Х. Миф об Осирисе гораздо древнее, и, стало быть, мальчик в нем должен был носить

другое имя. Как же его звали? Его звали — Осирис. В парадоксальном на первый взгляд отождествлении утонувшего мальчика Палестина и Осириса на самом деле ничего парадоксального нет. Сам Плутарх писал, что второе имя мальчика Палестина — Манерос, но Манерос — это и имя Осириса, обычно употреблявшееся в старинной погребальной песне (Геродот, 2, 79). А в «Мемфисском теологическом трактате» прямо сказано, что **Осирис утонул**, был вытасен на берег Хором и Изидой и через погребение соединился с Татанен (*Поднятой землей*). Таким образом, Палестин — просто другое имя Осириса, а Осирис — Сирия, в свою очередь, старинное название Палестины. Упоминание в «Мемфисском теологическом трактате», что утонувший Осирис соединился с «Поднятой землей» (похоже, с той землей, что подняла птица со дна моря после потопа), лишний раз свидетельствует, что под Осирисом следует понимать не имя, а адрес земли, где перед катастрофой обитало божество.

Завершая на этом анализ египетской потопной мифологии, нам остается лишь разрешить возможное недоумение читателя относительно причин, заставивших автора заняться данной темой в разделе, посвященном граду Китежу. Дело в том, что имя египетской богини **Изиды-Исет** (место, престол), унесшей столб из библского дворца, восходит к индоевропейскому слову *sed/st-* (место, сиденье, столп, опора), часто встречающемуся в других легендах «китежской» серии. А само это слово является производным с другой ступенью чередования от слова *kadh* (место, сиденье, круглый каменный дом), слова—основы названия русского легендарного града Китежа и других, упомянутых прежде потопных тезок. Более точное употребление этого названия в египетском мифе «Об уничтожении людей» в качестве имени богини-убийцы Хатор (ипостаси Изиды) — лишнее тому подтверждение.

Рассмотрев под особым углом мифологии Палестины, Финикии и Египта, мы теперь, на основании общности сюжетов и ономастики, можем более уверенно говорить о связи и преемственности их потопных преданий:

Скажем больше, в мифологии этих стран сохранилось достаточно географических примет, по которым можно восстано-

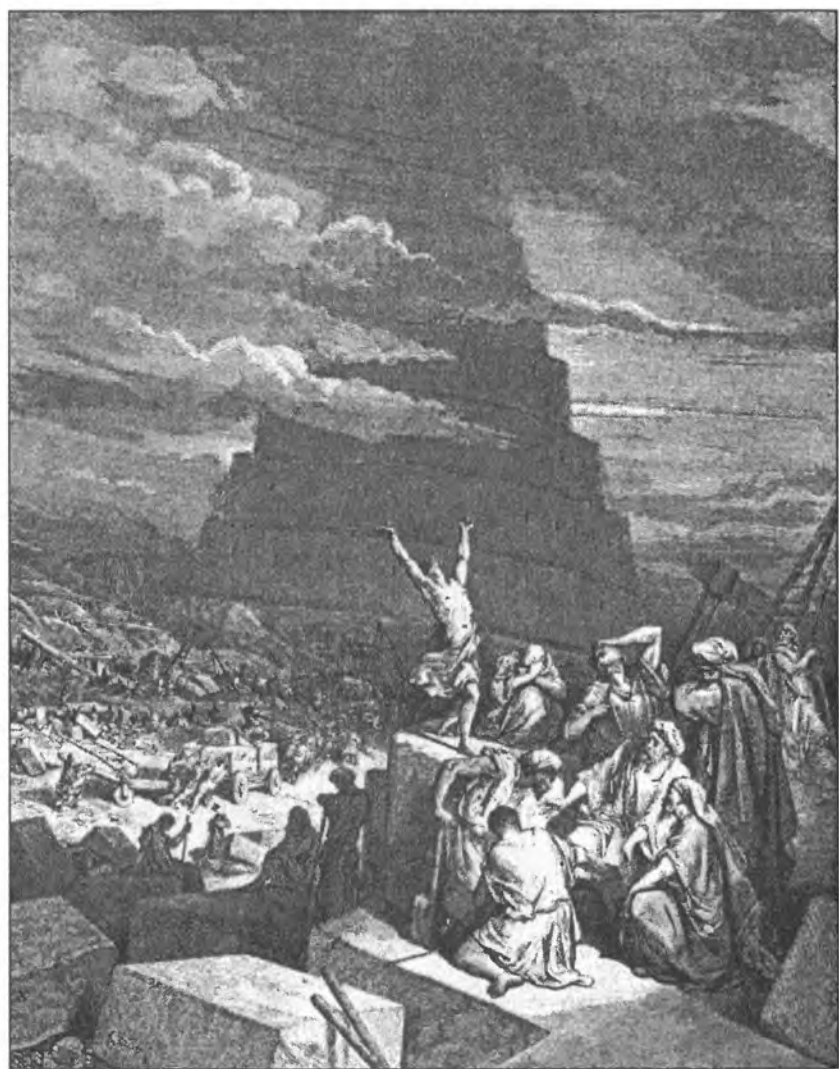
вить маршрут движения носителей потопной легенды с их прародины до Египта. Выглядит этот маршрут следующим образом: от Мертвого моря беженцы двинулись к Средиземноморскому побережью и основали там Библ, старейший город Финикии. Из Библа они поплыли на юго-запад, в сторону Египта, сделав остановку на горе Касия, между Палестиной и Египтом. Далее, отплыв от Касия, они через восточное, танисское устье Нила проникли в дельту, поднялись по реке и основали Гелиополь — будущий центр культуры Осириса и Изиды. Таким видится этот маршрут, если свести воедино географические метки потопной мифологии Палестины, Финикии и Египта.

Гвинея-Бисау. Для полноты картины расскажем еще одну африканскую китежскую легенду. В устах сказителей племени манжа она звучит более откровенно с точки зрения сюжета, нежели в египетских, и на первый взгляд кажется, что их ничто не роднит. Однако есть главное: в обоих мифах речь идет о потопе, и к египетской Исет есть пара — **Сето**, манжинский «Ной». Манжинские сказители говорили, что некогда всетворец «создал из глины супружескую пару, которая породила первых людей. Позже произошла ужасная катастрофа, в живых остались только некий Сето и его сестра. От этого кровосмесительного брака произошли все теперешние расы». Не чужд был Сето и интерес к архитектуре: «Для своих потомков Сето создал пригодную для житья-бытья цивилизацию, благоустроил местность вокруг своей резиденции».

Итог. Как мы теперь знаем, повторяемость ономастики мифа, в которой ключевым словом является название русского легендарного города Китежа, значительна и настолько широка, что вполне заслуживает названия всемирной. Поскольку читатель, думаю, успел забыть многие географические точки, где встречается в мифах это название, сведем кратким списком всю китежскую мифологию и географию воедино: **Кадек** (Нидерланды), **Китеж** (Русь), **Гадес** (Греция), **Кут** (Чукотка), **Кат** (Новые Гебриды), **Худ** (Аравия), **Хоту Матуа** (Пасха), **Вилька-Кото** (Перу), **Катута** (Калифорния), **Хатор** (Египет), **Котар** (Финикия), **Гадир** (Платон).

То же с другой ступенью чередования: **Шетх**, **шедимы**, **Сиддим** (Палестина), **Стикс** (Греция), **Садко** (Русь), **Садок** (Франция), **Сиддха** (Индия), **Садик** (Финикия), **Изида-Исет** (Египет), **Сето** (Гвинея-Бисау).

Таким образом, и по линии града Китежа система в потопной ономастике, можно сказать, налицо. Но нам теперь мало просто обнаружения такой системы. Нынешняя задача шире: необходимо еще проследить, как потопная мифология задним числом пыталась спасти и спасла-таки легендарный город от гибели.

ОТ КИТЕЖА ДО КОВЧЕГА

Город-призрак. У древних бывали великие, я бы сказал, мистические прозрения. Пример одного из таких прозрений являет нам русская апокрифическая литература, точнее, составленное из вопросов и ответов сочинение под названием «Беседа трех святителей». В нем на любопытный вопрос: **«Какой город стоял между небом и землей?»** — дается гениальный, иного эпитета не подберешь, ответ: **«Ноев ковчег»**.

Как древнерусские мудрецы догадались, что ковчег Ноя является производным от града Китежа, вероятно, навсегда останется тайной. Но факт остается фактом, и нам остается лишь развести руками, так как в ответе «святителя» отразилась чистейшая правда, только правда далеко не самоочевидная, сокрытая под мифологическими наслоениями предшествующих веков. Поэтому наша теперешняя задача — подтвердить поэтапным анализом потопной мифологии истинность сказанного автором «Беседы трех святителей», показать, как сказители спасали, спасали и спасли, наконец, горячо любимый утонувший город.

Разумеется, на первых порах отрицать сам факт гибели «Китежа» мифографы не осмеливались, память об этом событии была слишком свежа и свидетельства слишком явны, чтобы прямо в лоб идти против них. Поэтому, глядя с тоской на мутные воды Мертвого моря, похоронившие их святыню, они позволили себе только один труднопроверяемый благочестивый вымысел: будто город под водой продолжает жить полнокровной жизнью и существуют условия

(специальные дни, состояние погоды, праведность наблюдателя), при которых эту жизнь можно наблюдать, видеть город, слышать доносившиеся из него звуки. Вымысел о продолжении жизни города под водой и подача надежды на пусть кратковременный, обложенный условиями контакт, стали первыми шагами мифотворчества на пути иллюзорного возрождения «Китежа».

Вот как пересказывает технику подсматривания за градом Китежем писатель Мельников-Печерский: «И в безмолвии пребывайте, православные: что бы кто ни слышал, что бы кто ни увидел — слагай в сердце своем, никому же повеждь. Станет усердного святой *берег Светлого Яра качать, аки младенца в зыбке* (землетрясение? — А.А.), твори мысленно молитву Иисусову и ни словом, ни воздыханием не моги о том ближним поведать... И егда придет час блаженным утреною во граде Китеже пети, услышите звон серебряных колоколов... Густой звон, малиновый — век слушай, не наслушаешься. А лежи неподвижно и безмолвно, ничто же земное в себе не помышляй. Заря в небе заниматься зачнет — гляди на озеро, — узришь золотые кресты, церковные главы... Лежи с усердием, двинуть перстом не моги, дыханье в себе удержи... И тогда в озере, ровно в зеркале, узришь весь невидимый град: церкви, монастыри и градские стены, княжеские палаты и боярские хоромы с высокими теремами и дома разных чинов людей... А по улицам, увидишь, Алконост, райская птица, ходит и дивные единороги, а у градских ворот львы и ручные драконы заместо стражи стоят...»

У нас принято считать легенду о граде Китеже явлением оригинальным и вполне самобытным. Но на самом деле это не так. Вот как звучит в пересказе Джеймса Фрэзера легенда Альбанского озера: «Римские анналы сообщают, что один из царей Альбы — по имени Ромул, Ремул или Амулий Сильвий — сам притязал быть богом, равным Юпитеру и даже превосходящим его. Чтобы утвердиться в этих претензиях и нагнать на своих подданных страху, он построил машины, с помощью которых имитировал раскаты грома и вспышку молнии. Диодор рассказывает, что во время созревания плодов, когда гром гремит часто и звучно, царь приказал своим воинам ударами мечей по щитам заглушать рев небесной артиллерии. За эту нечестивость он и поплатился жизнью: в разгар страшной бури молния ударила в его дворец, а *вышедшее из берегов Альбанское озеро затопило его. По сообщению одного античного историка, когда вода спадает и бриз не покрывает ее поверхность рябью, на дне озера все еще можно видеть руины дворца*».

Сам Фрэзер считал эту итальянскую легенду очень близкой греческому преданию о царе Элиды Салмонее. И действительно

но, общего много, Аполлодор писал: «Салмоней вначале жил в области Фессалии, позднее же, прибыв в Элиду, основал там город. Будучи человеком дерзким и желая сравниться с самим Зевсом, он был наказан за свои безбожные дела: Салмоней говорил, что он Зевс, приносимые Зевсу жертвы он присваивал себе. Влача за колесницей высушенные шкуры вместе с медными кувшинами, он заявлял, что производит гром, а бросая в небо зажженные факелы, говорил, что метает молнии. Зевс поразили его перуном и *уничтожил* основанный им город вместе со всеми жителями». Аполлодор не говорит, образовалось ли на месте погибшего города озеро или нет, но вообще в Греции насчитывалось не менее трех озер (Копайдское, Бистонидское и Афнитидское), на дне которых, по рассказам, покоились разрушенные города.

Практически неотличима от двух приведенных выше легенд армянская легенда о царе Нимруте. Рассказывали, что Нимрут воздвиг на горе великолепный дворец. Решив убить бога, он поднялся на крышу дворца и выстрелил из лука в небо. Но бог подставил под стрелу большую рыбу. Увидев кровь, Нимрут возликовал, но рано, разгневанный бог метнул молнию, и Нимрут *«вместе с дворцом провалился в разверзшуюся пропасть, из которой образовалось озеро»*. Гора стала называться Нимрут (современный вулкан Нимрут расположен у западного берега озера Ван, в его кратере находится озеро).

Чтобы китежские легенды не казались читателю на одно лицо, приведу еще одну, уже мадагаскарскую версию мифа, сюжетно отличную, но имеющую один безукоризненно «китежский» элемент. Мадагаскарские сказители сообщали, что у легендарного великана Дарафифи было две жены, жившие рядом с двумя озерами. Обе ему изменили, и оскорбленный великан бросил обеих в их озера. Вот практически и все. Право, мадагаскарская история про великанский адюльтер не имела бы к теме нашего исследования никакого касательства, если бы сказитель вдруг не добавлял в конце рассказа трафаретную «китежскую» фразу: *«Говорят, когда вода спокойна, в глубине озера видны хижины»*.

Трудно сказать, как долго палестинские сказители тешили себя мыслью, что утонувшая святыня и под водой продолжала жить полнокровной жизнью, но ясно, что бесконечным сидением на берегу Мертвого моря они залечить сердечную рану не могли. Выход подсказала сама ситуация: поскольку город исчез в морских водах без следа, то можно было, не рискуя быть схваченным за руку, заявить, что он не тонул самым банальным

образом, а перешел в другое измерение — сделался невидимым. Такая уловка позволяла мифотворчеству практически без потерь далеко продвинуться по пути иллюзорного возрождения погибшей святыни.

Окрыленные находкой сказители быстро развили тему и стали утверждать, что кто-то, уже случайно, побывал в невидимом граде, что вообще невидимость его — явление временное и недалек тот час, когда он снова явится людям во всей своей красе и величии. Так сформировался новый слой китежской мифологии.

Новая версия пришлась по сердцу слушателям и в таком виде разошлась по свету. Ее ипостасями можно считать русский вариант из «Летописца», упоминавшееся прежде арабское сказание об Ираме Многоколонном, тибетскую легенду о Шамбале (на сходство ее с легендой о граде Китеже неоднократно указывал Н. Рерих), индийское предание о невидимой для глаз грешников столице Индры, латиноамериканские мифы о «Заколдованном городе» и т.п.

Поскольку число таких легенд действительно велико, приведу только один отрывок из экзотической, африканской китежской легенды в той ее версии, где город переходит в режим невидимости. Я имею в виду предание африканского племени йоруба об его исчезнувшей столице Вагаде. В предании говорилось, что Вагаду окружали «высокие стены с четырьмя воротами: северными, западными, восточными и южными. А воздвигалась она из камней, дерева, глины и человеческих жизней. Такая она навсегда и утвердилась в памяти народа. *Иногда видны ее высокие стены, слышен лязг мечей и звон щитов, иногда же она скрывается, становится невидимой*, засыпает, утомленная суетным людским тщеславием. Когда-нибудь Вагада восстанет, с тем чтобы никогда больше не исчезать. Ключом забурлит в ней жизнь. Ни тщеславие, ни ложь, ни ненасытность, ни вражда не смогут нанести ей урон. Незыблемая и нерушимая, будет она стоять до окончания времен». Право, великолепный, я бы сказал, «руссейший» пассаж. Думаю, если заменить в тексте название Вагада на Китеж, под данным отрывком без спора подписались бы все те россияне, что некогда ползали вокруг Светлояр-озера.

Хотя легенда о невидимом граде была чрезвычайно популярна, нельзя утверждать, что фантазия сказителей на ней замыкалась. Были попытки спасти святыню от воды иначе, другим способом. Вот, например, как диковато, но оригинально звучала китежская легенда в устах бразильских индейцев с мыса Кабу-Фриу. Они рассказывали, что жили некогда два брата: Тамендо-

наре и Ариконте. Первый «обрабатывал землю, имел жену и детей и был примерным отцом и мужем. Не таков был его брат Ариконте. Он занимался только войной, и его единственным желанием было покорить соседние народы и даже собственного прямодушного и миролюбивого брата. Однажды этот свирепый воин, возвращаясь с битвы, принес брату отрезанную у убитого врага руку и при этом презрительно сказал: «Убирайся вон, трус ты этакий! Я хочу отнять у тебя твою жену и детей, потому что ты не сможешь защитить их». На это добрый человек, уязвленный высокомерием брата, насмешливо ответил ему: «Если ты такой храбрый, как уверяешь, то почему не принес все тело своего врага?» Колкий ответ привел Ариконте в негодование. Он бросил отрубленную руку на порог дома своего брата. В это самое мгновение *деревня, в которой они жили, вознеслась на небо*, но оба брата остались на земле. Тогда Тамендонаре от изумления или с досады топнул ногой с такой силой, что *из-под земли забил огромный фонтан воды, который поднялся чуть ли не выше облаков и залил все холмы кругом; вода лилась и лилась, пока не затопила всю землю*. Братьям пришлось взобраться на самую высокую гору и там вскарабкаться вместе с женами на деревья... Через некоторое время Ариконте дал своей жене *несколько плодов с дерева, сказав ей: «Брось один из них вниз»*. Она так и сделала, и по плеску воды они поняли, что вода еще высока и еще не время спускаться в долину. Индейцы верят, что во время этого потопа погибли все люди, за исключением тех двух братьев с их женами.

Неправда ли, пусть дикий, но великолепный экземпляр легенды? Замечательно в нем то, что китежское предание уже находится в склейке со столь явным «шестодневом»: потоп уже всемирный, а зародыш земли, бросаемый «Ною», даже успел превратиться в плод дерева, бросаемый для определения уровня воды. Но еще замечательней другое: способ, каким индейцы попытались спасти свой «Китеж» — деревню от потопа. Они не перевели его наподобие иных народов в другое измерение, сделав невидимым, а запустили, как ракету, с земли на небо. Да, читая такое, в очередной раз поражаешься беспредельности человеческой фантазии.

Хотя, думается, бразильское предание не единственный случай, когда фантазия человеческая двигалась именно в этом направлении. Вспомним литовскую версию мифа о потопе: там бог опять-таки совершал почти обязательный, ритуальный для потопных легенд жест — бросок, только он бросал скорлупу-ковчег «Ною» и делал это из некоего небесного «дворца». В мифе не то что ничего случайного не бывает, слова случайного не быва-

ет. Поэтому, уверен, в литовском предании с подтекстом упомянут и «дворец», он — тот же «Китеж», загодя, до потопа, запущенный на небо.

Город-дамба. Вероятно, в дальнейшем мифотворчество так бы и осталось бродить среди разных мистических вариантов возрождения и спасения святого города, если бы, как в оркестре, параллельно развиваясь, тема спасенной праведности, тема «Ноя», не сцепила миф о потопе с мифом о сотворении мира, с «шестодневом». Психологически сказители давно были готовы к тому, чтобы, отбросив мистику, засучить рукава и возродить «Китеж» в реальных, земных измерениях. Не было материала. И вот «шестоднев» дает такой материал — зародыш земли, поднятый птицей со дна моря. Такой подарок грех было не использовать, и фантазия заработала.

Начали сказители с того, что позволили «Китежу» устоять среди волн, окружив его дамбой, выросшей из добытого со дна моря зародыша суши*. Данное решение проблемы спасения города оказалось для потопной мифологии чрезвычайно плодотворным, хотя этап начального его внедрения прошел не без трудностей и, видимо, встретил сопротивление со стороны консервативно настроенных мифографов, о чем свидетельствует одна из китайских версий мифа о потопе.

Так, китайцы рассказывали, что некогда на их страну обрушилось гигантское наводнение, «повсюду воды ужасного наводнения предавались разрушению. Распространяясь вдаль, они охватывали горы и поднимались вокруг холмов. Громадными потоками они поднимались до небес. Люди внизу стонали». Некий Повелитель приказал тогда своему подданному Гуню остановить потоп. Хотя китайцы представляли себе Гуня в человеческом облике, иероглиф его имени содержит элемент, означающий «рыба». И, с точки зрения потопной мифологии, наличие такого элемента более традиционно. Но пойдем далее: «Когда Гуню было приказано справиться с наводнением, он *стацил* у Повелителя **«вздувающуюся почву»** (си жан) — волшебную землю, имевшую свойство увеличиваться в размерах. Он пытался построить из нее *плотину, которая, вздуваясь, могла бы удержат воду*. Когда его усилия не увенчались успехом, Повелитель, раз-

---

* Соответствующие изменения произошли тогда и в значении слова kadh: ср.: *греч.* hutos (земляная насыпь), *рус.* гать, *чеш.* haetu (плотина), *с-хв.* gat (дамба), *чагат.* kat (дамба), *канд.* katteyu (плотина).

гневавшись на него за воровство, казнил его на *горе Перьев, лишенном солнца месте*.

Дело Гуня продолжил его сын Юй, родившийся из тела уже мертвого отца. Он победил потоп с помощью ирригации, а из «вздувающейся почвы» воздвиг в Китае горы.

Читателю, теперь знакомому с ролью «шестоднева» в потопной мифологии, не составит труда вернуть основные элементы китайского мифа к первоисточнику. Конечно же, гора Перьев — это «Арарат», спаренный с птицей, помощницей «Ноя»; отсутствие солнца на данной горе — знак особого поведения солнца во время потопа. То, что Гунь именно *стащил* у Повелителя «вдувающуюся почву» — еще один синтез из ритуального броска и прометеевского похищения огня после потопа. И наконец, как тут не узнать элемент мифа, названный в китайской литературе «вздувшейся почвой»? Очевидно, это зародыш земли, поднятый птицей со дна моря. Совсем недавно, разбирая египетскую мифологию, мы вспомнили про этот зародыш, встретив упоминание некой «поднятой земли», с которой соединился утонувший Осирис. Если к сказанному добавить, что у египтян и китайцев слово «земля» звучало почти одинаково (*египт. ta; кит. tu*), то параллель эта станет еще очевиднее.

Пойдем дальше и скажем, что кроме китайской версии есть как минимум еще одна, где «Ной» в ожидании бедствия возводит дамбу, сделанную из зародыша земли. Но в ней все эти технические условия спасения описаны уже скрытно, запряваны в лексический подтекст. Я имею в виду иранскую версию мифа о потопе.

В священной книге древних иранцев — «Авесте» говорится, что однажды явился бог к царю золотого века Йиме и предупредил, что грешному миру грядет гибель от морозов и наводнений, вызванных таянием снегов; поэтому праведный Йима должен загодя построить некую вару (*букв.* «крепость», «усадьба») и поместить в нее все то, что у других «Ноев» полагалось помещать в ковчег. Приказ был выполнен, предсказание сбылось, вара устояла среди волн, и из ее стен после бедствия вышло обновленное человечество (Вендидад).

В потопной мифологии иранскую версию мифа принято считать явлением исключительным, оригинальным. Но это не так. Более или менее редко в нем не то, что вместо ковчега средством спасения названа какая-то «крепость». А то, что «крепость» эта была сделана из зародыша земли, поднятого со дна моря. Прямо о таком средстве спасения в «Авесте» не говорится, но если проследить индоевропейские параллели к иранскому слову

«вара», то окажется, что первоначально оно означало не «крепость», а «дамба»*. А если копнуть еще глубже, то выяснится родство слова «дамба» со словом, означающим «грязь», «ил», т.е. с той самой «пеной, яко ил», которая была добыта со дна моря птицей из «шестоднева»**.

Таким образом, в китайской версии зародыш земли в качестве средства спасения назван явно, в иранской — тайно, но двумя упомянутыми примерами находки на данном пути изысканий и исчерпываются. Видимо, эвгемерическая критика слишком рано высмеяла такой вариант мифа, чтобы он смог по-настоящему развиваться. Однако, отбрасывая самые наивные, сказочные элементы, эвгемеристы не захотели расстаться с самим архитектурным методом спасения, так как он позволял убить одним выстрелом двух зайцев: спасая «Ноя», спасти «Китеж», представить дело так, будто город устоял среди волн. На разных территориях была разная строительная практика, что, в свою очередь, сильно повлияло на облик «Китежа» и сюжетную канву легенд, но, главное, после сцепки китежской легенды с «шестодневом» святой город перестал тонуть, и задача сказителей заключалась лишь в том, чтобы максимально естественно и удобно варимно подать обстоятельства его спасения.

Возьмем для начала очень простой по конструкции шумерский миф о Нинурте, в котором защита от потопа уже представлена в виде синтеза дамбы и каменной городской стены. Сообщалось, что некогда на Шумер гигантской волной поднялись соленые воды из подземного царства, носившего у шумеров название Кур (букв. «гора»***). Положение взялся исправить царь и бог Шумера — Нинурта: «он взгромоздил над Куrom груды камней и *воздвиг перед Шумером как бы большую стену. Эти камни сдержали «могучие воды»*, и в результате воды Кура не могли больше подниматься на поверхность земли. Что же касается тех вод, которые уже залили страну, то Нинурта собрал их и отвел в Тигр».

* Ср.: *инд.* vartra (плотина, запруда, насыпь), *англ.* wagu (дамба, береговая насыпь), *лат.* vallo (обносить валом), *рус.* вал.

** Ср.: *инд.* varcas (грязь), *полинез.* vara (ил, тина, грязь), *кечуа* wira (жир, пена).

*** Ср.: *и-е.* gar (гора), *иврит* har (гора), *египт.* hog (высота), *эвенк.* kuru (обрыв, край), *монг.* kug, *манж.* kugu (возвышенность, холм), *фула* haayre (гора).

Таково краткое изложение мифа о Нинурте, и на первый взгляд собственно мифическим в нем выглядит способность Нинурты возвести перед Шумером столь огромную стену. Согласно, это миф. Но еще более мифическим является утверждение, будто стена эта была *КАМЕННОЙ*. Плоские заболоченные равнины Шумера не знали каменного зодчества, только глинобитное. Поэтому внешумерское происхождение мифа о Нинурте по этому признаку более чем явно. Явно и то, что он из Палестины, потому что в столь давние времена только Палестина широко применяла камень в качестве строительного материала.

Нельзя утверждать, что несурязица архитектурной практики мифа о Нинурте замечена только сейчас. На нее обратили внимание еще древние сказители и внесли в легенду изменения, указав, что выходцы из Палестины, придя на территорию Месопотамии, вынуждены были сменить камень на кирпич. Описана же эта смена строительного материала в памятнике, с которого начинается всякое исследование мифа о потопе, — а именно в Библии.

Вавилонская башня. Покажется удивительным, но в Библии кроме вселенской и содомской версий мифа сохранился еще один, правда, сильно исковерканный вариант потопной легенды — это предание о Вавилонской башне. В библейском выхолощенном виде предание о знаменитой башне звучит так: «На всей земле был один язык и одно наречие. *Двинувшись с востока, они нашли в земле Сеннаар равнину и поселились там.* И сказали друг другу: наделаем кирпичей и обожжем огнем. **И стали у них кирпичи вместо камней**, а земляная смола вместо извести. И сказали они: построим себе город и башню, высотой до небес, и сделаем себе имя, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли. И сошел Господь посмотреть **город и башню**, которые строили сыны человеческие. И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать; сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город [и башню]. Посему дано ему имя: Вавилон, ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле» (Быт. 11:19).

Как уже говорилось, текст сказания о Вавилонской башне попал в Библию сильно искаженным, поэтому без подробного комментария здесь не обойтись. Начнем с географии. «Земля Се-

наар», куда пришли переселенцы, — это библейское название Северной Месопотамии. То, что переселенцы пришли туда с «востока», как будто ясно свидетельствует, что прародина их находилась где-то восточнее Северной Месопотамии, чуть ли не в предгорьях Тибета. Но так может думать только человек, незнакомый со спецификой библейской географической терминологии. Дело в том, что древние евреи, будучи выходцами из Египта, и после ухода из этой страны продолжали обозревать землю как бы глазами египтянина. Поэтому, когда в Библии употребляются такие термины, как «восток», «сыны востока», то под этим следует понимать ближайшие на восток от Египта народы и земли, и прежде всего Сиро-Палестину (см.: Быт. 29:1; Исх. 2:6, 11, 14; Чис. 23:7).

Прямо указывая на какое-то очень древнее переселение из Сиро-Палестины («восток») в Северную Месопотамию («Сенаар»), Библия сопровождает это указание очень точной культо-рологической приметой: то, что переселенцам пришлось при строительстве на новом месте сменить камень на кирпич. Данному библейскому сообщению каждый волен был бы в силу личных склонностей доверять или нет, если бы сравнительно недавно советская археологическая экспедиция, раскопавшая в Синджанской долине на северо-западе Ирака копию палестинского Иерихона (Телль-Магзалия), не подтвердила правоту Библии. Особенно поразила первооткрывателей Телль-Магзалии «окружавшая *поселение стена из очень больших (свыше метра) каменных блоков*». Хотя открытие советской экспедиции каменного зодчества в Северной Месопотамии стало сенсацией даже в богатой на все сенсационное археологии Междуречья, будь мифологи внимательнее при чтении шумерского мифа о Нинурте и библейского предания о Вавилонской башне, эту сенсацию можно было заранее предсказать.

Но, как бы там ни было, теперь мы можем точно сказать, что засвидетельствованное Библией переселение из Палестины в Месопотамию неких привычных к каменному зодчеству строителей действительно имело место. Они, пока удавалось добывать камень, почти не отступали от архитектурной практики Палестины (Телль-Магзалия), но, по мере продвижения на восток, с добычей материала дело обстояло все хуже, и им пришлось ограничиваться закладкой камня в фундамент (культура Джармо), а после выхода на заболоченные равнины Месопотамии, вовсе отказавшись от камня, перейти на кирпич.

География и археология — лишь одна из сторон проблематики библейского предания о Вавилонской башне. Есть еще и мифологическая сторона. Во-первых, данное предание как-то не принято относить к разряду этногенетических мифов, так как в нем речь идет о происхождении языков, а не народов. Но это неверно. Понятия «народ», «язык» — пусть не тождественны, но практически неотделимы друг от друга. Поэтому в некоторых потопных (этногенетичных в своем существе) легендах говорится не о происхождении народов, а о происхождении языков. Например, живущие на севере Америки тлинкиты рассказывали, что давным-давно люди спаслись от потопа в ковчеге, «когда вода пошла на убыль, ковчег разбился о скалы пополам, отчего произошло разделение языков. Тлинкиты — это одна половина всего населения, укrywшегося в ковчеге, а остальные народы — другая». Или в Мексике рассказывали такую оригинальную легенду, будто после потопа на высокой горе спаслись один мужчина и одна женщина. Со временем они произвели на свет множество детей, но все дети оказались немые от рождения. Родителям помог голубь, он прилетел и наделил детей «языками, столь различными, что они не могли понять друг друга». Думаю, читателю, сейчас хорошо подготовленному к самостоятельной дешифровке потопных легенд, не надо объяснять, откуда взялась в мексиканской легенде птица и почему именно ей пришлось таскать в когтях языки. Не это главное. Главный вывод: мифы о происхождении языков одного ряда схожи с мифами о происхождении народов.

Во-вторых, мифологическая проблема предания о Вавилонской башне не позволяет ей числиться за потопной мифологией по причине отсутствия главного — собственно катастрофы. Однако и данный пробел восполним. Как и в случае с классическим мифом о потопе — повествуя о Вавилонской башне, талмудическая традиция еврейской литературы оказалась гораздо полнее библейской и выдала то, что редакторы Библии тщательно скрывали, — катастрофу.

Постбиблейское предание сообщало, что Вавилонская башня была плодом мятежа людей против бога (богоборческий мотив был также изъят из Библии). Люди хотели взобраться на небо и объявить войну богу или, на худой конец, продырявить небосвод. Много лет строилась башня, «днем и ночью кипела работа. С головокружительной высоты люди стреляли в небо, и стрелы падали назад, забрызганные кровью» (знакомая по ар-

мянскому мифу о Нимруте деталь). Терпению бога пришел конец, и он послал ангелов с приказом смешать языки людей. Приказ исполнен, и вот «произошло бесчисленное множество прискорбных недоразумений. Человек, например, просит у другого раствор, а тот подает ему кирпич; тогда первый в ярости швыряет кирпич в голову своему товарищу и убивает его на месте. *Много народу погибло* таким образом, а те, что остались в живых, были наказаны богом, получив справедливое возмездие за мятежные замыслы. Что же касается самой неоконченной башни, то *часть ее провалилась в землю, часть была истреблена огнем*; и только одна треть осталась на земле».

Урезанность библейского рассказа о Вавилонской башне в сравнении с первоначальной полнотой талмудического рассказа подтверждает мифология китайского народа мяо. Согласно ей, потоп «был вызван тем, что люди, которым стало тесно на земле, решили с помощью лестницы проникнуть на небо. Но господин неба губил тех, кто поднялся, молнией. По другой версии, люди начали строить башню, и бог смешал тогда их языки, и люди разделились и не закончили башню. Начался потоп. Уцелели лишь брат и сестра».

Сравнение «башенных» легенд Библии, талмудической литературы и мифологии мяо со всей очевидностью показывает, что сказание о Вавилонской башне — одна из версий потопных легенд. И значит, в Библии сохранились, не всегда целиком, не две, а три легенды о потопе: вселенская, содомская и башенная. Но не будем торопиться с упреками в адрес библейских редакторов. Препарирование легенды о Вавилонской башне, при котором целой оставалась только часть, сообщающая о смешении языков, — явление обычное в мифологии, и иногда только упоминание некой «воды» в том или ином виде позволяет догадываться о потопном подтексте мифа.

Например, папуасские сказители считали, что «когда-то все говорили на одном языке. *Люди постоянно ссорились из-за высокого дерева*. Чтобы прекратить это, предок собрал всех на берегу; *срубленное дерево упало в море, и листья превратились в рыб*. Люди бросились ловить рыбу и обнаружили, что только те, кто ест одинакового вида рыбу, говорят на одном языке. После этого сложились племена, которые разошлись по разным местам». Или взять легенду жителей островов Адмиралтейства. По их словам, давно еще вождь единого племени по имени Муикуй велел своему народу построить дом до неба. Люди взялись за работу и почти исполнили поставленную задачу, но тут им явился некий

По-Ави и запретил продолжать постройку. Тогда обиженный вождь зачем-то *«достал и окропил водою своих людей»*. Тогда смешался их язык; они перестали понимать друг друга и рассеялись по разным странам». В заключение остается добавить, что самодийцы с Таймыра и мигиры из Индокитая при пересказе потопной легенды вообще обходились без воды и катастроф.

Легенды о происхождении языков — не единственное ответвление, порожденное «башенным» вариантом мифа о потопе, другую его ветвь составили сказания о гибели великанов-богоборцев. Чтобы читатель имел представление о том, как обычно выглядели сказания этого рода, приведу соответствующие примеры из мифологии греков и африканского племени алуи. Греки рассказывали, что некогда бог моря Посейдон породил двух братьев-великанов, названных Алоадами. Эти «Алоады каждый год вырастали в ширину на локоть, а в высоту — на сажень. В возрасте девяти лет, имея в ширину девять локтей и рост в девять сажень, *Алоады отважились сразиться с божеством и взгромодили гору Оссу на Олимп, а на Оссу еще нагромодили гору Пелион: они стали угрожать, что с высоты этих гор взберутся на небо, что превратят море в материк, засыпав его горами, а землю в море»*. Плохо пришлось бы богам, но Артемида исхитрилась и сделала так, что братья Алоады пронзили друг друга на охоте дротиками.

Или вот еще одна похожая история, рассказываемая сказителями африканского племени алуи. Однажды бог Ниамбе «явился к людям и, став на высокое место, сказал им: «Поклоняйтесь мне», на что люди ответили: «Пойдем и убьем Ниамбе». Встревоженный этой дерзкой угрозой, бог поспешил уйти на небо, откуда он, по-видимому, раньше временно спустился на землю. Тогда люди сказали: «Давайте поставим мачты и взберемся на небо». Они стали воздвигать мачты, ставя их одну на другую и скрепляя между собой, а потом вскарабкались по ним вверх. Но, когда таким образом взобрались на большую высоту, мачты упали, и все висевшие на них люди разбились насмерть».

Такого рода легенд можно было бы привести еще множество, причем не во всех из них могли упоминаться какие-либо средства восхождения на небо. Например, о гибели хорошо известных нам белорусских асилков рассказывали, что они, возгордясь своей силой и восстав на бога, ограничились метанием в небо булав и камней, за что и были уничтожены. Однако какой бы вид ни принимали легенды о богоборчестве, все они, наряду с мифами о происхождении языков, — лишь сколы-ответвления потопной легенды в ее башенном варианте.

Хотя обычно в башенных версиях мифа преобладала тема гибели и разрушения, существовали варианты с более оптимистичным взглядом на события. Например, полинезийцы-маори рассказывали, что некогда крепость, в которой скрывался маорийский герой Тафаки, осадили враги, «тогда герой призвал на помощь своих священных предков, которые послали потоп с молнией и громом. *Потоп затопил землю и уничтожил врагов героя, а крепость Тафаки была пощажена*». Как явствует из этого маорийского мифа, он представляет собой вывернутую наизнанку русскую легенду о граде Китеже. На Руси Бог, спасая город от врагов, покрывает его водой, у маори он с той же целью накрывает волной осаждающих крепость. И уже из данного сравнения видно, как далеко ко времени создания маорийского мифа зашло мифотворчество в деле иллюзорного спасения праотеческого города.

Город-гора. К счастью или несчастью, не знаю, но и башенный вариант не принес сказителям полного удовлетворения. Вероятно, известную роль в этой неудовлетворенности сыграло то, что развивающаяся параллельно тема Всемирного потопа постоянно грозила захлестнуть своими водами слабую рукотворную защиту. И чем более склонялись сказители под впечатлением картины первобытного хаоса из «шестоднева» к нагнетанию ужасов и сгущению красок, тем все более хлипкой на фоне разбушевавшейся стихии выглядела китежская преграда. Поэтому, чтобы уравновесить силы, сказители должны были постоянно укреплять и поднимать стены «Китежа». Так, от дамбы пришлось перейти к башне и дальше к башне до неба, а когда и башня перестала выдерживать — к горе.

Думаю, на переход от башенного варианта легенды к араратскому повлияло еще и то, что по мере удаления от Палестины, с ее уникальной по тем временам градостроительной практикой, сказителям все труднее стало объяснять, что такое башня до неба, и они стали прибегать к расхожему сравнению: «башня, как гора». Стоило одному мало осведомленному мифографу поменять местами слагаемые этой метафоры («гора, как башня»), как превращение башни в гору свершилось. Не знаю, где это произошло, но уже в аккадской версии мифа о потоке наличествует эта зеркальная метафора. Вот как звучит соответствующее место мифа в изложении аккадского «Ноя»:

Я вышел на четыре стороны,
принес я жертву,
На БАШНЕ ГОРЫ
совершил воскурение.

Казалось, в дальнейшем стоило отнять от образа горы метафору «башня», и получился бы «Арапат» в чистейшем его виде. Но не станем торопиться, как не торопились и сказители, которые действительно скоро оставили в мифе только гору, но продолжали помнить, что нечто рукотворное в этом образе должно было присутствовать.

В этом месте эволюция образа «Китежа» на краткое время разделилась на две линии: линию «искусственной горы» и линию «естественной горы с архитектурными элементами». По первой линии, к примеру, пошли мифографы филиппинского племени висайя. Они сообщали, что некогда, во времена золотого века, вождем их племени был хороший человек по имени Лаон. Жилось при нем очень хорошо.

Но «однажды пошел дождь. Такой сильный, что залил все поля. Вода сначала дошла людям до колен, потом поднялась до пояса и, наконец, до шеи. Люди опечалились, видя, как погибают их посевы. Лаон любил свой народ, и он подумал: «Пусть пропадет урожай, лишь бы не погибли люди». Он созвал их всех и сказал:

— Давайте насыплем высокий земляной холм.

Однако люди отвечали:

— Нам нечем его насыпать.

Вождь взмахнул платком, и в один миг появились заступы и лопаты. Тогда люди сказали:

— Земляной холм нужно укрепить камнями, а у нас их нет.

Вождь снова взмахнул платком, и сразу появились камни. Люди принялись за работу и наконец насыпали высокую гору. На ней они и остались жить, дожидаясь, пока не спадет вода. Так они продолжали работать, вырыли большую сточную канаву до самого моря, и вода спала». К той же линии «искусственной горы» примыкали некоторые армяне, на свой лад рассказывавшие известный нам миф о царе Нимруте. Они говорили, что Нимрут не стрелял в небо с крыши дворца, а *«создал гору из земли, чтобы, поднявшись на нее, вступить с богом в борьбу, но бог низвергнул его в недра земли»*.

Иной путь избрали некоторые семитоязычные племена Палестины и кришнаиты. В их потопных мифах — гора естественная, но использование ее — искусственное (гора-дом, гора-крыша). Например, моавитяне и аммонитяне, возводившие свой род к праведному Лоту и с чьих слов была записана библейская история о Содоме и Гоморре, утверждали, что, хотя Лот пошел из Sodoma в Сигор, но жить там не остался, а *«стал жить в горе,*

и с ним две дочери его, ибо он боялся жить в Сигоре. *И жил в пещере*, и с ним две дочери его. И сказала старшая младшей: отец наш стар» и т.д. и т.п. (Быт. 19:30 — 31).

Очень близко к потомкам Лота с точки зрения понимания роли горы в потопном мифе стояли индийские почитатели бога Кришны. Они говорили, что однажды бог Индра потребовал для себя человеческих жертв. На что Кришна ответил: «Наши боги — коровы, холмы и реки», — и вообще запретил своим соплеменникам приносить Индре какие бы то ни было жертвы. Обиженный Индра обрушил на людей с небес потоп, но Кришна *поднял гору Говардхану* и «удерживал ее на кончике пальца, дав пастухам возможность *укрываться под ней от дождя, семь дней и семь ночей*, пока Индра не признал превосходство Кришны и не прекратил потоп». Таким образом, и здесь гора сохраняет свою связь с архитектурой, будучи используема как крыша*.

Разошедшаяся на какой-то момент на две параллельные линии эволюция «горного» образа утонувшего города со временем вновь сводится воедино компромиссом: сказители сходятся на том, что гора была естественная, но на вершине ее благодарный «Ной» возвел после потопа некое культовое сооружение: храм (финикийцы) или жертвенник (Библия). Благодаря такому решению и волки оказывались сытыми, и овцы — целыми.

В дальнейшем же культовое сооружение как малофункциональное художественное излишество отпадает, и давно утонувший город предстает перед слушателями, как и в большинстве потопных легенд, в виде местной горы или холма. И только чудом уцелевшие старинные названия некоторых из них: Вилька-Кото (Перу), Катута (Калифорния) — в состоянии напомнить о китежском, городском происхождении этого мифического образа. Так чистым «Араратом» завершается вторая фаза эволюции образа «Китежа», начавшаяся с присоединения к нему образа зародыша земли из «шестоднева».

Город-ковчег. На первый взгляд по достижении «Арарата» эволюция «Китежа» окончательно заходит в тупик. Но думать так

---

* Ср.: рус. киоть (архитектурное сооружение в виде куполообразного покрытия, опирающегося на столбы), *тюрк.* kotu (крыша), *вахан.* kut (кров), *хауса* kutubi (крыша амбара), *кор.* kat (шляпа), *нем.* Hut (шляпа).

может лишь человек, незнакомый с памятьливостью и изворотливостью мифотворчества. В действительности с изобретением «Арарата» закончилась вторая и началась третья фаза эволюции, в которой решающая роль принадлежит другому элементу «шестоднева» — мировому дереву. Исключительная роль, выпавшая на долю мирового дерева в третьей фазе эволюции образа «Китежа», объясняется просто — оно дало ему новый строительный материал, а вместе с ним и новое средство спасения. Практически речь идет о совершенно особой, «деревянной» серии мифов о потопе, серии, родившейся и развившейся где-то на лесных равнинах, не только вдали от прародины мифа, но и без всякой связи с палестинской архитектурной традицией.

В виде схемы превращение мирового дерева в «Китеж» можно представить следующим образом: поначалу оно просто растет на вершине горы и является как бы крайним выражением идеи «Арарата», поэтому «Ной» находит свое окончательное спасение не на вершине горы, а в кроне мирового дерева. Данная версия более или менее устраивает горцев, но совершенно не устраивает жителей заросших девственными лесами равнин. Лесные обитатели отвергают «Арарат» и целиком подменяют его мировым древом, благо разница между тем и другим не велика. Точнее, общими у мирового дерева и мировой горы являются космическая мощь и устремленность ввысь. Но есть и важные отличия: дерево все-таки более хрупкий материал, но зато оно не тонет. С учетом всех этих обстоятельств и родилась та версия мифа, в которой герои спасаются на древе, потом оно, подмытое, падает в воду и дрейфует до конца бедствия.

В качестве примера приведу только одну легенду из этого ряда — миф о потопе дравидского племени камаров. Они рассказывали, что вначале «бог сотворил мужчину и женщину, у которых на старости лет родилось двое детей, мальчик и девочка. Но бог послал на землю потоп, чтобы погубить шакала, который вызвал его гнев. Старик и старуха, прослышав о приближающемся потопе, *укрыли своих детей в дупле колоды*, снабдив их пищей на все время потопа, и закрыли дупло. Потоп наступил и продолжался двенадцать лет. Старик со старухой и все, что жило на земле, потонули в потоке, но колода продолжала плыть на поверхности воды. Спустя двенадцать лет бог создал *двух птиц* и послал посмотреть, не потонул ли также его враг — шакал. Птицы облетели весь мир и нигде ничего не увидели, кроме плывущей по воде колоды. Они спустились на нее и вскоре услышали

тихие слабые голоса, раздававшиеся изнутри колоды. То были голоса детей, говоривших между собой о том, что у них осталось пищи не более чем на три дня. Тогда *птицы улетели и рассказали обо всем богу*; бог прекратил потоп, достал из колоды детей и выслушал рассказ об их приключениях. Потом бог унес их наверх, и в назначенное время они поженились. Каждому родившемуся у них ребенку бог дал имя особой касты. От всех их детей произошли живущие на земле люди».

Обратим внимание на то, что роль пары, спасшейся от потопа, отдана в мифе камаров детям, и это не случайно. Сказители постыдились поставить взрослых людей, тем более известного своей премудростью «Ноя», в унижительное положение пассивных узников дупла мирового древа. Единственный способ в данной ситуации спасти репутацию «Ноя» — это представить дело так, будто он, *предвидя бедствие, заранее изготовил из мирового древа плот или лодку*. Так и стали рассказывать.

Выручив данным способом тело и доброе имя «Ноя», сказители заросших лесом равнин могли, пожалуй, остановиться. Они бы и остановились, если бы спасение «Ноя» было единственной их задачей. Однако, решив задачу № 1, следовало решить обязательную для потопной мифологии задачу № 2 — спасение «Китежа». То, что святыня была прежде спасена с помощью зародыша земли и успела превратиться в «Арарат», лесной род мифографов или не знал, или забыл, или не брал в расчет. Во всяком случае, некое культовое сооружение, случалось, гибло при потопе в мифах с явной «деревянной» ориентацией. Взять, например, потопную легенду южноамериканских индейцев тембе, упоминавшуюся прежде, но которую здесь не грех повторить целиком. Сообщалось, что жил некогда на свете юноша-сокол, однажды он «уговорил родителей отправиться с ним в один дом на танцы. Он звал с собой и других жителей деревни, но те не захотели. Пришли они в этот дом и стали танцевать. И вдруг юноша отделился от земли, *взвился в воздух и унес с собой родителей*. Жители деревни бросились за ним, пытаясь удержать. Шаманы закурили свои сигары, но, хоть они пускали дым до самых небес, это не помогло. И пошел тут сильный дождь, и шел он всю ночь; вода поднималась все выше и выше; много людей в ту ночь утонуло. Лишь несколько человек спаслось, потому что *они догадались залезть на пальмы. Вокруг них было так темно, что они ничего не видели. Они швыряли вниз плоды, чтобы узнать по звуку, земля под ними или все еще вода. И каждый раз слышали: плюх-плюх!* — это

плоды падали в воду. В темноте люди жалобно перекликались друг с другом, словно жабы, и так долго перекликались, что в конце концов и в самом деле *превратились в жаб*.

Расшифровка такого рода легенд, думаю, стала для читателя, теперь хорошо знакомого со своеобразным языком потопной мифологии, делом привычным. Поэтому вы, конечно, сразу догадались, что отказавшиеся идти за юношей-соколом жители деревни — это непослушные допотопные греховодники. Что юноша-сокол, таскающий в когтях родителей, — это птица из «шестоднева», находящаяся на той стадии своей эволюции, когда она вместо зародыша земли таскает в когтях «Ноя». Сам же зародыш успел превратиться в плоды пальмы, бросаемые в воду по причине темноты. А темно, потому что под давлением «шестоднева» солнце перестало всходить. Что касается пальм, то это размноженное мировое древо, и сказители тембе уже знают связанный с ним «более прогрессивный», нежели с помощью птицы, способ спасения. Но, желая избежать дублирования, они отдают предпочтение старинной птичьей версии и заставляют уже спасшихся на деревьях людей превратиться в жаб, чтобы заполнить ими брешь рассказа о превращениях утонувших людей.

Особого внимания в мифе тембе заслуживает «дом для танцев». Это — «Китеж». Весьма примечательно, что в мифе упомянут не просто дом, а «дом для танцев». У первобытных народов танцы не развлечение, а религиозный ритуал, поэтому в данном случае словосочетание «дом для танцев» является синонимом слова «храм». В легенде тембе прямо не сказано, что «Китеж» погиб, но его гибель подразумевается как всей ситуацией, так и неразвитостью «деревянной» темы в мифе. Сказители тембе уже знают, что на мировом древе можно спастись, но еще не видят в нем **материала** для создания плавсредств. Когда же приходит время мысли о рукотворных деревянных средствах спасения, **«Китеж», давно уже деревянный, всплывает сам собой.**

Нам, вероятно, уже никогда не узнать, где и когда «Китеж» всплыл впервые. Но в потопном мифе дравидского племени тода он уже на плаву. Тамошние сказители рассказывали, что «много лет тому назад в мире было большое наводнение, и все утонули. Спаслись только юноша и девушка, которые спрятались в деревянный ящик, **сделанный в форме хижины** тода». Значение этой версии мифа с точки зрения понимания его эволюции трудно преувеличить. Она — ключ ко всей «ковчевой» серии. Начиная с этой легенды, исполняется заветная мечта сказителей лесных

равнин: «Китеж» обретает способность не только противостоять натиску волн, но и плавать.

Однако радость по этому поводу у мифографов, скорее всего, была недолгой. Они не могли не сознавать, что деревянный дом в бурном море Всемирного потопа не лучшее плавсредство. Поэтому почти сразу же началась переделка дома в духе существующей судостроительной техники. Из этого не следует, что сказители одним махом заменили плавающий дом привычным нам специальным судном, ковчегом. Нет, они еще долго, сойдясь на образе ковчега, специально оговаривали его происхождение от дома «Ноя». Лучшей иллюстрацией данного положения может послужить аккадский миф о потопе. В нем бог мудрости Эа, будучи связан общей клятвой богов, не может прямо сообщить «Ную» о грядущей катастрофе и делает посредником при передаче информации одну из ипостасей «Китежа» — свое святилище, называемое в мифе «хижиной» и «стенкой». При этом главный совет, который дает бог «Ную», — *сделать корабль из собственного дома*. Вот как звучит это место в «О все видевшем»:

Богов великих потоп устроить склонило сердце.
Совещались отец их Ану, Эллий, герой, их советник,
Их гонец Нинурта, их мираб Эннуги.
Светлоокий Эа с ними вместе клялся,
Но хижине он их слово поведал:
Хижина, хижина! Стенка, стенка!
Слушай, хижина! Стенка, запомни!
Шуруппакиец, сын УбарТуту,
СНЕСИ ЖИЛИЩЕ, ПОСТРОЙ КОРАБЛЬ.

Еще более глубокий генезис образа ковчега, возводящий его происхождение не к деревянному «Китежу», а еще дальше, к мировому древу, демонстрирует египетский миф об Осирисе. Если читатель помнит, приплывший к берегам Финикии гроб с телом Осириса врастает в ствол гигантского вереска, явно понимаемого как мировое дерево. Далее дерево срубают и делают из него опору библского царского дворца, или, говоря языком потопной мифологии, «Китежа». Изиди забирает столб из дворца и сплавляет его в Египет, т.е. использует как ковчег. Таким образом, египетский миф оказывается старше аккадского, потому что в нем сохраняется утраченный в аккадской мифологии самый ранний этап генезиса ковчега — превращение мирового древа в деревянный архитектурный элемент.

Однако, как сказителям ни хотелось сохранить связь хотя бы между ковчегом и «Китежем», смена времен все более ее истончала и наконец оборвала совсем. Все, что могла допустить мифография на данном новом этапе, — это позволить какое-то время деревянному «Китежу» и ковчегу существовать параллельно и независимо друг от друга. Пример такого параллелизма — фиджийский миф о потопе. В нем сообщалось, что великий бог Нденгея очень любил *чудо-птицу, которая будила его по утрам*. Два внука бога убили птицу, и, «чтобы спастись от ярости разгневанного деда, молодые повесы бежали в горы и здесь нашли приют у племени плотников, которые охотно согласились построить **частокол**, достаточно крепкий для того, чтобы устоять против Нденгея и его сыщиков. Они оказались верны своему слову, и целых три месяца бог и его приближенные тщетно осаждали крепость. Наконец, отчаявшись взять частокол силой при помощи обычных военных операций, смущенный неудачей бог распустил свое войско и придумал другое, более верное средство мести за обиду. По его приказанию собрались темные тучи и разразились ливнем над обреченной землей. Один за другим были залиты водой города, холмы и горы. Но мятежники, засевшие в своем высоком укрепленном городе, долгое время спокойно взирали на вздымавшиеся кверху воды. Когда же наконец *волны стали заливать деревянные стены города и даже прорвались через частокол*, мятежники обратились за помощью к некоему богу, который, согласно одному рассказу, посоветовал им *построить плот из плодов шеддока*, а по другой версии, *послал им две лодки или научил их, как самим построить лодку* для своего спасения. То был Рокоро, бог плотников, который вместе со своим помощником Гокола пришел им на помощь. Вдвоем они плыли в двух больших лодках, подбирали тонущих людей и держали их в лодке, пока не прекратился потоп».

Расшифровать этот миф не составит труда. Птица, будившая Нденгея по утрам, — это петух, синтез птицы из «шестоднева» и послепотопного солнца. Ошибка фиджийцев заключается в том, что они поместили петуха не в конец, а в начало повествования. Город плотников и сделанный ими частокол — это деревянная версия Вавилонской башни. Одним словом, все узнаваемо. Обращает на себя внимание только то, что герои, имея под руками прекрасный материал в виде частокола, не пользуются им, а изобретают плот из плодов дерева (которые полагалось бросать в воду для определения уровня воды). Таким образом, в фид-

жийском мифе отрыв пуповины, некогда соединявшей мать-«Китеж» с дитем-ковчегом, можно сказать, состоялся, и только общность материала (дерева) осталась робким напоминанием об их былом тождестве.

Дальше речь может идти лишь о рудиментах «Китежа» в потопном мифе. Образцом такой рудиментарной версии является шумерский миф о потопе. В нем бог предупреждает «Ноя» о грядущем бедствии сам, прямо, но прежде просит стать «Ноя» у стены, говоря: «**Стань у стены** слева от меня, и у стены я скажу тебе слово». Мифологи давно связывали это место с тем местом в аккадском мифе, где говорится, что бог посредством «хижины» или «стенки» предупреждает «Ноя» о потопе. Однако при данном сравнении не учитывается, что железная логика аккадского мифа в шумерском варианте оказывается до основания разрушенной. В аккадском мифе недвусмысленно говорится, что бог вынужден прибегнуть к посредничеству стен своего святилища, будучи связан клятвой. Шумерский же бог просто прислоняет «Ноя» к стенке плохо понятого «Китежа» и прямо выкладывает всю информацию.

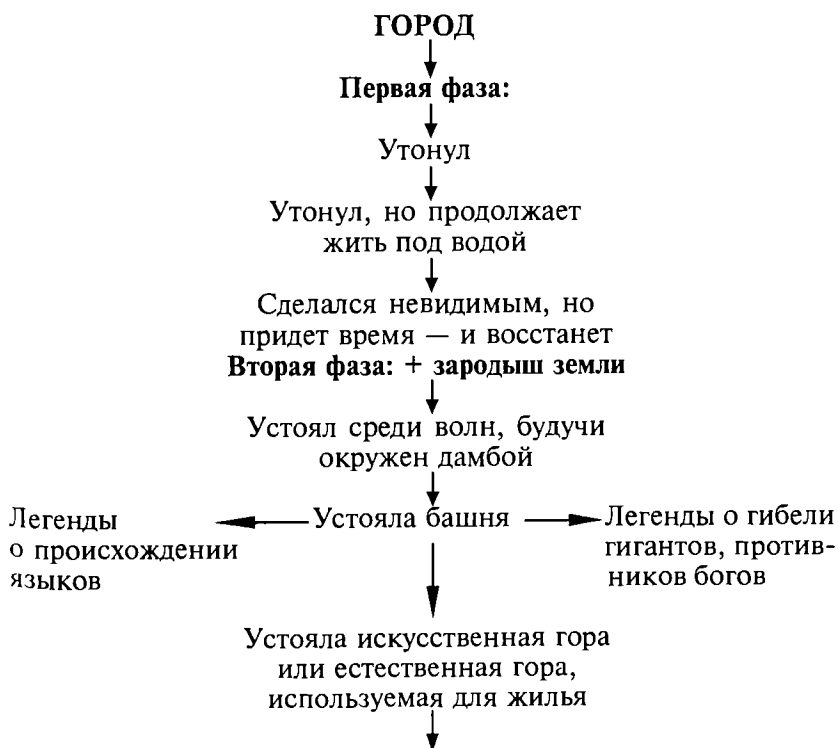
Из приведенного сравнения видно, что аккадский миф, считающийся производным от шумерского, на самом деле древнее последнего, хотя записан позднее на той же территории. Видимо, у них был общий первоисточник, сохранившийся у аккадян лучше, чем у шумеров. Когда же Аккад, захватив Шумер, испытал на себе влияние шумерской культуры и прежде всего письменности, то внес в свой потопный миф только одно изменение: «Ноем» стал шумер — шуруппакиец Зиусудра (Утнапишта). Во всем остальном аккадский миф остался верен себе — и в понимании роли «Китежа», и в наименовании богов-губителей Игигами (от мамбрийского дуба Огига). Даже первоначального «Ноя», совершенно верно названного в мифе Палестинцем (Амурру), сохранила аккадская версия, сделав этого Палестинца создателем ковчега. Цитирую из «О все выдавшем»: «*За смоление судна корабельщику Пузур-Амурру* чертог я отдал и его богатства».

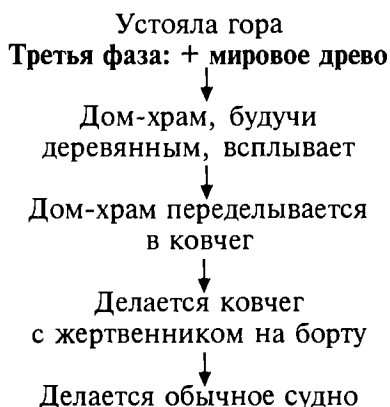
Хотя в шумерском мифе связь между «Китежем» и ковчегом окончательно разорвана, память о былой культовой функции храма, обращенного в ковчег, продолжала будоражить воображение шумерских сказителей и заставляла изображать ковчег в виде плавучего жертвенника. Обратим внимание, что в конце шумерского сказания говорится, будто «Ной», завидев бога-солнце Уту, прямо в ковчеге принес ему жертвы: «Зиусудра царь простерся перед Уту, царь убил для него быка, зарезал овцу».

Таким образом, ковчег-жертвенник, видимо, можно считать последним отголоском происхождения ковчега от «Китежа».

Возвращаясь теперь к тому, с чего начинали — к проблеме происхождения мифа о потопе, — вспомним, что шумерский миф некоторые историки записали в прародители всей потопной мифологии. Сейчас читатель, думаю, может представить себе всю глубину этого заблуждения, потому что знает, через какое множество витков эволюционной спирали должен был пройти этот миф, чтобы предстать в том виде, в каком он предстает на шумерских глиняных табличках. Древнейший по записи шумерский миф о потопе — один из самых юных на земле. Если говорить о ближневосточной традиции, то он несколько моложе аккадской версии, более точной и подробной в обрисовке роли архитектуры, и немного старше библейской, в которой она полностью отсутствует (есть только жертвенник, сложенный на Араратских горах).

Для удобства исследования генезиса потопного мифа всю эволюцию образа «Китежа» можно представить в виде следующей схемы:

Хотя на схеме эволюция «Китежа» представлена поэтапно и прямолинейно, это не означает, что каждая последующая фаза отменяла предыдущую. Нет. Все три фазы могли существовать параллельно и легко соединяться друг с другом. Как, например, в аккадском мифе о потопе, в котором сообщается, что родина «Ноя», древний и любимый богами город, утонул (1-я фаза), но «Ной» успел переделать дом в ковчег (3-я фаза) и пристал на нем к горе (2-я фаза).

Чтобы читателю при анализе того или иного мифа было легко разобраться в его сюжетных хитросплетениях, выделить первоэлементы и установить их место на лестнице эволюции, помещаем выше специальную таблицу, которая, надеюсь, послужит универсальным пособием при анализе потопных мифов, включая те, что не были здесь воспроизведены.

Эволюция мифа
(Стрелки означают движение сюжета)

Элементы	Катастрофа	Причина	Люди	Город-храм	Птица	Зародыш земли	Мировое древо	Сыетла
ИСТОРИЯ	Нахлынуло море, образовалось озеро		Частью утонули, частью спаслись	Утонул				
МИФ	То же	Отказ богам в приюте	То же	Утонул, но продолжает жить под водой				
1.								
2.	»»	То же	Утонувшие превратились в рыб	Сделался невидимым, но со временем восстанет				
МИФ+ «шестоднев»	Озеро вышло из берегов и затопило мир	»»	Утонули все, кроме брат и сестры — прародителей человечества	То же	Достала со дна моря зародыш земли	Раздулся до размеров нынешней суши		Отсутствие еще на небосводе
3.								
4.	То же	»»	Человечество было восстановлено через инцест	»»	Принесла откуда-то зародыш земли	То же		

Продолжение таблицы

5.	Лило сверху и снизу	»»	»»	»»	Унесла героев в убежище		До потолка были иными
6.	То же	Физические недостатки людей	»»	»»	Подказала героям путь в убежище		То же
7.	»»	То же	Человечество возродилось в неполноценном состоянии	Известила бога о спасении людей	Уцелел, будучи отражен лавой из зародыша земли		»»
8.	Небо и земля смешались	Богоборчество людей	То же	То же	Уцелела башня до неба		Потопу предшествовал беспорядок в небесной механике
9.	То же	То же	»»	»»	Устояла искусственная гора или гора, используемая как жилище		То же
10.	»»	»»	»»	»»	Устояла гора (с жертвенником)	Росло на горе	»»
Дерево	Вода пошла из-под корней деревьев и затопила мир	Падение мирового дерева	муж и жена	»»	Плоды дерева бросались в воду для определения ее уровня	Служило героям плавающим	Во время потопы отсутствовали на небе
11.							

12.			То же	Храм-дом, будучи деревянным, вспыл	»»			То же
13.			»»	Деревянное сооружение было переделано в судно (с жертвенником)	»»			»»
Распад мира								
14.	Лило больше сверху, чем снизу	Безразличность людей	Спаслись муж с женой и трое их сыновей с невестками	Было заранее построено специальное судно	Испачкавшись в земле, подает благую весть	Гора служила судну причалом	В плавание взяты семена растений	Солнце вышло из-за туч, знаменуя конец потопа
15.	Дождь и молнии — единственные виновники бедствия	Гнев светил	Спасся один человек или несколько одного пола	Плавала гора	Не птица, а млекопитающее было помощником человечества		Животное принесло часть растений как благую весть	Петух криком возвестил конец потопа
16.	Потопу предшествовала засуха	Избыток людей или прихоть богов		Плавающим предметом была				
17.	Была всемирная солнечная катастрофа							Птица посредничала при добыче огня
18.								Люди сами добывали первый огонь

АТЛАНТИДА-АРИКА, ИЛИ НАРОД ДОЛЬМЕНОВ

Марреб. Убедившись в наличии палестинского центра, единой ономастики и общего сюжетного корня потопной мифологии, перейдем теперь к другой важной теме: путях распространения легенды, основных маршрутах ее носителей. Собственно, первые подступы к этой теме уже делались в предыдущих главах, при анализе путей «Осириса» и «строителей Вавилонской башни»; оба маршрута начинались в Палестине, но один закончился в Нижнем Египте, а другой — в Северной Месопотамии. Наметившуюся тему теперь следует развить, так как названные маршруты слишком коротки, чтобы сделать миф о потопе вселенским явлением. Должны были существовать какие-то другие, более протяженные, захватывающие все материки дороги носителей легенды.

Две такие дороги нам и предстоит проследить в оставшихся главах, при этом путеводной нитью будет служить слово «Атлантида» — название легендарной страны платоновского мифа, которую мы уже прежде отождествили с Палестиной. Оговорюсь, ранее отождествлению легендарной и реальной страны способствовало другое ее имя — Огигия, и теперь следует выяснить, не носила ли Палестина непосредственно название Атлантида и что это название обозначает.

Прежде уже отмечалось, что первые изображения Атланта в сиро-палестинском регионе восходят к III тысячелетию, и со

временем эта традиция не была там утрачена: спустя много веков Лукиан видел изображение Атланта в святилище сирийской богини в Кадеше. Еще знаменательней, что Филон Библиский включал Атланта в высший эшелон финикийских богов, причем называл его именно Атлантом, а не каким-то финикийским именем. Более того, он сделал Атланта центральной фигурой финикийского мифа о потопе, прочно связанного с Палестиной. Поэтому, памятуя о греческой связи между Атлантидой и Огигией, не будет большой натяжкой предположение, что сама Палестина некогда носила название Атлантида. Из сказанного, однако, не следует, что только Палестина как подлинная Атлантида носила это имя. Существовало несколько лже-Атлантид — мест, получивших данное название, благодаря поселившимся там беженцам с подлинной Атлантиды. И вот о таких лже-Атлантидах стоит поговорить теперь подробнее.

Современные европейские этнографы любят поспорить с «неудачным», по их мнению, классическим термином африканской географии — «Белая Африка», прилагаемым к северу Африканского континента. Им кажется, что цвет кожи местного населения не настолько бел, что термин этот мог сколько-нибудь серьезно претендовать на объективность. Но напрасно этнографы спорят. В словосочетании «Белая Африка» отразилось не сегодня, а вчера африканского севера, его древнейшая история, по данным которой наименование этой части континента «белой» можно считать вполне уместным и объективным. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на древнеегипетские изображения голубоглазых светловолосых ливийцев, проживавших там, вопреки расхожим представлениям об исключительно «черной» Африке, уже со времен Древнего царства, а может быть, и того раньше — данных нет.

Средневековый географ Аль-Вазан в своей «Африке» специально выделяет белое население африканского северо-запада, отнюдь не путая его с поселившимися там позднее арабами. И хотя в его время белые африканцы давно уже перешли на берберский язык, а некоторые даже успели сменить его на арабский, видимо, пигментация их тел продолжала сопротивляться воздействию смуглых соседей (среди марокканцев и рифейских берберов и сейчас не редкость встретить голубоглазых блондинов).

В принципе, проблема пигментации тел жителей африканского севера должна была бы интересовать антропологов, этнографов, а не нас, занятых мифом об Атлантиде, если бы не два знаменательных факта. Первый: по данным местных географов,

белые африканцы — выходцы из Палестины. Второй: только на севере Африки в историческое время зафиксирована ономастика платоновского мифа: Атлантический океан, Атласские горы, племя атлантов-вегетарианцев, не ведающих снов (Геродот).

Магриб — совокупное название территорий Марокко, Алжира и Туниса, т.е. всего африканского севера за вычетом Ливии и Египта. Это «наиболее знатная часть Африки, где находятся города белых людей, которые управляются законом и разумом», — писал Аль-Вазан. Магриб — чудесная страна арабских сказок, родина знаменитых магрибских колдунов. Возвращаясь к вопросу об «островном» положении Атлантиды, можно заметить, что Магриб и сейчас у арабов называется джезире-эль-Магриб (остров Магриб), хотя в обычном понимании он не может претендовать даже на звание полуострова — только с двух сторон от Магриба море, с других же он ограничен пустыней.

Предположим, что Магриб, на территории которого столь богато представлена «атлантидная» ономастика, мог хранить память о катастрофе, некогда пережитой его жителями, белыми африканцами. И действительно, такого рода предания имели там хождение. Географически все они привязывались к восточной границе Магриба, проходящей по линии, разделяющей ныне Тунис и Ливию. Например, Геродоту рассказывали, что жившее в этом районе племя пселлов было целиком засыпано песком. Что неудивительно, ибо, по приведенным прежде финикийским данным, то же произошло с Атлантом, только засыпан он был землей. Многие античные писатели упоминали и потоп, якобы случившийся в этом районе; залив Габес (Малый Сирт) и соленое озеро Тритонида (ныне солончак эль-Джерид), по их словам, — результат потопа. Вергилий даже желал, чтобы отнятое у него поместье испытало на себе нечто подобное магрибскому бедствию («Проклятия»).

Само предание о якобы произошедшей там катастрофе не сохранилось. Но если довериться историкам географии, отождествляющим с Магрибом родину легендарного племени феаков — остров Схерию, то отдельные подробности магрибского мифа о потопе можно найти, например, у греческого писателя Гомера в «Одиссее». По его словам, феаки считали себя народом-избранныком, одного корня с богами. Они говорили: «...боги считают всех нас родными, как диких циклопов, *как племя гигантов*».

Упоминание гигантов среди родни феаков совсем не случайно. Их царская династия возводила к ним свой род. И надо ли говорить, что это были те самые, «библейские», погубленные

богами за гордыню, гиганты?! Родословная царей феаков, по Гомеру, выглядела следующим образом:

...вначале

Сын Навсифой Посейдоном, земли колебателем, прижит
 Был с Перибеей, всех дев затмевавшей своей красотой,
 Младшею дочерью мужа могучего Евримедонта,
 Бывшего прежде властителем *буйных гигантов*; *но сам он*
Свой погубил святотатный народ и себя самого с ним.

Дочь же его возлюбил колебатель земли; от союза
 С ней имел Навсифоя; и первым царем феакян
 Был Навсифой.

Далее Навсифой породил Алкиноя, Алкиной женился на своей племяннице Арете, и они составили счастливую чету царственных супругов, что приютила в своем дворце бедствующего Одиссея.

На этом, однако, история феакийских злоключений не оканчивается, а только начинается.

Царь Алкиной жил в постоянном ожидании катастрофы, он говорил:

...в ребячестве я от отца Навсифоя

Слышал, не раз говорил он, что бог Посейдон недоволен
 Нами за то, что развозим мы всех по морям безопасно.
 Некогда, он утверждал, феакийский корабль, проводивший
 Странника в землю его, возвращаясь морем туманным,
 Будет разбит Посейдоном, который **высокой горою**
Град наш задвинет.

Естественно, что это пророчество должно было сбыться на Одиссее. Посейдон, сильно его не любивший, превратил в скалу корабль, который отвез героя на родную Итаку. Но город феаков, согласно Гомеру, не тронул, хотя вначале намеревался исполнить пророчество Навсифоя до конца (13, 128 — 188).

Формально вся эта история закончилась для феаков более или менее благополучно. Но, вероятнее всего, Гомер, приделывая к ней столь странный кисло-сладкий конец, грешил против истины. Думаю, на самом деле Посейдон задвинул-таки город феаков горой*. Более того, сделал это еще до появления там

---

* Что, вопреки Гомеру, утверждал и Аполлодор («Эпитома», 7, 24).

Одиссея. То есть гомеровские феаки и были теми самыми погибшими гигантами, о которых говорилось в родословии их царей, а придавленный горой город был североафриканской версией «Китежа». На это недвусмысленно указывают *медные* стены и порог царского дворца феаков. Материал, из которого они сделаны (медь), — явная примета Тартара, загробного мира греческих мифов. Так что на самом деле Одиссей гостил в преисподней, ставшей таковой в результате катастрофы. Что вообще характерно для Одиссея, регулярно попадавшего в разного рода потусторонние миры: он спускался в ад в стране киммерийцев, гостил в огражденном медной стеной граде Эола, провел несколько лет на острове Огигии в объятиях нимфы Атлантиды Калипсо (о последнем его зоклчении говорилось прежде в связи с поиском палестинской прародины мифа о потопе).

Итак, что же роднит платоновский миф об Атлантиде и гомеровский миф о феаках? Можно назвать сразу несколько точек соприкосновения. И атланты, и феаки — потомки Посейдона. В обоих мифах возлюбленной морского божества и прародительницей погибшего народа является девушка-сирота. Совпадает география: по Платону, атланты владели всем севером Африки, т.е. и территорией, на которой обитали феаки. Наконец, какое-то магрибское племя, по Геродоту, носило имя атлантов, и нельзя исключить, что оно служило заменителем имени феаков. Практически требовать большего количества точек соприкосновения между этими двумя интерпретациями одного мифа нет никакой возможности. 300-летний разрыв во времени между Гомером и Платоном, разные характеры сочинителей и разные задачи их творчества заведомо исключают одинаковое изложение даже одного и того же первоисточника.

В принципе, ничего нового в самом отождествлении платоновской Атлантиды и Магриба нет. Это название довольно часто мелькает в ряду множества других названий предполагаемого местонахождения Атлантиды. И всегда в ответ ему звучит одно и то же, но убийственное возражение: Магриб не тонул. Да, Магриб не тонул. Но, может быть, тонуло что-то другое, откуда потом пришло напуганное катастрофой население Магриба? Вот в чем вопрос.

О том, что, по сообщениям местных историков, белое население пришло в Магриб из Палестины, уже говорилось. Иное дело, насколько эти сообщения заслуживают доверия. Оказывается — заслуживают. Действительно, существует безукоризненный в своем тождестве общий для Палестины и Магриба архео-

логический памятник — это дольмены. Им-то и создавшему их народу посвящен весь наш дальнейший рассказ.

Но сначала несколько слов о том, что представляют собой дольмены. Так принято называть особую разновидность мегалитических (т.е. построенных из больших камней) памятников. Это — сравнительно небольшие, обычно немногим выше человеческого роста, сложенные из каменных плит мавзолеи с круглым отверстием на фасаде (отверстие иногда бывало заткнуто каменной пробкой в виде гриба). Лучше всего сравнить дольмены со скворечниками, только вытянутыми не по вертикали, а по горизонтали.

Памятники этого рода находят по всему миру, и давно уже ставится, но не решается вопрос о природе и прародине этого вселенского феномена. По существующим на сегодня датировкам, претендовать на звание такой прародины дольменов могут два района: Пиренейский полуостров и Сиро-Палестина. Дольмены обоих районов относят к IV тысячелетию. Правда, пока принято считать, что пиренейские дольмены все-таки на несколько столетий старше сиро-палестинских. А это во многих отношениях сомнительно. Каменные постройки являются камнем преткновения современной археологии, ее ахиллесовой пятой. Чаще бывает легче выяснить геологический возраст камня, нежели время, очевидно, более позднего его знакомства с человеческой рукой. Каменные изделия сами по себе не поддаются датировке. Поэтому обычно их возраст определяется по сопутствующему органическому материалу (если таковой имеется). Еще прискорбнее, что метод датировки органики никак не назовешь совершенным. Слишком много решает в нем количество и чистота материала. Однако даже при соблюдении необходимых условий чем дальше во времени, тем больше оказывается разлет цифр, порой достигающий сотен лет. Где уж тут говорить о точности? Наглядной иллюстрацией беспомощности современных методов датировки каменных изделий могут послужить дольмены Сиро-Палестины и Пиренеев. По признанию археологов, первые «плохо датированы», а вторые — «приблизительно».

Таким образом, при отсутствии точности датировок ничего не остается, как, согласившись с общей для обоих районов приблизительной округлой цифрой (IV тысячелетие), решать вопрос о природе дольменного феномена исходя из традиции такого рода зодчества. На Пиренеях подобная традиция, можно сказать, отсутствовала. Дольменам там предшествовал обычай захоронения

в гротах (искусственных пещерах). И, думаю, не надо долго объяснять, как велика разница между пещерным захоронением (даже искусственным) и надземным, дольменным.

Иное дело — Сиро-Палестина. Там история надземных построек из камня еще до появления дольменов насчитывала *шесть тысячелетий*, если считать не с Иерихона, а с более ранних каменных «чумов» Натуфа (X тысячелетие). Кроме того, у сиропалестинских дольменов имелись предшественники — те же самые дольмены, только засыпанные землей. А от них, понятно, до дольменов в обычном понимании — один шаг: отказ от засыпки. Поэтому при приблизительном равенстве датировок пиренейских и сиро-палестинских дольменов традиция подобного рода зодчества требует именно в Сиро-Палестине признать прародиной данного вида мегалитических памятников. А этот вывод, как ни странно, очень много значит для нас, искателей Атлантиды.

Дело в том, что настоящий экскурс в проблематику дольменной археологии целиком обусловлен наличием дольменов не только в Палестине и на Пиренеях, но и в Магрибе. И в огромном количестве, исчисляемом тысячами. Датировка магребских дольменов, к сожалению, отсутствует вовсе. Но, исходя из того, что по обе стороны от Магриба (на Пиренеях и в Палестине) они датируются одним тысячелетием, а двигаясь из Палестины на территорию Пиренеев, миновать Магриб было просто невозможно, естественно было бы предположить, что начало строительства магребских дольменов следует отнести к тому же времени — IV тысячелетию.

Но это лишь промежуточный вывод. Главный — впереди: путь народа дольменов из Палестины в Магриб, промаркированный этими циклопическими метками, удостоверяет справедливость сведений местных историков о происхождении белого населения Магриба из Палестины. А совокупно: вместе с потопной легендой Магриба, рассказанной у Гомера и Вергилия, все эти данные воссоздают достаточно полную картину народного движения той темной эпохи. Теперь мы довольно точно можем сказать, когда (в IV тысячелетии) и кем (народом дольменов) была перенесена подлинная Атлантида (Палестина) на территорию первой среди лже-Атлантид (Магриба).

Путь народа дольменов. Продолжая тему дольменной проблематики, следует сказать, что, будучи памятником вселенским, встречающимся на огромной территории от Магриба до Перу, он самым своим существованием отчасти объясняет вселенскую

географию мифа о потопе. Более того, путь носителей мифа так хорошо промаркирован этим специфическим памятником, что, несмотря на изъяны датирования, есть возможность построить схему движения данной семьи сказителей потопной легенды во времени и пространстве*.

Большая часть IV тысячелетия ушла у народа дольменов на то, чтобы пройти от Палестины, через север Африки и Пиренеи, до севера Европы. Во всяком случае, пока дольмены Британии, Голландии, Дании, Швеции и севера Германии датируются концом IV — началом III тысячелетия.

Следующий этап движения народов дольменов — Кавказ. Строительство дольменов началось там около 2300 года. И такая датировка первых кавказских дольменов вместе с приблизительной датой окончания строительства североευропейских дольменов (начало III тысячелетия) наводит на любопытное предположение, будто именно поход творцов дольменов из Германии на Кавказ положил конец цветущей трипольской культуре Украины, погибшей как раз в середине III тысячелетия. Ведь именно по отмеченной этими циклопическими памятниками линии Германия — Вольнь — Кубань — Кавказ лежало на дороге народа дольменов Триполье. И при совпадении территорий, дат гибели одних и прохода других связывать между собой оба эти события есть прямой смысл.

Дата окончания строительства дольменов на Кавказе — 1500 год до Р.Х.

Неизвестно, когда точно, но известно, что во II тысячелетии дольмены появились во Фракии (ныне европейская Турция). В дальнейшем народ дольменов переместился на территорию Болгарии, время его проживания там, много раз пересматриваемое, теперь относят к XIII — XI векам до Р.Х. Исходя из даты окончания строительства кавказских дольменов (XV век до Р.Х.) и даты начала строительства болгарских, можно назвать с большой долей вероятности время создания фракийских дольменов — это XV — XIII века до Р.Х.

Следующий этап не отмечен в литературе. Это — Палестина. Народ дольменов вернулся туда, откуда вышел. На мысль о возвращении его на свою прародину, в Палестину, наводят следующие любопытные факты. Большинство палестинских дольменов датируются в пределах от первой половины IV тысячелетия до середины III. Но не все. Некоторые дольмены «содержат впус-

* См.: Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978.

кные захоронения эпохи железа», т.е. захоронения конца II тысячелетия, периода окончания строительства болгарских дольменов. Это только один факт. На мысль, что народ дольменов двинулся из Болгарии в Палестину, наводит и другой факт — следующую серию дольменов мы застаем уже в Индии. А известно, что ни один полководец, отправляясь из Европы в Индию, не миновал Палестины. Александр Македонский, также побывавший в Палестине до Индии и начинавший свою полководческую карьеру как раз вблизи фракийских и болгарских дольменов, — прекрасный тому пример.

Таким образом, можно предположить, что, выйдя из Палестины в IV тысячелетии, народ дольменов, описав за три неполных тысячелетия гигантский круг по трем материкам (Африка, Европа, Азия), вновь вернулся туда, откуда вышел. А может быть, после прошел еще дальше на юг, поставив дольмены Эфиопии, к сожалению, недатированные.

У дольменов Индостана датировка также отсутствует. Часть их находится на Малабарском побережье (с этого побережья отплывал местный «Ной» — Ману — герой самого известного индийского варианта мифа о потопе). Часть других индостанских дольменов группируется в долине реки Инд и на границе с Тибетом (река Ле). Не датированы и дольменные постройки Китая (провинции: Сычуань, Фуцзянь, Шаньдун, Ляонин). Что касается дольменов Кореи и Японии (остров Кюсю), то они начинают закладываться там еще в век окончания строительства болгарских дольменов (XI век до Р.Х.), и их созидание там продолжается вплоть до IV века до Р.Х.

Наконец, в своем движении по материкам народ дольменов не миновал и Нового Света, освоив там территории Боливии и Перу. Судя по тому, что архитектура американских дольменов напоминает архитектуру японских, народ дольменов перебрался в Новый Свет где-то между XI и IV веками до Р.Х., воспользовавшись соединяющим Японию с Америкой течением Куросиво.

Такова картина движения дольменного народа. И, представляя ее себе даже в столь грубом, схематичном виде, все-таки можно рискнуть и назвать по имени этот народ, пользуясь не условной археологической терминологией (народ дольменов), а конкретной этнографической. Это были... **АРИИ**, т.е. предки азиатских индоевропейцев, говорящих ныне на индийских и иранских наречиях.

Полярный цикл ариев. Очевидно, тут мало просто дать имя народу дольменов, нужно как следует обосновать право на это

наименование. Что ж, займемся поиском соответствующих доводов.

Первое, существуют хоть и скудные, но интересные антропологические данные относительно облика народа дольменов. Один историк писал, будто люди дольменных захоронений — люди рослые, а другой, уже современный специалист по дольменам, в частной беседе с автором этих строк сообщил, что недавнее исследование их черепов засвидетельствовало принадлежность дольменного народа к европеоидной расе.

Второе, арийские языки — особая, рано и значительно оторвавшаяся от европейского древа ветвь языков, и время ухода из Палестины народа дольменов — IV тысячелетие — очень подходит, чтобы им датировать начало языкового обособления ариев.

Третье, арии — едва ли не единственная группа индоевропейцев, целиком перешедшая на кочевой образ жизни. Из их языка даже исчезла земледельческая терминология, и лишь по ее остаткам специалисты склонны заключать, что арии до отпадения от остальной массы индоевропейцев и начала кочевки были знакомы с данным родом хозяйственной деятельности. А эта особенность культурной истории ариев в точности совпадает с особенностью культурной истории народа дольменов, который, будучи у себя на родине, в Палестине, безусловно, хорошо знаком с земледелием, по мере удаления от нее утратил соответствующие навыки и перешел на кочевой образ жизни.

Сказанное выше — лишь присказка. Еще многозначительнее выглядит описание основных этапов миграции ариев, сохранившееся в их мифологии, которое целиком совпадает с географией миграции народа дольменов. Речь идет о так называемом «полярном цикле» арийских преданий. В деталях этот цикл разобран в книге Г.М.Бонгарда-Левина и Э.А.Грантовского «От Скифии до Индии», нам остается лишь обратить внимание на его основные положения.

Суть проблем «полярного цикла» сводится к следующему: он демонстрирует поразительную осведомленность ариев относительно природных явлений, присущих Крайнему Северу, явлений, очевидно не имеющих ничего общего с теми, что обычны для земель, на которых застала ариев история. В древних арийских преданиях говорится, что для севера характерны невыносимый холод, глубокие снега, водопады, обращенные в лед, полярные сияния, что там день и ночь длятся по полгода (полярные день и ночь), что Полярная звезда стоит высоко над горизонтом и вокруг нее вращаются созвездия Большой Медведицы

и Кассиопеи. Если учесть, что даже на севере Индии Полярная звезда едва поднимается над горизонтом, а кружение вокруг нее названных созвездий можно наблюдать не южнее 56 градуса северной широты (широты Копенгагена и Москвы), то такая освещенность южан-ариев и удивляет, и настораживает.

Еще занимательнее, что предания «полярного цикла» наряду с удивительно точной информацией о природе Крайнего Севера одновременно содержат и абсолютно неверные сведения о том, что делается еще севернее Крайнего Севера. Древние арийские источники сообщают, что там за зоной холода возвышается ориентированная с запада на восток горная цепь — пуп мира, северный склон ее омывает молочный океан, а в океане лежит великий остров, населенный блаженными белыми людьми, угодными богам. На острове царит вечная весна, нет ни холода, ни зноя, природа сама дарит все нужное человеку.

Обычно в связи с «полярным циклом» ариев задается только один вопрос: откуда у них такая точная информация о природе Приполярья (про недостоверную не спрашивают)? Специалисты отвечают на него по-разному. Например, авторы книги «От Скифии до Индии» считают, что арии получили ее еще тогда, когда не жили в Иране и Индии, а кочевали по евразийским степям от Крыма до Алтая. И получили ее от живших севернее угро-финнов. Однако согласиться с таким облегченным разъяснением трудно по многим причинам. Совершенно неизвестно, жили ли угро-финны еще до распада арийской общности далеко на севере, чтобы быть в курсе происходящих там специфических природных явлений. А если жили, то просто так нести информацию из Приполярья в южные степи не велик ли труд? Да и какую информацию: что некоторые созвездия вращаются вокруг Полярной звезды? Сообщение если не совсем бесполезное для южан, то, во всяком случае, не такое, чтобы арии, посторонний угро-финнам народ, стал тысячелетия хранить его в памяти, бережно, в устной традиции передавать из поколения в поколение.

Вдвойне непонятно, зачем угро-финнам наряду с точными данными питать ариев явной дезинформацией, рассказывая про какую-то мировую горную гряду на севере, которой отродясь там не было, про страну блаженных за ней, каковую при любой мере условности мифологического мышления, зная хоть немного реалии севера, выдумать все равно было невозможно.

В «полярном цикле» угро-финских «информаторов» удивляет не только противоестественное сочетание безукоризненной прав-

ды и очевидной лжи, но и та доверчивость, с какой воспринимался этот винегрет ариями. Если быть совсем точным, то отношение ариев к этой были-сказке несравнимо с простой доверчивостью, действительно характерной для древних писателей, часто без критики принимавших все, что попало им на стол. Иное дело — «полярный цикл», он был не просто уложен ариями в память как иностранный курьез, а пережит, прочувствован всем народом и сделан самой светлой страницей его истории и культуры. Вот в чем тайна. На север, в Приполярье, уходили умирать, совершив положенные труды, праведные цари и герои арийского эпоса, туда улетали великие мудрецы, там жили все предки ариев, вплоть до самых первых.

Наглядной иллюстрацией роли «полярного цикла» в духовной жизни ариев может послужить то обстоятельство, что в его круг попал даже самый ценный из исторического наследия миф, легенда—основа всей мировой этногенетической литературы — миф о потопе. Вспомним иранскую версию: в ней «Ной» строит дамбу (вару), потому что грядет гибель *от морозов и наводнений, вызванных таянием снегов*. Отчасти иранской версии вторит индийский миф, в котором ковчег поначалу пристает не к Гималаям, а к некой «Северной горе». Позднее индийские сказители стали привязывать ковчег к Гималаям, но из этого не следует, что миф обрел сугубо индостанскую окраску. Буквальный смысл названия Гималаев — «Обитель снегов» — позволял им сохранить первоначальный, полярный подтекст мифа.

С учетом перечисленных особенностей арийского отношения к «полярному циклу» как-то не очень верится, что он мог быть плодом заимствования вообще и от угро-финнов в частности (по данным сравнительной лингвистики и мифологии, в контактах между этими двумя народами роль учителей исполняли скорее арии, нежели угро-финны). Даже если согласиться, что угро-финны располагали точной информацией о природе Крайнего Севера и, будучи неисправимыми фантазерами, сочинили страну блаженных за Полярным кругом, все равно их смесь из правды и вымысла не могла стать для ариев тем, чем она стала — сердечным откровением, рассказом о родной, желанной и недостижимой стороне. Не могла. Отсутствие в «полярном цикле» даже намек на угро-финскую ономастику — лишнее тому подтверждение.

Существует и другая теория, объясняющая феномен полярных арийских преданий. Ее автор — видный историк XIX века Тилак. По его мнению, «полярный цикл» следует понимать буквально как реалистическое воссоздание условий некогда цветущей

щей Арктики — прародины человечества, которая позднее обледенела и тем вызвала миграцию народов, включая ариев. На сегодняшний день эту теорию иначе как наивной не назовешь, но привлекает в ней доверие к мифу, действительно часто оправдывающее себя, признание за ним права на точность и правдивость изложения исторического материала.

Доверимся же мифу о полярной прародине ариев и мы. Но доверимся не абсолютно, а с некоторой коррекцией. Не отбрасывая вовсе, но и не понимая буквально совмещение в «полярном цикле» холодной зоны севера и теплой страны блаженных, просто представим себе, что в нем произошло **сложение** описаний разных климатических зон, через которые ариям пришлось мигрировать на протяжении своей долгой истории. Через **географию миграции** в «полярном цикле» объясняется практически все. Теплая страна «белых мужей» — это прародина ариев, а холодная — не прародина, а этап на обратном пути к ней, этап, судя по точности описаний полярных явлений, на самом деле некогда пройденный ариями и оставивший в их памяти неизгладимые впечатления.

Очевидно, такая география миграции ариев полностью совпадает с географией миграции народа дольменов, жившего, между прочим, там же, где в историческую эпоху точно жили арии (например, в Индии). Строители дольменов вышли из теплой, тогда еще цветущей Палестины и дошли до Крайнего Севера Европы. Прежде упоминалось, что вращение созвездий вокруг Полярной звезды можно наблюдать не южнее 56 градуса северной широты, а это широта датских дольменов. Дольмены ставились еще севернее, в Швеции и Норвегии, до 60 градуса, откуда наблюдать это астрономическое явление еще удобнее.

Через географию движения народов дольменов хорошо объясняется и характерная для «полярного цикла» ошибка в определении местоположения страны блаженных, помещаемой еще севернее Крайнего Севера. Народ дольменов **на протяжении тысячелетий шел по кругу**, постепенно отклоняясь вправо, и такое продолжительное движение по кругу при неразвитости методов ориентирования могло создать иллюзию прямизны пути, т.е. что Палестина находится где-то за Полярным кругом, прямо позади Скандинавии. Тот, кто имел несчастье заблудиться в лесу, знаком с этим эффектом кругового движения, принимаемого за прямолинейное.

Позднее анализ ономастики «полярного цикла» покажет, что под страной блаженных в арийских преданиях действительно

подразумевалась Палестина. А пока до этого дело не дошло, отметим наиболее важный момент настоящего раздела: тождество географии миграции (юг — Приполярье — юг), сходство облика и культурной истории между народом дольменов и ариями — серьезная заявка на правдоподобность гипотезы относительно тождества обоих народов.

Кавказ. Для полноты картины не хватает только исторических свидетельств. Что ж, перейдем теперь к ним, благо начиная с Кавказа (XXIII — XV века до Р.Х.) народ дольменов и во времени, и в пространстве оказывается исторически достигаем, а значит, есть прямой смысл рассчитывать, что его присутствие на Кавказе оставило свой след в древних анналах.

Кавказ — старинная арийская вотчина. Потомки ираноязычных ариев — осетины — и сейчас там живут. Но Кавказ и давняя вотчина народа дольменов, жившего там с XXIII по XV век до Р.Х. И такое совпадение не стоит списывать на случай. Необходимо только оговориться, что, если гипотеза о тождестве народа дольменов и ариев верна, на Кавказе осела тогда только одна из двух ветвей арийской нации, а именно индийская. Что касается иранцев, то они, видимо, на подходе к Кавказу отделились от индийцев и перешли за Каспий, постепенно осваивая все пространство азиатских степей от Каспия до Монголии. Став степняками, иранцы были вынуждены отказаться от дольменного вида захоронений и заменить дольмен его земляным подобием — курганом. Курганы афанасьевской культуры на Алтае, думается, можно отнести к наиболее ранним опытам протоиранцев в этом роде. В «Известиях» сравнительно недавно было помещено сообщение о результатах раскопок одного такого кургана. Под заголовком «Первые сибиряки?» газеты поместили следующую любопытную информацию: «Интересной находкой увенчалась совместная работа советских и японских археологов на Алтае: в кургане так называемой афанасьевской скотоводческой культуры обнаружено захоронение **необычайно крупного** — **более ста девяти сантиметров** — **мужчины явно европеоидной расы**. По предварительным данным, культура эта датируется **третьим тысячелетием до нашей эры**» (Известия. 1986. 16 июля). В целом афанасьевская культура была довольно примитивна, но отличалась чрезвычайно высоким для того времени уровнем скотоводчества, а это как раз типичная черта культуры протоиранцев.

Читатель вправе спросить: откуда у автора такая уверенность в том, что именно на подходе к Кавказу арийская нация разде-

лилась на индийскую и иранскую ветви и что в дальнейшем только индийцы сохранили традицию установки дольменов? Ответ здесь можно дать следующий: первое, концом III тысячелетия датирует глоттохронология распада арийской общности, т.е. тем же временем, что и оседание на Кавказе народа дольменов, и второе, древние названия Западного Кавказа, где сосредоточена львиная доля местных дольменов, имели ярко выраженное индийское происхождение.

Византийский историк Иоанн Цеца называл жителей Западного Кавказа «индийские скифы». И не стоит утверждать, что Цеца в своей характеристике руководствовался личным мнением, за его словами стояла многовековая традиция. Именно на Западном Кавказе в среде греческих писателей, начиная с Геродота, было принято локализовать «страну синдов», «Синдику», «гору Синд». Тожество «синдов» и индов, кажется, уже не оспаривается и, в принципе, легко проверяемо. Ближайшие к Кавказу индостанские дольмены находятся в долине реки Инд, в области под названием Синд. Последнее название явно очень древнего происхождения, потому что еще во времена Александра Македонского существовал в том районе город со сходным названием — Синдоманы. «Синды» — «речники» (от *инд. sindhu* — река) — более правильная и оригинальная форма самоназвания древних индийцев (в иранской транскрипции — «хинды», в греческой — «инды»). Так что параллель Западный Кавказ—Индия подтверждается на всех ныне существующих уровнях: историческом, ономастическом и археологическом.

Сказанное не новость, над темой проживания индийцев на Кавказе давно и с полной отдачей работает известный славист О.Н. Трубачев. Единственное, что хочется добавить к его исследованиям, так это предположение, что и другое, более известное название Западного Кавказа — Колхида — того же индийского происхождения.

В специальной литературе уже высказывалось предположение, что слово «Колхида» представляет собой вариант популярного греческого топонима «Халкида», образованного от слова *halkos* (медь, бронза). В свою очередь, греческое слово *halkos*, по мнению лингвистов, родственно славянскому слову *zelezo* (железо) и балтскому *geležis* (железо). А это обстоятельство как нельзя более нам на руку, потому что все эти слова плохо объяснимы с точки зрения языков, на которых они произносятся, и имеют общий явно древнеиндийский источник — санскритское слово *kalayasa* (железо, букв. черная медь). Причем очень похоже, что

словосочетание это родилось именно в период пребывания индийцев на Кавказе, так как для эпохи ранней бронзы на Кавказе была характерна добавка к меди не олова, а быстро темнеющего на воздухе мышьяка. Поэтому можно предположить, что название Западного Кавказа (**Колхиды**) — индийского происхождения и звучало первоначально как **Калаясия** (Черномедная). Упоминание в древнеиндийской литературе овечьего легендами горного хребта **Кайласы, на север от Гималаев**, кажется, тоже работает на эту версию.

Из «Аргонавтики». Благодаря греческой литературе сохранилась и география дальнейшего движения индийской нации после ее ухода с Кавказа в XV веке до Р.Х. Памятником этой географии является греческий мифологический цикл, известный под названием «Аргонавтика». Сюжет его известен: жители северобалканского города Иолка, именующие себя по названию своего судна аргонавтами, похищают из Колхиды царевну Медею и увозят к себе в Иолку. Я уверен, что это не просто история похищения с Кавказа некой девицы, а гораздо более глубокая и интересная история переселения с Кавказа на север Балкан, во Фракию, древних индийцев — создателей дольменов.

Этот вывод я сделал, опираясь на следующие факты: первое, строительство фракийских дольменов началось сразу же после окончания строительства дольменов Колхиды. Второе, на проживание «синдов-индов» во Фракии указывает местная ономастика: Синд — название фракийского города, Синтеида — старинное название острова Лемноса, синтии — название древнейшего фракийского племени (Страбон). Что касается связи между переселением индийцев во Фракию и «Аргонавтикой», то на это кроме общей географии указывает греческая мифология. По преданию, сын Медеи — Мед — потом ушел походом в Индию и там сгинул (Аполлодор). Видимо, этого сына Медеи можно отождествить с фракийским божеством, называемым у греков Дионисом, он, как мы знаем из мифологии, также ходил походом в Индию; позднее Александр Македонский, добравшись из тех же мест до той же Индии, объявил себя преемником и продолжателем дела Диониса. Нас во всех этих походах Меда-Диониса не слишком интересует, какая при этом имела в виду «Индия» — сегодняшняя или древняя кавказская. Главное, данные археологии, ономастики и мифологии позволяют проследить фрако-кавказские связи достаточно четко, чтобы увидеть в «Аргонавтике» мифографическую обработку факта переселения индийцев из Колхиды во Фракию.

Но только ли во Фракию? Еще одной любопытной исторической вехой «Аргонавтики» является проживание аргонавтов в гостях у известных нам феаков, на территории Магреба, в Северной Африке. Читатель наверняка помнит, что у феаков потом гостил и гомеровский герой Одиссей. Это совпадение имело бы скорее литературный, нежели исторический интерес, если бы не одна примечательная деталь: вслед за аргонавтами туда же приплыли соплеменники Медеи, жители Западного Кавказа, называемые в поэме «колхами». Колхи потребовали возвращения Медеи домой. Известный нам по «Одиссее» царь феаков Алкиной отказал, и дальше произошло нечто с исторической точки зрения замечательное, что описал Аполлоний Родосский в «Аргонавтике»:

Тут пред владыкой своим трепеща, его (Алкиной) умолили
Колхи в союзники взять их, и там же на острове долго
Жили среди феаков они в грядущие годы.

Это сообщение о проживании выходцев из Колхиды в Африке в поэме Аполлония никак сюжетно не обусловлено и выглядит чисто историческим замечанием. Причем сравнение дольменной археологии Колхиды и Магреба, кажется, позволяет отнести к этому сообщению Аполлония с полной серьезностью.

Обратим внимание на то, что в некоторых дольменах Магреба, естественно, внешне сходных с дольменами Колхиды, к тому же *сохранилась одинаковая с ними утварь*. Сходны наконечники кремневых черешковых стрел, сходна керамика, а бронзовые височные кольца из захоронений африканских дольменов не просто тождественны соответствующим предметам из захоронений кавказских, но и датируются серединой II тысячелетия до Р.Х., т.е. **временем ухода народов дольменов с Кавказа**. По этому поводу автор книги, откуда взяты настоящие данные, восклицает: «Мимо этих фактов пройти нельзя!» Мы мимо этих фактов проходить не собираемся и готовы дать им единственно возможное в данном случае объяснение: часть народа дольменов в XV веке переселилась из Колхиды в Магреб. Таким образом, получается, что народ дольменов (арии) селился в Магребе дважды: в IV и в середине II тысячелетия.

Данные археологии и мифологии вместе с обнаруженными недавно сходжениями североафриканских и западнокавказских языков (Знание — сила. 1985. № 8. С. 15) — очень серьезная заявка на подтверждение исторической правоты «Аргонавти-

ки», видимо, являвшейся морским разделом индийской хроники XV века до Р.Х. Хочется подчеркнуть, именно морским разделом, потому что вполне мог существовать и сухопутный. В том же XV веке на севере Месопотамии образуется государство Миттани с индоязычной аристократией во главе, сиропалестинские царьки обретают индийские имена, а Финикия начинает пользоваться санскритом даже в культовых текстах. Одним словом, уход индийцев (народа дольменов) с Кавказа наделал большой переполох на огромной территории от Магриба до Месопотамии.

Азия—Америка. Но вернемся в Европу и от фракийских дольменов вместе со строителями передвинемся немного северо-западнее на территорию современной Болгарии. Про самые молодые в Европе болгарские дольмены ничего такого особенно «индийского» сказать нельзя. Разве что упоминание неких «синдов» у Аполлония Родосского в числе племен, живущих в среднем течении Дуная («Аргонавтика», 4, 321). Поэтому пока лучше обратиться к цифрам, они более выразительны. Вспомним, начало строительства болгарских дольменов ныне относят к XIII веку до Р.Х., тогда как появление дольменов в Корее датируется XI веком до Р.Х. И сопоставив две эти цифры, можно взять среднюю из них, чтобы получить время появления дольменов между Болгарией и Кореей, т.е. в Индии. Это будет XII век. А что такое XII век до Р.Х. для Индии — хорошо известно: время завоевания ее индийскими ариями.

Но не будем торопиться. Путь народа дольменов, как уже говорилось, из Болгарии в Индию не был прямым. По дороге дольмены завернули на свою прародину — в Палестину. И если само существование народа дольменов не блеф, то его появление там где-то в районе XII века должно было найти свое отражение в местных анналах.

Что ж, обратимся к египетским историческим материалам интересующего нас периода. С 1240 по 1180 год до Р.Х. Египтом правил фараон Рамзес III, и на первую половину его царствования падает одно из самых больших испытаний для страны — нашествие так называемых «народов моря».

Хотя египетские источники определенно связывали нападавших с морем, следует уточнить, что далеко не всех их можно отнести к разряду мореходов, да и не только морем шел на Египет противник. Часть «народов моря» штурмовала Египет с суши, предварительно захватив Сиро-Палестину. На северной стене храма в Мединет-Абу сохранились изображения этого су-

хопутного войска: мужчины на колесницах, за ними женщины и дети в запряженных быками повозках. Судя по женщинам и детям, эта часть воинства «народов моря» шла не просто ради грабежа, но одновременно **переселялась**. И думается, что в данном случае мы имеем дело, может быть, с единственным в доиндийскую эпоху изображением индийских ариев.

Вывод этот нов и требует обоснования. Во-первых, время нападения «народов моря» на Египет — это и время покорения Индии индоариями. А хронологическая и географическая близость этих событий — сама по себе весомый аргумент в пользу предположения об их связи. Тем более что сухопутный контингент войска «народов моря» шел вместе с семьями и после отражения атаки на Египет должен был куда-то податься, непосредственное соседство Индии лишь подсказывает — куда.

Во-вторых, и это очень важно, в списке племен, напавших на Египет, судя по местным источникам, присутствует один безукоризненный арийский этноним. Звучит он так: «шакалаша». И достаточно египетских «шакалаша» сопоставить с геродотовскими «сколотами», представителями особо родовой ветви скифов, как арийское происхождение этого народа проявится достаточно явственно.

После того как атака на Египет захлебнулась, очевидно, только часть народа дольменов осталась жить на своей прародине — Палестине. Еще часть ушла через Баб-эль-Мандебский пролив в Эфиопию и поставила там дольмены под Аддис-Абебой. Третья часть народа дольменов ушла на завоевание Индии и поставила дольмены в долине Инда, в долине Ле и на Малабарском побережье. Индийские дольмены, к сожалению, не датированы, но в том, что они моложе кавказских и находятся с ними в генетическом родстве, сомневаться не приходится. Черты сходства индийских дольменов с кавказскими, как считают исследователи, прослеживаются «в их внешнем виде, конструктивных особенностях, даже в обрамлении кромлехами и круговыми выкладками, что иногда наблюдается и в дольменах Кавказа».

Подобно индийским дольменам, у их китайских аналогов также отсутствует датировка. Однако нам по силам восполнить этот пробел, отнеся первые их экземпляры к концу XII века до Р.Х. И дело здесь не только в том, что дольмены Кореи и Японии датированы XI веком. Но и в том, что с начала XI века традиционная китайская хронология начинает отсчет времени правления первой исторической династии Китая — Чжоу. Чжоу — не китайская династия, а иностранная, «династия рыжих».

Начинала эта династия на юге страны, т.е. там, где стоят китайские дольмены, и, сопоставив облик рыжих чжоуских владык, топографию и хронологию их воцарения, легко догадаться, что Чжоу были индоариями — строителями дольменов.

Хотя Чжоу и была самой прочной династией китайской истории, влияние ее на китайскую мифологию трудно считать особенно значительным. Например, в потопной мифологии Китая все, что можно приписать непосредственно Чжоу из «полярного цикла» ариев, это упоминание, будто Гунь, укравший «вспучившуюся почву», был казнен на «Северной горе». Гораздо больше влияния «полярный цикл» ариев оказал на живущее в южном Китае племя мяо. После знакомства с народом дольменов мяо стали рассказывать предание, будто «их народ жил некогда в стране Ндолаокранг, где полгода ночь, а полгода день. Там растения и люди были малого роста, а земля была покрыта снегом».

Судьба индоариев в Перу — особая, интереснейшая тема. В приложении № 3 читатель найдет сравнительный словарь языков Старого Света и языка перуанских индейцев кечуа. Вкратце можно сказать, что кечуа относили дольмены к разряду общеплеменных святынь, считали их обратившимися в камень белыми бородатыми предками и называли «пуруравками». Название это, видимо, представляет собой смешение имени основателя Лунной династии индийских царей Пурураваса и одного специфического термина индийской культовой архитектуры (paricrit — один из священных камней, которыми обкладывается алтарь).

Уцелело в мифологии кечуа и кое-что из «полярного цикла» ариев. Возьмем для начала ономастику кечуанского мифа о потопе. Фамилия спасшихся после бедствия четырех братьев и четырех сестер — Айар, как нетрудно догадаться, она восходит к самоназванию индийской аристократии — «арья» (благородный). А имя перуанского «Ноя» — Манко — вполне соответствует имени индийского «Ноя» — Ману.

К сожалению, значения всех этих имен перуанской версии мифа утрачены, поэтому о соответствии их индийским эквивалентам можно лишь говорить на основании сходства фонетик. Однако есть в перуанской легенде одно название безукоризненно древнеиндийского происхождения. Это название местного «Арарата» — Титикака. Как уже сообщалось, название высокогорного озера в перуанских Андах — Титикака (Свинцовый холм) восходит к одноименному холмистому острову на озере, на котором якобы спаслись предки перуанцев во вре-

мя потопа. Так вот, первая половина этого названия — *titi* (свинцовый) происходит от древнеиндийского слова *dhati* (металл). Что касается второй половины названия перуанского «Арарата» (кака — холм), то его первоисточником могли стать такие слова из древнеиндийского лексикона, как *kaṣubh* (вершина), *kaṣuṇa* (высокий), *kaṣud* (острие, шпиль). Вероятнее всего, что кечуанское слово *кака* (холм) происходит от *kaṣubh* (вершина), так как в своей более полной форме оно засвидетельствовано в языке древних майя — *seseb* (гора).

Таким образом, получается, что название перуанского «Арарата» первоначально значило «металлическая вершина». И такое странное, непонятное с точки зрения перуанской мифологической традиции название легендарной горы можно объяснить, только исходя из традиции арийской, точнее, из «полярного цикла» ариев. Дело в том, что, по арийским представлениям, часто упоминаемая в «полярном цикле» мифическая «Северная гора» (на ней после потопа приносил благодарственную жертву иранский «Ной») была вся покрыта золотом. А от золотых вершин арийской мировой горы, понятно, рукой подать до металлической вершины (Свинцового холма) перуанской мировой горы.

После всего сказанного выше нас уже вряд ли может удивить обилие записанных испанскими хронистами рассказов местных индейцев о том, что именно остров Титикака был основной базой белых бородатых перуанцев.

Вдосталь набродившись вместе с народом дольменов по четырём материкам на протяжении четырех тысячелетий, беря себе в спутники то археологию, то антропологию, то ономастику, нам остается лишь сказать, что, кроме всего прочего, тропа народа дольменов промаркирована еще и числительными*.

Палестина. Чтобы покончить с проблемой «полярного цикла», исполним данное прежде обещание: показать на основании его ономастики, что Палестина являлась арийской прародиной.

Помнится, согласно арийским представлениям, «страна блаженных», т.е. их прародина, должна находиться позади гигантской горной системы или горы, протянувшейся с запада на восток, — на Крайнем Севере. В чем ошибка северной ори-

---

* Ср.: *арийск.* *eka/auka* (один) с *конт.* *oṇa/ohṇ* (один), *берб.-шайя* *uñḡ* (один), *баск.* *ika* (один, в — *amarika* — одиннадцать, где *amar* — десять), *фин.* *yokko/nen* (единица), *yksi* (один), *абхаз.* *akḥ* (один), *кит.* *igḍ* (один), *кор.* *uugḍ* (уединение), *япон.* *ikka/icu* (один), *кечуа* *'uk* (один).

ентации арийских вычислений, говорилось прежде, нам остается лишь указать подлинное местоположение прародительских гор.

У разных народов эти легендарные горы носили разные названия: Хара, Меру, Рифы/Рипы — и все они, думается, имели одни палестинские первоисточники. Взять, например, иранскую мифологию, называющую легендарную гору Харой. Так вот, на вершине легендарной Хары брала свое начало столь же легендарная река под названием **Ардви**, как и реальный **Иордан**, берущий начало на вершине палестинской горы, ныне называемой Хермон. Если же припомнить, что Иордан нередко упоминается в катастрофических легендах других индоевропейских народов (**Эридан** — греческой мифологии, **Урд** — скандинавской), то цепочка **Иордан—Эридан—Урд—Ардви** выстроится сама собой и укажет недвусмысленно на Палестину как на арийскую прародину*.

Кстати будет сказать, что упомянутой приметой описание «страны блаженных» в иранской мифологии не ограничивается. Она, например, сообщает, что полноводная Ардви, свергаясь с высоты Хары, впадает в некое море, называемое Ворукаша. Можно догадаться, что море Ворукаша — это Мертвое море, неясно другое: почему оно так называется. На основании поздней транскрипции того же названия — Варукрта — его принято переводить как «Широкие заливы (вырезы)», производя от *vari* (широкий) + *krt* (резать). Однако есть основания сомневаться в правильности такого перевода.

Прежде уже говорилось, что иранской Харе в мифологии индейцев кечуа есть параллель в виде холмистого острова Титикака. Но близостью данных элементов схождения обеих мифологий не исчерпываются. Есть в перуанских мифах и параллель к морю иранской прародины Ворукаша. Это — верховное божество кечуа Виракоча. С переводом имени кечуанского божества тоже не все в порядке, во всяком случае, звучит оно несколько диковато: «Жир (пена) моря». Однако, если взять полное имя божества и учесть индоязычие кечуа, думается, можно реконструировать его смысл и, отталкиваясь от этой реконструкции, восстановить подлинное значение названия моря иранской прародины.

Полная форма имени божества кечуа выглядит следующим образом: Конья-тиски-вира-коча, и каждое из его составляющих имеет убедительные соответствия в языках Старого Света.

* Название Иордана, видимо, восходит к *u-e.yarda* (влага). Ср.: *фрак.* *arda(s)* (течение, река), *греч.* *a'rdo* (орошать), *инд.* *ardra* (мокрый, влажный), *хетт.* *aldanni* (источник).

Сравнение кечуа и языков Старого Света показывает, что имя перуанского божества первоначально значило что-то вроде «Огненная основа дамбы моря» и представляло собой краткое описание беспокойной геологии палестинской земли. Позднее же в урезанном виде эта фраза была использована в качестве имени верховного божества кечуа Вира-кочи и названия моря иранской прародины Ворукаша.

Если бы на землю Палестины как на арийскую прародину указывала только ономастика иранских мифов, то с теорией происхождения оттуда ариев еще, вероятно, можно было бы поспорить. Но на нее же указывает практически вся ономастика «полярного цикла» независимо от источников, указывает даже тогда, когда пользуется отличными от иранской мифологии названиями. Например, у индусов легендарную гору, именуемую у иранцев Харой, называли иначе — Меру. Однако в данном случае речь идет явно об одном и том же, так как Меру — просто индийская транскрипция одного старинного названия Палестины (*шумер. Мар-ту, аккад. Амурру, египт. Имор*). Разница между иранским и индийским наименованиями праотеческих гор, оказывается, заключается в том, что индусы пользовались общим для страны и принадлежащего ей горного массива именем, тогда как иранцы выделили из горной цепи наивысшую точку — гору Хермон, исток Иордана (Ардви).

Говоря об индийской Меру, следует обратить внимание, что, хотя на языках Месопотамии именем Мар-ту, или Амурру, было принято обозначать западное направление как таковое, т.е. Сиро-Палестину в целом, во времена эль-амарнской переписки и битвы при Кадеше-Кинзе (XV — XIII века до Р.Х.), это название сохранилось лишь за небольшой областью между горой Хермон и Геннисаретским озером, где обитали остатки коренных палестинских жителей — рефаимов, т.е. топоним «Амурру» был прочно привязан к этнониму «рефаимы».

О рефаимах мы вспомнили сейчас не случайно. Дело в том, что и греки знали предание о гигантской горной гряде на Крайнем Севере, за которой находится страна блаженных гипербореев. Только в греческих мифах бытовал третий вариант названия легендарных гор: Рифейские, или Рипейские, горы. Вариант этот настолько узнаваем, что, думаю, тут излишне напоминать о совпадении его с библейским наименованием исконных жителей Палестины рефаимов (которых более правильно было бы называть не «рефаимы», а «репы»). Наша задача — лишь выяснить значение этого этнонима.

Бонгард-Левин и Грантовский, авторы упоминавшейся прежде книги «От Скифии до Индии», возводят название Рипейских/

Рифейских гор к санскритскому слову *гира* (земля), но оспаривают его общепринятое значение, считая, что первоначально это слово значило не «земля», а «гора». При этом они ссылаются на хантское слово *гер* (гора). Гипотеза эта кажется довольно правдоподобной, тем более что можно было бы добавить воды на ее мельницу, приведя дополнительные параллели из других языков: *лат.* *gupes* (утес, скала), *таит.* *гара* (скала, утес). Но не будем торопиться, подлинный смысл названия Рифейских гор был иным.

Пикантность ситуации заключается в том, что латинское слово *gupes*, приведенное как бы в подтверждение гипотезы авторов книги «От Скифии до Индии», означало не только «скала», «утес», но имело значения с обратным смыслом: «расселина», «ущелье», «скалистая пропасть». И есть все основания думать, что эти последние значения как раз являлись первичными. Обратим внимание, что и санскритское слово *гира* (земля), на которое опираются Бонгард-Левин и Грантовский, и латинское слово *gupes* (скала, утес, расселина, ущелье) выступают одновременно в очень выразительных глагольных формах: *инд.* *гира* (ломать), *лат.* *гира* (рвать, разрывать). Глаголы эти имеют соответствия в других индоевропейских языках: *рус.* *рвать*, *исл.* *gífa* (разорвать), *а-сак.* *geofan* (рвать, ломать). К тому же корню восходит и знакомое нам английское слово *gift* (трещина, расселина, ущелье), которым мы пользовались при описании геологии Палестины, называя ее рифтовой зоной. И самое замечательное, что, казалось, сугубо научное английское слово «рифт» по основе своей принадлежит к вселенскому языку и по географии его распространения почти не уступает географии потопной легенды*.

Таким образом, название Рифейских, или Рипейских, гор греческих мифов, а равно имя коренного населения Палестины — рефаимы, или репы, восходят к индоевропейскому слову *гир/*

---

* Ср.: *греч.* *gafð* (шов), *gufa* (выливать), *гир/о* (разлив реки, половодье), *лат.* *гира* (берег, реки), *givus* (ручей, канал, поток), *рум.* *гара* (обрыв, овраг, пропасть), *алб.* *gripe* (обрыв), *исл.* *guif* (дыра, отверстие), *гипт* (впадина, расселина), *англ.* *гир* (разрез), *give* (трещина), *гивер* (река), *инд.* *горат* (дыра, пещера), *иран.* *(h)gave* (река), *праслав.* *гира* (яма, дыра), *рус.* *ров*, *рапа* (соленая вода), *лит.* *gavas* (ров), *аккад.* *gurasu* (затоплять, заливать), *араб.* *гиф* (низменное, сырое место), *хауса* *agaf/i* (ручей, поток), *гир/а* (вода, водоем), *суах.* *refu* (глубокий), *малаз.* *gawa* (болото), *канд.* *огари* (пруд, водоем), *игури* (трещина), *фин.* *geria/gevin* (рвать), *гурру* (морщина).

raf/tiv (расселина, яма, ров). И тут нельзя не согласиться, что название это выбрано очень удачно, потому что, по прежде приведенным данным, Палестина является обладательницей уникального геологического явления — самой глубокой на суше впадины Вади-эль-Араба. Что, кроме нее, было бы более достойно стать своеобразной эмблемой страны, дать название ее горам и населению?

Завершая на этом исследование проблематики «полярного цикла» ариев, нам остается констатировать, что какие бы источники и какие бы названия ономастики «полярного цикла» ни использовались, все они имеют палестинский адрес. А это обстоятельство позволяет подвести единую черту под двумя интереснейшими загадками древнейшей истории: происхождение народа дольменов и арийская прародина. **Арии и народ дольменов суть одно, их прародина — Палестина.**

Атлантида. Может показаться, что, занявшись проблемой этнической принадлежности народа дольменов и поиском арийской прародины, мы достаточно далеко ушли от главной нашей темы — мифа о потопе, равно как и его подтемы — легенды об Атлантиде. Но это не так. Промаркированная дольменами тропа не только путь народа, но и путь легенды. Именно переселением народа дольменов из Палестины в Магриб можно объяснить, каким образом Атлантида, правильно отождествляемая финикийской мифологией с Палестиной, потом переместилась на север Африки и оказалась зафиксированной в таком положении у Гомера и Платона. В данном случае необходимо выяснить, как часто легенда об Атлантиде сопутствовала ариям — строителям дольменов — в их странствиях по земному шару.

Судя по специфическому полярному оформлению, арийская потопная мифология тесно связана с периодом проживания ариев на севере Европы. И если наши вычисления верны, то среди потопных мифов европейского севера может отыскаться такой, где упоминается Атлантида. Что ж, откроем «Ура Линда бук» — книгу, в которой сохранилась легенда о потопе древних фризов, чьи потомки ныне проживают на территории Нидерландов. Звучит древнефризская версия следующим образом: «...началось землетрясение, как будто предвещающее конец света. Горы извергли пламя, иногда исчезая в недрах, а иногда вздымаясь еще выше. Алдланд, которую мореплаватели называют **Атлан**, исчезла, а рассвирепевшие волны так высоко поднялись над горами, что тех, кто спасся от огня, поглотила морская бездна».

Таким образом, европейский север вполне заслуживает звание второй, после Магреба, лже-Атлантиды.

Кавказ — следующий важный этап арийской миграции, и естественно было бы ожидать присутствия легенды об Атлантиде в кавказской мифологии.

Не стану утверждать, что она сохранилась там в целости и сохранности. Однако представляется, что обрывки истории кавказской лже-Атлантиды все-таки существуют на Кавказе под видом предания о гибели создателей дольменов. Теперешние жители Кавказа называли их по-разному, но представляли себе одинаково в виде карликов, так как считали дольмены не гробницами, а домами, в которых, понятно, могли жить лишь карлики. По словам абхазов, эти карлики были первыми обитателями их страны, скотоводами и охотниками по роду занятий. Несмотря на малый рост, карлики отличались огромной физической силой; «жили они во времена, когда на земле стояло вечно теплое лето, не было ни смерти, ни рождения, ни голода, ни холода, ни болезней. Но бог, разгневавшись на них из-за нечестивого к нему отношения, покрыл землю ацанов (строителей дольменов. — А.А.) **ватным снегом** и бросил в него огонь: ацаны погибли в пламени».

Дух захватывает при чтении этих строк, и остается удивляться, как мог этот миф, пусть искореженный, пусть перемудренный, пробиться сквозь толщу четырех тысячелетий, донеся до нас единственную, но безукоризненно точную деталь, по которой узнаваем первоисточник, — снег. Да, снег, даже не настоящий, а ватный, в качестве орудия катастрофы — ярчайшая метка загипнотизированных снегом полярного севера арийских сказителей потопного мифа.

Очевидно, если наше предположение об арийском происхождении мифа об Атлантиде соответствует действительности, то должна была сохраниться и арийская первоначальная версия. Вообще в Индии имело хождение несколько вариантов мифа о потопе. Но, признаюсь, Атлантида в них не упоминалась. Однако из сказанного не следует, что Атлантида навсегда исчезла из памяти индусов. Не исчезла. Атлантида сохранилась в древнейшем слое индийской мифологии. И более того, в санскрите осталось СЛОВО, с помощью которого можно дать единственно возможное и безукоризненное объяснение значения до сих пор темного по смыслу названия «Атлантида».

Но начнем по порядку. Существовало в праиндоевропейском языке слово *tal* (дно). Русские слова «дотла», «дол», «утлый», «юдоль»

восходят к этому старинному корню. Использовалось это слово и в мифологической ономастике, один из отделов индийского загробного мира назывался Талатала (дно дна).

И существовала в праиндоевропейском языке приставка «а» со значением «не», «без», которая, в свою очередь, иногда приставлялась к слову *tal*. Слово с таким сочетанием сохранилось в санскрите и, естественно, означало «бездна» — *atala*. Известно, что иногда это слово употреблялось в древней ономастике, к нему, например, возводится старинное название Волги — **Итиль**. Таким образом, забегая немного вперед, можно сказать, что Волга является тезкой и побратимом **Атлантического** океана, оба названия происходят от слова *atala* и значат «бездна».

Но для нас гораздо важнее то, что слово *atala* выводит нас на ономастику потопного мифа, потому что к нему возводимы и брошенный в «глубину земли» финикийский **Атлант**, и ведающий «все глубины» греческий **Атлант**. Оба они — лишь образы и названия некой «бездны» (*atala*), находившейся на индоевропейской прародине.

Можно еще более уточнить значение имени Атланта, сказав, что под ним подразумевается не просто некая бездна, а бездна, заполненная водой, т.е. глубокий водоем. Недаром Гомер говорил, что Атланту «**ведомы моря все глубины**». Ну, да не это самое главное. Гораздо важнее, что слово *atala* выступало в древнеиндийской мифологии как имя собственное и с явным гидронимическим подтекстом. **Аталой** назывался особый разряд индийского загробного мира, в котором доживали свой век асуры, представители первого поколения богов, обычно сравниваемого с греческими титанами. Самое любопытное, что хозяином Аталы являлся бог моря Варуна. Иными словами Атала, или перво-Атлантида, представляла собой глубокий водоем, на дне которого оказался чрезвычайно древний слой индийской истории.

Что касается обстоятельств, при которых индийские титаны — асуры — оказались в Атале, то они практически не отличаются от обстоятельств, при которых оказались на дне морском **атланты** из платоновского мифа об **Атлантиде**.

Индийские сказители рассказывали, что некогда асуры, притесняемые богами, попросили у Брахмы благословения на постройку неприступной крепости. Благословение было дано, и асуры исполнили задуманное, назвав свой город Трипурой. Название города можно истолковать двояко: или «Трехградье», или «Тройной город». Поэтому мифографы расходились в своем описании Трипуры. Одни считали ее союзом трех городов: железно-

го, серебряного и золотого. Другие видели в названии указание на три ряда укреплений, окружавших Трипуру, выполненных из тех же материалов и в том же порядке. Хотя последняя версия считается более поздней, она, думается, точнее, так как именно с ней был совершенно согласен Платон. Описывая деятельность атлантов по благоустройству центрального дворца Атлантиды, он сообщал, что «стену вокруг наружного земляного кольца они по окружности *обделали в медь, нанося металл в расплавленном виде, стену внутреннего вала покрыли литьем из олова, а стену самого акрополя — орихалком* (желтой медью. — А.А.), испускавшим огнистое блистание» («Критий», 116 с).

Полностью согласен был Платон с индийскими сказителями и в вопросе о неприступности Трипуры. Он рассказывал, что Посейдон, огоражив холм, на котором жила его возлюбленная, прародительница атлантов, укрепил его рядами земляных валов и рвов, и это «заграждение было для людей непреодолимым» («Критий», 113 е).

К сожалению, диалог «Критий», в котором Платон должен был в деталях воссоздать гибель Атлантиды, остался недописанным. Известно только, что Атлантида в «срок для невиданных землетрясений и наводнений» была утоплена Зевсом в согласии с остальными богами. Что вполне соответствует обстоятельствам гибели Трипуры: боги бросились на штурм города асуров, Шива пустил в него, выбрав определенный срок, громовую стрелу, и... «через мгновение раздался страшный гром в вышине, небо запылало золотым огнем над гибнущей Трипурой, и твердыня асуров, вспыхнув как смоляной факел, *рухнула в пучину океана*», то есть опустилась в аталу (бездну), где асуры и по сей день томятся.

Итак, что следует из сравнения платоновского и индийского мифов? Атлантида — не название страны, а название того места, где покоятся остатки утонувшего города, — «бездна». Это обстоятельство, кроме всего прочего, хорошо объясняет, почему, несмотря на обширные индийские контакты, название Атлантиды столь редко встречается в потопных легендах.

Не менее любопытным фактом является то, что в праиндоевропейском языке слово *tal* (дно), с которого начался наш рассказ, употреблялось с другой ступени чередования г/л и звучало как *DAR* (к нему восходит русское слово «дыра»).

Употреблялось оно и в мифологической ономастике. Греческий Тартар — прямое производное от слова *dar* (дно). И самое замечательное, что, начиная с Тартара, греческого отдела за-

гробного мира, мы вновь погружаемся и по линии слова *dar* в потопную мифологию. Я имею в виду греческий миф о поражении и заточении в Тартар представителей первого поколения богов — титанов. Как ни далеки на первый взгляд друг от друга по фонетике названия «Атлантида» и «Тартар», они — ближайшие родственники. У них общий корень — *tal/dar* (дно, низ), только в случае с Тартаром он употреблен с уже привычным нам удвоением (ср. Талатала — название одного из отделов индийского загробного мира). Не велико в этих мифах и сюжетное различие, Гесиод в «Теогонии» писал о Тартаре:

*Медной стеной Тартар кругом огражден. В три ряда
Ночь непроглядная шею ему окружает, а сверху
Корни земли залегают и горько-соленого моря.
Там-то под сумрачной тьмою подземною боги Титаны
Были сокрыты решением владыки бессмертных и смертных.
Выхода нет им оттуда — **его преградил Посидаон**
Медною дверью; стена же все место вокруг обегает...
Бездна великая. Тот, кто вошел бы туда чрез ворота,
Дна не достиг бы той бездны в течение целого года.*

Как нетрудно догадаться, медная ограда Тартара, особая роль бога моря Посейдона в заточении титанов, упоминание «бездны великой» — все это в поэме Гесиода не случайно. Фактически миф о Тартаре — послесловие к мифу об Атлантиде. Гесиод просто продолжил рассказ об Атлантиде с того места, на котором оборвал его Платон, т.е. с катастрофы, и воспользовался иным фонетическим вариантом того же названия, что подтверждает другой греческий миф, где упоминается Тартар как отец хтонического чудовища Тифона, убитого богами и лежащего, по словам Страбона, на дне Мертвого моря.

Еще интересней, что слово *dar* иногда употреблялось с отрицательной приставкой «а», подобно индийской «атале». Во всяком случае, в словаре ближайших родственников индийцев — иранских ариев — оно присутствовало и звучало как **adara** (нижний).

К сожалению, в тех материалах по иранской мифологии, что нам известны, слово «адара» какой-либо мифологической нагрузки не несет. Но есть основания думать, что так было не всегда. Во-первых, судить об этом позволяет мировая мифономастика, довольно широко пользовавшаяся этим словом. Примеры: **Аудра** — литовская богиня моря, **Адири** — подводный загробный мир папуасов-кивай, чеченский **Этер** — колебатель

земли и царь загробного мира, меланезийский адаро или **атаро** — дух моря и мертвых.

Во-вторых, и самое главное, сохранился потопный миф, где использовался иранский термин «адара». Сохранился он, правда, не у иранцев, а у манси, но это обстоятельство не должно нас смущать, потому что ханты-мансийская мифология формировалась под заметным влиянием иранской.

Так вот, манси рассказывали, что в стародавние времена населяли землю люди-богатыри и звались они ... «**отыры**» (!). Но однажды верховное божество (Нуми Торум), за что-то разгневавшись на них, послало пожар, а потом и потоп. Отыры, понятно, не выдержали всех этих испытаний и стали духами загробного мира.

Как читатель, наверное, уже догадался, самое замечательное в этом более чем простом мансийском мифе — то, что название погибших богатырей — «отыры», вероятнее всего, происходит от иранского «адара» (нижний), родственного индийскому «ата-ла» (бездна), от которого, в свою очередь, произошло название утонувшей страны платоновского мифа. Вот, оказывается, как далеко от Греции можно найти Атлантиду.

Этого мало, сохранившийся у манси иранский миф наглядно демонстрирует, как выглядела легенда о Трипуре и легенда об Атлантиде еще до распада арийской общности. Оказывается, не первое поколение богов-асуров, а первое поколение людей, называемых «аталами» или «адарами», гибло в общеарийской версии, а следовательно, наречение Платоном погибшего народа атлантами древнее и более соответствует арийской традиции, нежели название «асуры» в индийской легенде о Трипуре.

Сам же принцип: возводить свой род и имя к дну Мертвого моря — восходит к обычаям еще индоевропейской общности. Недаром реликтовые индоевропейцы в Палестине звались репами — «людьми впадины или рва» (рефаимами — синодального издания Библии).

Таким образом, платоновская ономастика мифа об Атлантиде не только не оригинальна, за ней стоит глубочайшая и разветвленная традиция.

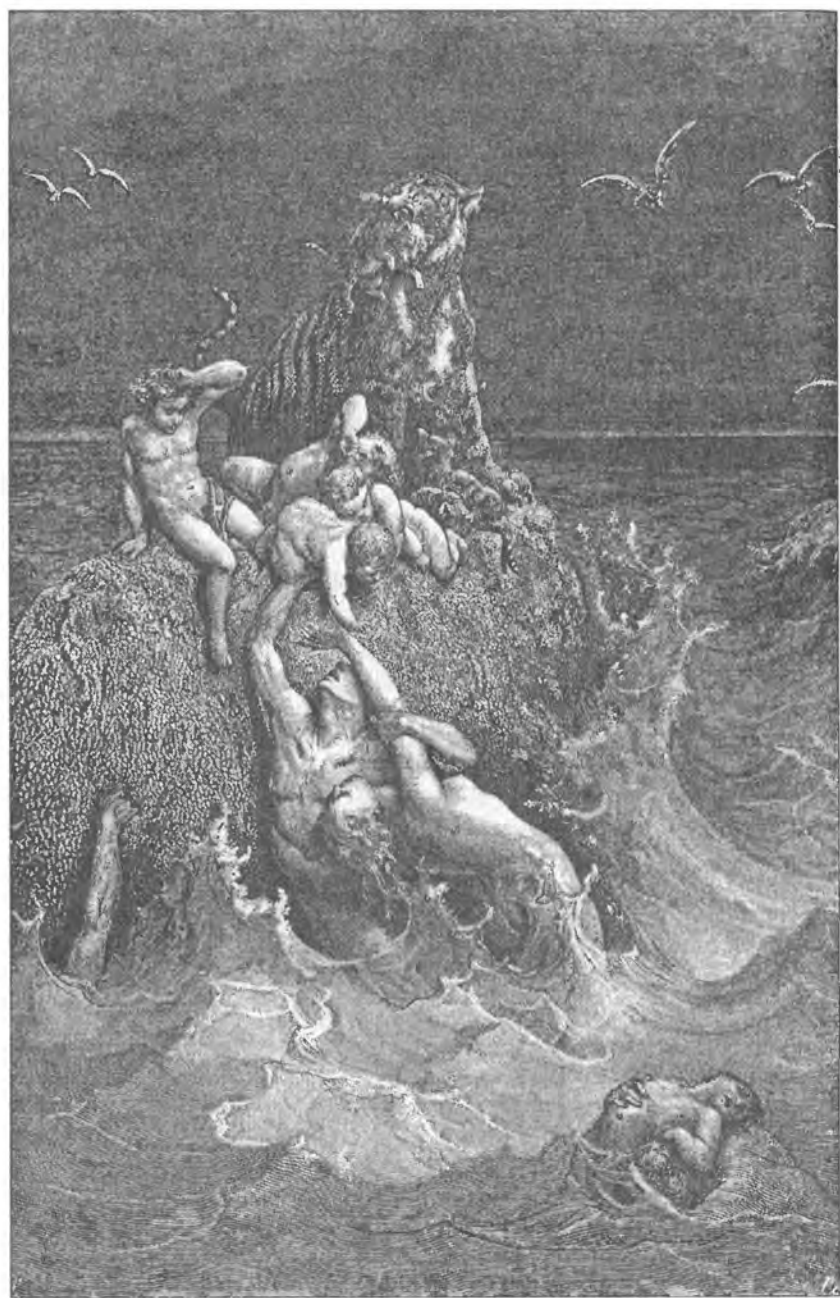
Более того, обнаруженные индийские параллели к мифу Платона отнюдь не свидетельствуют, что Платон просто пересказал миф о Трипуре. В легенде об Атлантиде просматривается множество элементов и черт, которые при всем желании из индийской мифологии и истории не выводимы.

И это понятно. Судя по датировкам болгарских дольменов, индийцы ушли из Европы не позднее XI века до Р.Х., т.е. за

семь веков до рождения философа, и значит, о какой-либо прямой передаче мифа из индийских уст в платоновские говорить не приходится.

Должно было существовать многовековое посредничество, заметно повлиявшее на содержание индийского мифа. Сами греки на роль такого посредника не годились, иначе Платон не оказался бы единственным обладателем его. Это должен был быть какой-то живший на Балканах негреческий народ, находившийся во время проживания там же индийских ариев в достаточно долгом и прочном контакте с ними.

И действительно, жил на Балканах такой народ, который дружил с индийцами, называл свою прародину Атлантидой, а себя — народом атлантов. Но о нем мы будем отдельно говорить в следующей главе.

АТЛАНТИДА-ПЕЛАСГИЯ, ИЛИ НАРОД МЕГАЛИТОВ

Бездна. Сказители, естественно, не всегда пользовались словом «атала» (бездна), рассказывая свои версии мифа о потопе. Но из этого не следует, что сам образ бездны Мертвого моря из их сказаний исчезал. Нет, просто он давался в переводе на местные языки. Таковы, например, «великая бездна», из которой разверзлись все источники (в классическом библейском мифе), или «каменная впадина», в которой родился Юй — «Ной» (в китайской версии легенды).

Особенно характерна в этом отношении «Мировая Бездна» скандинавского мифа о потопе. Младшая Эдда рассказывала о том, как Один с братьями зарезал великана по имени Имир, из ран которого вытекло столько крови, что в ней утонули все инеистые великаны, за исключением одного. Затем произошло нечто, представляющее особый интерес: Один с братьями «*взяли **Имира**, бросили в самую глубь Мировой Бездны и сделали из него землю, а из крови его — море и все воды.*» Сама земля была сделана из плоти его, горы же из костей, валуны и камни — из передних и коренных зубов».

Читатель, возможно, обратил внимание на знаменательное противоречие скандинавского рассказа о потопе. Великан Имир,

с одной стороны, послужил материалом для создания земли, а с другой стороны, он был брошен в некую «Мировую Бездну». Однако это противоречие легко разрешить, если привлечь историю Палестины. **Имир** — скандинавская версия известного нам старинного названия Палестины (*аккад.* Амурру, *египт.* Имор), значительную и наиболее ценную часть которой поглотила впадина Мертвого моря. Поэтому, судя по скандинавской версии мифа о потопе, даже когда речь идет о некой безымянной «бездне», у нее общий для потопных бездн адрес — Палестина.

Шумер. Отчасти подтверждает эту мысль и потопный миф шумеров, в котором были использованы целых два ключевых слова потопной ономастики. Я имею в виду образ райского острова **Дильмун** (или **Тильмун**), на который был отправлен шумерский «Ной» после завершения своего исторического плаванья. Перевод с шумерского языка названия острова Дильмун, кажется, отсутствует, поэтому не будет большого греха, если попробовать перевести его самостоятельно, представив это название как сложение двух известных нам корней: *tal* (дно, низ) и *maп* (человек). Возникает вопрос: чем можно подтвердить правомочность такого перевода? Во-первых, конструкция подобного рода, судя по осетинскому слову «далимон» (букв. «нижний человек»), использовалась в индоевропейской мифологии. Во-вторых, в шумерском языке имелись оба слагаемых этой конструкции: *dul* (глубина) и *maп* (товарищ, брат). Поэтому название острова Дильмун, легко переводимое не только с праиндоевропейского, но и с собственно шумерского языка, показывает общность лексических и мифологических корней и ставит шумерский Дильмун/Тильмун в один ряд с другими образами потопной мифологии, имена которых содержат корень *tal* (дно).

Крит. К числу таких родственников Дильмуна, думаю, следует отнести и критского гиганта Талоса, уже упоминавшегося на страницах этой книги. Греческие источники, вообще крайне противоречивые при изложении критской мифологии, особенно запутанны, когда речь заходит о **Талосе**. Однако есть в биографии гиганта одна деталь, позволяющая предполагать потопный подтекст этого образа: он был последним представителем медного поколения людей. Аполлоний Родосский писал о Талосе так:

*В сонме полубогов он из всех остался последним
Ясенеродных мужей, происшедших от медного корня.*

Дал Европе его сам Кронид, чтобы Крит охранял он,
трижды в день на медных ногах обегая весь остров,
руки его, и стопы, и все тело было из меди.

И медность Талоса — весьма приметная деталь. Потоп, как мы помним, задумывался с целью уничтожения именно медного поколения людей, а Талос оказался единственным уцелевшим его представителем. Следуя логике потопной мифологии, необходимо предположить, что Талос был «Ноем» критской версии легенды. Однако «Ной» такое имя носить не мог. Судя по ономастике критской мифологии, «Ноем» должен был быть первый критский царь Минос (вспомним, Ман — первоначальное имя «Ноя»). Поэтому если имя Талос (дно, низ) и прилагалось к критскому «Ною», то не в качестве личного имени, а в качестве родового, наподобие платоновских «атлантов». Вместе с тем связь между Талосом и атлантами могла оказаться теснее простой мифологической и фонетической общности, потому что значительную часть населения Крита составляло таинственное племя пеласгов, о котором весь наш дальнейший рассказ.

Греция. Пеласги — забытый народ. Этрускам — по мнению некоторых этнографов, ближайшей родне пеласгов — повезло больше. Историки заново открыли их немногим более двух столетий назад, и с тех пор культура и история этрусков стали объектом постоянного внимания специалистов и широкой публики. Именно в связи с этрусками иногда упоминаются и их родичи — пеласги, но лишь в связи, как бедные родственники богатого покойника. А жаль. Пеласги — гораздо более значительные фигуры мировой истории и культуры, нежели этруски. Пеласги — это Греция — до греков, Палестина — до евреев, Магриб — до финикийцев, Италия — до этрусков, Англия — до кельтов и т.д. Но самое главное для нас, что пеласги — это атланты до Платона.

Сведения, которыми мы располагаем о пеласагах, иначе как мизерными не назовешь. По сохранившимся крохам их языка лингвисты пришли к заключению об индоевропейском происхождении этого народа. Известно также, что были они «златовласы», из богов превыше всего чтили бога моря Посейдона, за что иногда назывались его сынами. Образ жизни пеласги вели оседлый, жили в городах, и большинство городов, которые ныне считаются греческими, были основаны пеласгами, включая круп-

нейшие: Афины, Аргос, Коринф, Иолк и т.д. Излюбленное название пеласгийских городов — Ларисса, они это название в процессе расселения разнесли по огромной территории: от Черного моря до Сирии, от Северной Месопотамии до Северной Италии. К сожалению, от этой богатой традиции до нашего времени дожила только одна Ларисса — Ларисса Пеласгийская — на севере Греции.

Наиболее заметная археологическая метка пеласгов сходна с дольменами ариев. Пеласгов также можно отнести к категории строителей мегалитов (сооружений из больших камней), разница лишь в том, что не гробницы, а стены своих городов они слагали из гигантских, тщательно пригнанных друг к другу камней. Эти стены назывались у греков «циклопическими» или «стенами пеласгов». Позднее в нашем рассказе такие стены станут исполнять роль археологической метки маршрутов странствий пеласгов по свету.

Про пеласгов рассказывали, что они были либо вообще первым народом на территории Греции, либо первым культурным народом. И, не ручаясь за первое, можно спокойно поручиться за второе. Даже греки, придя на Балканы много позднее пеласгов, долго ходили в их учениках и именно от пеласгов переняли навык такой важной хозяйственной отрасли, как мореходство. Велика была роль пеласгов и в формировании самого греческого этноса, ведь, по словам Геродота, «до своего объединения с пеласгами эллины были немногочисленны».

Ограничившись на первое время краткой характеристикой этого замечательного народа, перейдем теперь к существу дела: отношению пеласгов к платоновской Атлантиде. Первым же пунктом отметим здесь, что легенда о потопе у пеласгов рассказывалась в нескольких вариантах. До нас дошли только три версии: афинских пеласгов, аркадских пеласгов и троянских пеласгов.

Отрывок из афинского варианта сохранился благодаря Платону, включившему его, что весьма знаменательно, в миф об Атлантиде. Рассказывая древнейшую историю Афин, философ сообщал, что прежде «расположение акрополя было совсем не таким, как теперь, ибо ныне его холм оголен. И землю с него за одну ночь необычайным образом смыла вода, что произошло, когда *одновременно с землетрясением разразился неимоверный потоп*, третий по счету перед Девкалионовым бедствием. Но в *минувшие времена акрополь простирался до Эридана* и Илиса» («Критий», 112 а). Платон не говорит, откуда он взял этот рассказ о потопе в Афинах, но о пеласгийском его происхож-

дении нетрудно догадаться. Ведь и современный Платону афинский акрополь, не считая того, что якобы смысл потоп, был заложен пеласгами. Древнейшая часть афинского акрополя, называемая Пеласгиконом, и сейчас поражает зрителя остатком циклопической стены, сложенной из известняковых плит шириной почти 6 метров и высотой около 2 метров. Что касается легенды о более древнем и обширном акрополе, погибшем в катастрофе, то это, конечно, пеласгийско-афинская версия китежской легенды.

Более полно пеласгийскую версию мифа о потопе рассказывали в центре Пелопоннеса, в Аркадии. Область эта замечательна тем, что была единственной, где в историческое время продолжало сопротивляться эллинизации старинное пеласгийское население полуострова. Так вот, в аркадском варианте сообщалось, что у героя—эпонима народа Пеласга был сын Ликаон, который вместе с пятьюдесятью сыновьями, по обыкновению допотопных людей, отличался крайней нечестивостью и даже пытался накормить пришедшего к нему в гости Зевса человеческим мясом. Вполне традиционна была и реакция божества — организация потопа. Как и положено, один уцелел — сын Ликаона Никтим. Наличествует в аркадской версии и «китежский» подтекст: имена утонувших сыновей Ликаона представляют собой на самом деле названия аркадских городов и селений.

Ветвью аркадского мифа, вероятно, можно считать потопную легенду азиатских пеласгов, связываемую с основателем Трои Дарданом. Про него, являвшегося, между прочим, внуком Атланта, рассказывали, что Дардан уплыл из Аркадии во время потопа на плоту и высадился на острове Самофракии. Эта одна версия. Другая — он на надутом кожаном мешке приплыл к горе Иде в Малой Азии и основал вблизи горы Трою.

Удостоверившись в том, что пеласги не хуже Платона знали миф о потопе, займемся теперь специфическими пеласгийскими приметами легенды об Атлантиде. И начнем с того, что отметим: титан Атлант, давший имя платоновской стране, первому ее царю и народу, был не греческим божеством, хотя и попал в греческий пантеон, а пеласгийским. Если где в Греции и существовал культ Атланта, так это только в Аркадии, там он был домашним божеством, проживавшим на вершине горы Киллены. К Атланту, через семь его дочерей Плеяд, возводили свой род многие старинные фамилии пеласгов по обе стороны Эгейского моря. Дочь Атланта Электра считалась родоначальницей троянской аристократии, Майя — аркадской, Тайгета — спар-

танской и т.д. Поэтому нет ничего удивительного в том, что пеласги, встретившись где-нибудь вдаль от родных мест, использовали имя прародителя Атланта в качестве фамильного пароля. Вергилий в «Энеиде» дает прекрасный образец истории такого взаимного опознания потомков Атланта в описании встречи на итальянском берегу троянца Энея и аркадянина Эвандра. Эней говорит:

...Ведь был среди тевкров пришельцем
Трои создатель Дардан, **Атлантидой** Электрой рожденный
(греки так говорят). А отцом прекрасной Электры
Был многомошный Атлант, подпирающий небо плечами.
Вам же Меркурий — отец, а он на студеной Киллене
В горных лесах был зачат и рожден Юпитеру Майей;
Майи родителем был, если верить можно преданьям,
Тот же Атлант, подъемлющий свод многозвездного неба.
Значит, **вырос твой род из того же корня, что род мой.**

Из приведенного отрывка следует, что, хотя в литературе нет прямых указаний на ношение пеласгами имени атлантов, все-таки можно с большой долей уверенности говорить о таковом. Ведь то, что передано у Вергилия столь многословно, по содержанию своему сводится к краткой формуле: «Ты — атлант, я — атлант». А это, в свою очередь, знаменательная параллель к атлантам из платоновского мифа.

Еще одна пеласгийская примета легенды Платона — упоминание конфликта, якобы имевшего некогда место между атлантами и афинянами («Тимей», 25 в—с). Трудно полностью ручаться за историчность этого эпизода у Платона, но вообще пеласги имели повод для ссоры с афинянами. У Геродота можно найти краткое изложение сути конфликта между пеласгами и афинянами, в котором последние предстают в крайне невыгодном свете. Он писал: «Афиняне изгнали пеласгов из Аттики — справедливо ли или несправедливо они поступили — этого я не знаю и могу лишь передать, что рассказывают другие. Именно, Гекатей, сын Гегесандра, в своей истории утверждает, что афиняне поступили несправедливо. Они ведь отдали свою собственную землю у подошвы Гиметты для поселения пеласгам в награду за то, что те некогда возвели стену вокруг акрополя. Когда же афиняне увидели, что эта, прежде плохая и ничего не стоящая земля теперь прекрасно возделана, их охватила зависть и стремление вновь овладеть этой землей. Так-то афиняне без вся-

кой причины изгнали пеласгов». Картина ясная: афинской акрополь на плохую землю пеласги поменяли тоже не совсем добровольно. Ну, да не это главное. Главное, пеласги, потомки Атланта, действительно конфликтовали с афинянами.

Очевидно, на протяжении своей долгой истории греки не только наступали пеласгам на мозоли, поэтому отождествлять последних с атлантами из платоновского мифа лишь на этом основании было бы большой натяжкой. Все так. Но если вновь обратиться к мифу об Атлантиде, то, благодаря описанному в нем противоборству атлантов и афинян, выявится очень симптоматичный географический парадокс. По словам философа, сама Атлантида находилась где-то в Атлантическом океане, т.е., условно говоря, была Америкой, по эту же сторону океана атланты владели севером Африки до Египта и западом Европы до Центральной Италии («Тимей», 25 в). А значит, при подобной географии интересы атлантов и живших далеко от них на северо-востоке афинян при всем желании пересечься не могли. Откуда же тогда антагонизм? Вот в чем вопрос. Думаю, объяснить этот парадокс платоновского мифа можно лишь при условии отождествления атлантов и пеласгов. Такое отождествление позволило бы представить описанный у Платона конфликт в бесконфликтной географии как совмещение двух пластов пеласгийской истории: периода борьбы с греками и последующего периода проживания пеласгов в указанных у философа областях. Такое объяснение отвечало бы не только географии мифа, но и реальной истории Средиземноморья в период с XV по XI век до Р.Х.

Троя. Рассказывая в предыдущей главе о переселении индийцев с Кавказа во Фракию и связывая это событие с «Аргонавтикой», мы до времени опустили такую важную деталь: похитители Медеи, аргонавты, были по происхождению пеласгами. Значение этого факта трудно преувеличить. Из него следует, что уже в XV веке сложился индо-пеласгийский союз, которому было суждено три века спустя потрясти четыре материка*.

Собственно, первые плоды этот союз дал в том же XV веке. Тогда, видимо, на кораблях пеласгов индийцы переселились с Кавказа во Фракию и Магреб, у Минойской державы была отнята власть над Эгеидой и часть пеласгов переселилась на Крит.

---

* То, что на территории образовавшегося в XV веке арийского государства Миттани существовал город с пеласгийским названием Ларисса, служит топонимическим подтверждением этой гипотезы.

Уже немало. Но в сравнении с тем, что дал этот союз позднее, события XV века можно считать лишь репетицией грядущей мировой драмы.

XII век до Р.Х. — особая и, может быть, самая значительная строка мировой исторической хроники. В этот период процесс миграции этносов внезапно приобрел всемирный, хаотический, лавинообразный характер: целые народы снимаются с насиженных мест, освобождая их для инородцев, а сами уходят за тысячи километров, чтобы там или погибнуть, или уничтожить, изгнать, поработить другой народ. В одночасье обнищала и обезлюдела Греция, рухнули стены Трои, погибли величайшие державы Средиземноморья: Хеттская и Минойская. Египет устоял, но перенес такой удар, что навсегда выбыл из разряда великих держав и стал легкой добычей череды иноземных завоевателей. Палестина, Индия, Китай, Корея обрели новых властителей. В Италии, Магрибе, Англии, Мексике поверх старого культурного слоя или прямо на пустом месте одновременно возникли развитые цивилизации явно привозного свойства. Все это — в очень короткий по историческим меркам промежуток времени.

О виновнике большинства этих событий — беспокойном племени индийцев — много говорилось в предыдущей главе. Однако будем справедливы, одним индоариям, несмотря на совершенное владение супероружием того времени — конем, вряд ли удалось бы организовать переполох такого масштаба. Если бы со времен «Аргонавтики» (XV век) рука об руку с индийцами не действовали пеласги (пеласги в этой коалиции осуществляли функцию сил ВМФ: они обеспечивали переправы, десантирование и морские блокады городов), можно себе представить, какой гигантской убойной силой по тем временам обладал этот, составленный из индоариев и пеласгов, союз.

Не стану утверждать, что в индо-пеласгийской кампании XII века все ясно. Как раз наоборот. Современные событиям письменные источники исчерпываются несколькими египетскими надписями. Другие памятники, освещавшие историю того времени, создавались много веков спустя, с большей или меньшей художественной отделкой, и заслуживают доверия лишь постольку, поскольку согласуются между собой и подтверждаются данными археологии и лингвистики. В целом же на объем материала пожаловаться нельзя, и совокупно он дает пусть смутную и грубую, но все-таки правдоподобную картину развернувшейся с XII века гигантской битвы, ареной которой стал практически весь мир.

Имея опыт осады нескольких крупных греческих городов, индо-пеласгийское войско начало свою азиатскую кампанию под стенами легендарной Трои. Это событие было воспето в «Илиаде», как ни одно событие того бурного времени. Можно понять, почему с осады именно этого города началась кампания. Троя стояла заслоном на прямом пути с Балкан в Азию, и миновать ее было невозможно. Позднее Александр Македонский, начиная свой поход, именно близ троянских стен высадился на азиатский берег и воткнул в землю копье, объявляя Азии войну.

Гомер, конечно, преувеличивал, и сильно, когда пел о десятилетней осаде Трои. Город, даже для той поры, нельзя было назвать хорошо укрепленной крепостью, и время его сопротивления, вероятнее всего, исчислялось днями. Известность Трои практически исчерпывалось ее важным стратегическим значением и глубокой древностью. И, видимо, оба фактора сыграли не последнюю роль в усиленной поэтической гиперболизации такого мелкого на фоне событий тех лет деяния, как взятие Трои. При этом в тени оказались гораздо более весомые победы, одержанные тогда же гомеровскими героями. Комментаторы Гомера, захваченные динамикой схваток близ троянских стен, почти не обращают внимания на завоевания, сделанные ими помимо Трои. А ведь завоевания эти охватывали значительную часть Малой Азии.

Еще до прихода под Трою были покорены Мизия и остров Тенедос. В ходе осады Трои Ахилл разорил все малоазиатское побережье. Неполный список областей, городов и островов, пострадавших от него, можно найти у Аполлодора в «Мифологической библиотеке». И что любопытно, в данном пункте сведения греческой мифологии оказывались отчасти продублированы в египетских памятниках той поры. Надпись на стене храма в Мединет-Абу, сделанная при Рамзесе III (1204 — 1180), сообщает о некой успешной военной кампании коалиции народов, называемых у египтян « народами моря ». В надписи говорится: «...северяне... на своих островах были в смятении... (составили заговор на своих островах). Никто не мог противостоять им, от Хета, Коде, Кархемыша, Арцавы и Кипра, которые были разбиты сразу...»

Согласно Гомеру, боевые действия закончились вместе со взятием Трои. Однако, согласно ему же, а равно другим касавшимся этой темы античным писателям, мало кто из сражавшихся под Троей как из числа побежденных, так и из числа победителей поспешил после гибели города отправиться домой. Большинство вдруг принялось странствовать, и странствовать

в одном направлении — южном. Причем немногие в ходе скитаний миновали остров Крит. На нем побывали Тлеполом и Менелай с Еленой, там какое-то время жил троянский герой Эней (Овидий прямо об этом говорит, а Вергилий — намекает). Официально Одиссей не был на Крите, но, вернувшись домой, он, соблюдая инкогнито, сочинил любопытную и очень правдоподобную басню о своем критском происхождении:

Славлюсь я быть уроженцем широкоравнинного Крита...
 Прежде чем в Трою пошло броненосное племя ахейн,
 Девять я раз в корабле быстроходном с отважной дружиной
 Против людей иноземных ходил — и была нам удача...
 Стал я могуч и почтен меж народами Крита; когда же
 Грозно гремевший Зевес учредил роковой для ахейн
 Путь, сокрушивший колена столь многих мужей знаменитых,
 С Идомением, царем многославным, от критян был избран
 Я с кораблями идти к Илиону; и было отречься
 Нам невозможно: мы властью народа окованы были.
 Девять там лет воевали упорно мы, чада ахейн;
 Но на десятый, когда, ниспровергнув Приамов великий
 Град, мы к своим кораблям возвратились, бог разлучил нас.
 Мне злополучному бедствия многие Зевс приготовил.
 Целый месяц провел я с детьми и с женою в семейном
 Доме, великим богатством моим веселясь...

Одиссей явно знал, о чем говорил, и его легенда, вместе с удивительно регулярным попаданием на Крит гомеровских героев, не может не вызвать подозрения. А гибель Минойской державы Крита, датируемая тем же временем, что и гибель Трои вместе с малоазиатскими государствами, прекрасно объясняет, почему герои троянского цикла так часто посещали остров.

Египет. Там же, у Гомера, в критской легенде Одиссея описан и следующий за Критом этап военных действий. Продолжим же теперь цитату прямо с того места, на каком оборвали рассказ Одиссея:

Сильно в Египет меня устремило желанье; выбрав
 Смелых товарищей, я корабли изготовил; их девять
 Там мы оснастили новых, когда ж корабли собрались...
 Дней через пять мы к водам светлоструйным Египта
 Прибыли: в лоно потока легкопоротные наши
 Все корабли утвердив, я велел, чтоб отборные люди

Там на морском берегу сторожить их остались; другим же
 Дал приказанье с ближайших высот обозреть всю окрестность.
 Вдруг загорелось в них дикое буйство; они, обезумев,
 Грабить поля плодоносные жителей мирных Египта
 Бросились, начали жен похищать и детей малолетних,
 Зверски мужей убивая, — тревога до жителей града
 Скоро достигла, и сильная ранней зарей собралася
 Рать; колесницами, пешими, яркою медью оружий
 Поле кругом закипело; Зевес, веселящийся громом,
 В жалкое бегство моих обратил, отразить ни единый
 Силы врага не поспел, и отовсюду нас смерть окружила...
 Я подбежал к колеснице царя и с молитвой колена
 Обнял его; он меня не отвергнул; но, сжался, с ним рядом
 Сесть в колесницу велел мне, льющему слезы, и в дом свой
 Царский со мной удалился...

Все правильно. Одиссей ничего не придумал и даже ничего не преувеличил. Так и было, хотя Гомер и пытается выдать его рассказ за досужий вымысел. О том же, но в менее цветистой форме сообщают египетские надписи времен Рамзеса III. Действительно, напали на Египет тогда некие «народы моря», но потерпели поражение. Действительно, базой агрессору служил Крит. В египетском списке «народов моря» среди прочих названы: «пуласати» (пеласги), «таккара» (троянцы-тевкры) и некие «дайниуна». Упоминание «дайниуна» в египетских надписях породило целую литературу, в основном сосредоточенную на вопросе: а не были ли «дайниуна» знаменитыми гомеровскими греками-данайцами? Однако представляется сомнительной правомочность самой постановки подобного рода вопроса, потому что данайцами, скорее, были не греки, а те же пеласги. У Еврипида мы читаем:

Отец пятидесяти дочерей Данай,
 Прибывши в Аргос, основал Инаха град
 И всем, пеласгов имя кто носил,
 Данаев прозвище велел в Элладе взять.

Данные Еврипида о пеласагах-данайцах подтверждают и хеттские документы, помещавшие страну «Дануна» не в Греции, а на южном побережье Малой Азии, в районе Киликии. Так что это замечание знаменитого драматурга может претендовать на роль исторического факта.

Если попытаться охарактеризовать результат битвы за Египет между египтянами и «народами моря», то лучше всего обозначить его как ничью. Морскую битву египтяне выиграли, но, по признанию самого Рамзеса III, запечатленному на стене храма в Мединет-Абу, врагам удалось проникнуть в дельту Нила. Рамзес явно поскромничал, пеласги не только проникли туда, но овладели нильской дельтой и долго держали в своих руках. Судя по античным источникам, под их контроль попало едва ли не все ее пространство — от Канопского устья до Пелузийского. Вблизи последнего Геродот даже видел остатки судоверфей, да и само название города Пелузия, «ворот Египта», от которого пошло название устья, говорит само за себя, ясно указывая на его жителей — пеласгов.

Неудача в Египте, видимо, не сломила бойцовский пыл пеласгов. Одна часть их ушла вместе с индийцами через Баб-эль-Мандебский пролив в Эфиопию. Еще одна часть занялась колонизацией Ливии (по египетским источникам, ливийцы были союзниками «народов моря»). Греческая мифография утврждала, что в Ливии бывал Одиссей, а другой участник осады Трои — Гуней — со своими людьми заселил наиболее плодородную ее часть по реке Кинипе. Уже во времена Геродота местные жители рассказывали, будто ливийцы-пахари — выходцы из Трои.

Сводную географию расселения пеласгов сразу же вслед за египетской кампанией можно найти у того же Гомера. В третьей песне «Одиссеи» повествуется о том, как флот возвращавшегося из-под сожженной Трои царя Менелая попал в бурю и почти полностью был уничтожен, дальше же произошло вот что:

Пять остальных кораблей темноносых, похищенных бурей,
Ветер и волны ко берегу Египта примчали.
Там Менелай, собирая сокровищ и золота много,
Странствовал между народов иного языка.

Меж каких народов он странствовал, позднее рассказывал сам Менелай:

...претерпевши немало, немало скитавшись, добра я
Много привез в кораблях, возвратясь на осьмой год в отчизну.
*Видел я Кипр, посетил финикиян, достигнув Египта,
К черным проник эфиопам, гостил у сидонян, эрембов;
В Ливии был...*

Менелай не сказал, зачем ему понадобилось проникать к черным эфиопам, когда его дом находился в прямо противоположной стороне, и как достались ему богатства, но, судя по современным Менелая египетским документам, отмечавшим, что нападавшие пришли в Египет в поисках «пищи для рта своего», странствия его преследовали вполне определенную и отнюдь не бескорыстную цель.

Палестина. Как показывает список Менелая, царь побывал не только в некоторых африканских странах (Египет, Эфиопия, Ливия), но и на Ближнем Востоке (финикийцы, сидоняне, эремы). Это сообщение царя следует признать весьма знаменательным, так как главным результатом сухопутной кампании «народов моря» против Египта была потеря им Палестины, перешедшей под контроль ариев и пеласгов, называемых в Библии совокупно «филистимлянами». Хотя мы и пользуемся термином «филистимляне», но делаем это с осознанием его условности даже по отношению к его библейскому оригиналу. «Филистимляне» — типичная для перевода Библии на греческий язык переделка древнееврейского «пелиштим». В свою очередь, библейское «пелиштим» — также переделка первоначального «пеласги» с характерным переосмыслением этого этнонима: «странники», «переселенцы». Характерным его можно назвать потому, что той же переделке подверглось самоназвание и пеласгов у древних афинян, называвших их «пеларгами» (аистами), очевидно, по той же, отмеченной и иудеями, склонности пеласгов к странствиям. От видоизмененного в «пелиштим» «пеласги» и получила свое нынешнее название Палестина («земля Филистимлянская»), самым своим именем породнившаяся с Древней Грецией, которая, прежде чем называться Грецией и Элладой, носила имя Пеласгия (Геродот).

Вместе с названием из Греции в Палестину переселились и боги пеласгов. В «Одиссее», чью достоверность нам удалось прежде засвидетельствовать, есть такие характерные строки:

В это мгновенье земли колебатель могучий, покинув
Край эфиопян, с далеких Солимских высот Одиссея
В море увидел: его он узнал; в нем разгневалось сердце.

Чтобы читатель понял, в чем соль этого отрывка, снабдим его необходимым комментарием. Первое, «земли колебатель» — это Посейдон, морское божество греков. Хотя греческим богом его можно назвать лишь условно, имя Посейдона не имеет прав-

доподобной греческой этимологии и, скорее всего, пеласгийского происхождения. Пеласги больше греков ценили это божество, считали его главой небесной иерархии и своим прародителем, отчего иногда назывались «сынами Посейдона». Второе, «разгневалось сердце» в груди у Посейдона при виде уплывающего Одиссея потому, что это божество предстает в поэме главным гонителем прославленного хитреца. Третье, упоминание «края эфиопян», вероятно, связано с периодом проживания пеласгов в Эфиопии. А теперь, выяснив все это, зададимся главным вопросом: как Посейдон оказался восседающим на Солимских высотах? Впрочем, прежде следует спросить: что это за Солимские высоты? А ответ может быть следующим: Солимские высоты — это горы Палестины. Солим — сокращенное название Иерусалима, от которого, видимо, и пошло название гор. У греческого поэта Херила есть такое описание израильтян:

Пречудный шел, на взгляд, за войсками народ.
По-финикийски он иначе говорил;
Верха Солимских гор селения его,
Пространно озеро в пределах он имеет.

«Пространно озеро» — это Мертвое море, а «Солимские горы» — очевидно, окружающие его горы Палестины. Поэтому теперь, возвращаясь к отрывку из Гомера, для нас важно отметить не случайность восседания Посейдона на Солимских высотах. Эта деталь — редчайшее свидетельство того, что греки, по крайней мере во времена своего первого поэта, еще помнили о переселении пеласгов в Палестину, и образ их верховного божества, восседающего на палестинских горах, видимо, воплощал у греков факт пеласгийского суверенитета над этим районом.

Филистимляне пришли на землю Палестины раньше иудеев и обосновались на ней столь прочно, что, несмотря на все усилия последних, им так и не удалось изгнать своих предшественников, хотя планы такие безусловно имелись (Нав. 15:63). Произошло нечто обратное планам: иудеи почти сразу же и на долгие годы подпали под власть филистимлян (Суд. 14:4). Попытка сбросить с себя пеласгийское иго при первом израильском царе Сауле закончилась катастрофой и гибелью царя (1 Цар. 31). Параллельно политическому закабалению шло культурное, в последнем смысле настолько полное, что не только весь хозяйственный инструмент иудеев из-за отсутствия у них кузнецов изготовлял-

ся филистимлянами, но и точить его приходилось у них же (1 Цар. 19—22)*.

Будем справедливы, не только израильтяне, но практически весь семитский этнос Ближнего Востока в большей или меньшей степени испытал на себе влияние филистимлян. Например, давно замечено, что именно после нашествия «народов моря» финикийцы всерьез занялись мореплаванием. Прошло еще какое-то время, и симбиоз филистимлян и семитского населения Ближнего Востока достиг таких степеней, что античный мир просто перестал отличать одних от других. Например, дельфийская пифия называла финикийцев «троянским народом», а римский историк Тацит уверял, что иудеи — выходцы с Крита.

Индия. Палестина, Ливия, Эфиопия, видимо, не смогли удовлетворить гигантский аппетит всей массы завоевателей, и часть их отправилась в Индию. Завоевание Индии в XII веке принято считать сугубо арийским делом. Однако, думается, это не совсем так, и вместе с индоариями в индийском походе участвовали пеласги. Наводит на такую мысль проживание в Древней Индии какого-то могучего «варварского», т.е. неарийского, племени явана, участвовавшего во всех эпических битвах, описаниями которых так богата древнеиндийская литература. Упоминается этот народ и в Библии под именем внука Ноя, сына родоначальника европейцев Иафета — Йавана.

В обоих случаях комментаторы высказывают осторожные предположения, что под словом «явана» следует понимать греков-ионийцев. Но этого просто не может быть, потому что с греками Палестина и Индия познакомились лишь при Александре Македонском, т.е. много веков спустя после создания Библии и основных индийских эпических циклов. Кроме того, название Иония плохо переводится с греческого языка, и Еврипиду понадобилось строить надуманнейшую, запутаннейшую интригу, чтобы хоть как-то объяснить в драме «Ион» сомнительную греческую этимологию имени главного героя («ион» — «идущий впереди»). Однако все усилия знаменитого драматурга свели на нет два его предшественника: Менекрат из Элеи и Геродот. Первый утверждал, что *Ионийское побережье прежде греков населяли пеласги, а второй писал, что пеласги звались ионийцами.*

---

* Подробнее на тему влияния филистимлянской культурной традиции на Библию см. Приложение № 2.

Таким образом, ответ на загадку библейско-индийской явны прост — это пеласги-ионийцы. И, видимо, теперь можно сказать, что из индоевропейских народов не только арии, но и пеласги сыграли определенную роль при формировании индийской нации и культуры. Вещественными следами их деятельности на территории Индии, скорее всего, следует считать датируемые II тысячелетием мегалитические сооружения, найденные недавно в штате Махарашастра. А если от них бросить мостик к мегалитам, раскопанным Хейердалом на Мальдивских островах, то появятся основания думать, что пеласги ходили на своих кораблях много южнее Цейлона.

Западная Европа. Юго-восток — лишь одно из направлений, по которому двинулись пеласги. Многие из них подались на запад. География движения героев троянского цикла показывает, что кое-кого из них поманили берега Италии. Туда переселились Филоктет с соратниками, троянец Эней и, в конце концов, многострадальный Одиссей, покинувший ради Италии родную Итаку (Плутарх. «Греческие вопросы». С. 14). И все переселения не без пользы для страны. Именно этим героям, надо полагать, Италия была обязана новой, более совершенной культурой, называемой у археологов «культурой Вилланова», что возникла на территории Апеннин в XII веке.

Другой герой Трои — Тлеполем — заскучал на Крите и переселился на Балеарские острова. У мифографов не говорится, бывал ли Тлеполем в близлежащей Испании, но, судя по недавним раскопкам археологов на месте древнейшего города Испании Тартесса, скорее всего, он там бывал*.

Дальнейший путь на запад героев троянского цикла оказался недостижим для взгляда античного мифографа. Но из этого не следует, что его не было вообще. Пробел восполняет ирландская мифология. По ее сведениям, некогда в Ирландию переселился очень мудрый и ученый народ, называемый «туата де дананн» или, буквально, «народ дананн» (пеласги-данайцы?). Прежде этот народ жил «на северных островах Греции» и ходил *«между афинянами и филистимлянами»*. Каково? Английские историки склонны воспринимать все эти сообщения с иронией. Но мне кажется, ирония здесь неуместна. Можно было выдумать греческое происхождение какого-то ирландского народа,

---

* См.: Козловская В.М. Народы моря и Тартесс // Проблемы античной истории и культуры. Ереван, 1979.

но сообщение об афино-палестинских контактах нельзя было выдумать и вычитать, так как египетские надписи, посвященные нашествию «народов моря», дешифровались много позднее написания ирландских хроник. Такие факты можно было только знать, и знать из первоисточников.

Данная точка зрения находит свое подтверждение в материалах английской археологии, из которых следует, что во II тысячелетии на территории Англии появился народ (условно названный «уэссекцы»), который клал в могилы вождей *изделия критского и египетского происхождения*. Так что все сходится. И сходится не только между собой, но и с сообщением Платона, будто атланты владели всей Западной Европой вплоть до Центральной Италии.

Магриб. С берегов Западной Европы перейдем теперь на противоположный, африканский берег Средиземного моря и посмотрим, не остались ли и там следы пребывания пеласгов. Прежде, со ссылкой на труд Аль-Ваззана «Африка», уже говорилось, что белые жители Магриба — выходцы из Палестины. Но при этом до поры до времени не была упомянута любопытная двойственность взглядов местных историков на этот вопрос. Только часть их считала белых африканцев палестинцами по происхождению, другие же говорили, что они поначалу жили где-то в Азии, но потом «из-за войны, начатой против них их врагами, *они бежали по направлению к Греции, которая в то время была необитаемой. Но так как враги продолжали их преследовать, они были вынуждены перейти через Морейское (Средиземное) море, и, явившись в Африку, там поселились, тогда как их враги обосновались в Греции*».

Читая эти строки, нельзя не восхититься глубиной и чистотой народной памяти, даже тогда, когда она, казалось, противоречит сама себе. Сохранив воспоминание о событии пяти тысячелетней давности (приход из Палестины народа дольменов), она, не перекрывая его, донесла до нас свидетельство появления в Магрибе из Греции людей того же антропологического типа — пеласгов — два с половиной тысячелетия спустя. И разве только это? Упоминание о проживании пеласгов в Азии — едва ли не единственная шелочка, позволяющая заглянуть в догреческую историю этого таинственного народа, о жизни которого в Греции-то, почитай, ничего не известно. А упоминание об изгнании пеласгов из Греции? Ведь это же — сохранившийся на другом от Греции конце Средиземноморья дубль истории соперничества пеласгов

и афинян, рассказанной у Геродота буквально, а у Платона — в виде мифа.

Скажем больше, судя по некоторым высказываниям Плутарха («Римские вопросы». С. 32), давнюю обиду не забыли грекам и италийские пеласги. Что причиной их переселения в Ирландию было притеснение со стороны греков, говорили и ирландские пеласги. Таким образом, не связанных между собой, но согласных в изложении фактов источников слишком много, чтобы их игнорировать. А признание их правдоподобия, в свою очередь, много объясняет в платоновском мифе об Атлантиде. Ясно, почему в Магрибе есть Атласские горы и было племя атлантов. Ясно, почему атланты из платоновского мифа, владевшие, как и пеласги, севером Африки и западом Европы, оказались в бесконфликтной ситуации втянутыми в конфликт с афинянами. И конфликт, и заселение далеких от Греции огромных территорий — все это было с пеласгами, считавшими себя потомками Атланта.

Будем справедливы, античная память была не короче любовью другой, в ней сохранились не только воспоминания о жизни пеласгов в Греции, но и о переселении их в Магриб. Что Одиссей побывал в Магрибе и услышал там очень похожий на миф об Атлантиде феакийский рассказ, уже говорилось. Не говорилось только, что троянский герой Эней долго жил там же, прежде чем навсегда осесть в Италии. Поэты, приученные видеть во всем лишь амурную сторону дела, объясняли долгое пребывание Энея в Магрибе любовью к финикийской царице Дидоне, основательнице Карфагена. Однако здесь они ошибались. Карфаген был основан в IX веке, 300 лет спустя после Троянской войны, поэтому даже если бы Эней, сидя на африканском берегу, дотянул до прибытия Дидоны, в его охладевшем от времени сердце вряд ли нашелся бы для нее уголок. Что-то другое удерживало Энея в Магрибе. Думаю, лучше всего объяснить эту загадку может магрибская археология. Потому что именно во времена Энея, в XII веке, в Марокко на берегу Атлантического океана был заложен до сих пор поражающий воображение мегалитический город Ликс. И, сопоставив дату его закладки с характерной для пеласгов традицией мегалитического зодчества, нетрудно догадаться, кто построил Ликс и почему Эней так долго жил в Магрибе.

Упоминание мегалитического города Ликса нам понадобилось не только для того, чтобы археологической меткой подтвердить факт проживания пеласгов в Магрибе. Дело еще и в

том, что он расположен близ Канарских островов и места, где зарождается могучее Канарское течение, несущее свои воды через Атлантику напрямик в Мексиканский залив. Совпадение это следует считать многозначительным по двум причинам. Во-первых, когда испанцы высадились на Канарских островах, они обнаружили на них чрезвычайно рослых бородатых блондинов, владеющих техникой мегалитического зодчества. Испанцы называли их гуанчами и скоро поголовно уничтожили. Известий о культуре гуанчей осталось мало, но они более чем многозначительны, например, письменности гуанчей этнографы находят только один аналог — древнейшее **критское письмо***. Возможно, Платон, рассказывая про некую цепочку островов, по которой можно добраться до лежащего по другую сторону Атлантики материка («Тимей», 25 а), имел в виду именно Канары.

Америка. Вторая причина, позволяющая говорить о многозначительности расположения города Ликса, — это близость могучего Канарского течения, оседлав которое можно не просто напрямик попасть в Америку, но именно в Мексиканский залив, в ту точку его побережья, где в одно время с постройкой Ликса на пустом, гиблом месте возникла первая в Америке, поразительная по объему знаний и навыков цивилизация. В науке этой первой крупной американской культуре, праматери всех остальных цивилизаций Центральной Америки, присвоено имя «культура ольмеков». И давно ведутся споры вокруг гипотезы о привозном, старосветском ее происхождении. Аргументов в пользу ее культурологического, антропологического, биологического характера приведено больше чем достаточно. И единственное, что мешает ей сделаться общепринятым фактом, — шовинистические настроения некоторых американских историков, пытающихся «выдать замуж» американскую историю за доктрину Монро.

Поэтому интересующихся аргументами в пользу теории о наличии межатлантических контактов до Колумба я отсылаю к книге Тура Хейердала**, а ваше внимание сейчас хочу обратить на аргумент, не упомянутый в этой книге, — аргумент о мифологии. Миф — почти идеальное средство исследования движения и контактов этносов. Он не ткацкий станок и не бутылочная

* Подробнее см.: *Большаков А.А.* Коренное население Канарских островов на рубеже XV — XVI веков//Советская этнография. 1980. № 5.

** *Хейердал Т.* Древний человек и океан М., 1982.

тыква, чтобы быть изобретенным самостоятельно или самостоятельно преодолеть океан. Миф — вещь оригинальная, передается из уст в уста, поэтому лучшим доказательством древних контактов между Старым и Новым Светом являются мифологические параллели, в особенности — потопные. Скажем больше, миф о потопе настолько тонкий инструмент, что в состоянии не просто констатировать сам факт такого рода контактов, но иногда и точно указать: кто, кому и что поведал. Например, только в Греции и Латинской Америке (индейцы макуша, таманак) рассказывали, что «Ной» с женой восстанавливали человеческий род путем бросания камней через голову. Такую деталь в одном и том же контексте параллельно и независимо выдумать нельзя, ее можно только позаимствовать.

Греки за пределы Средиземного моря не выходили, значит, передатчиком явился другой, пробившийся на просторы Атлантики, балканский народ. Как звался народ, думаю, читателю не надо подсказывать. Конечно, пеласги. А танцуя от этой безукоризненной этнической метки, уже гораздо проще объяснить американские изображения бородатых блондинов, легенды о бородатых культурных героях, вспышку мегалитического созидания после XII века и множество других старосветских черт культуры Центральной Америки доколумбовой эпохи.

Можно было бы продолжить интереснейшую тему — место кампании XII века Старого Света в истории Америки, но так как речь идет сейчас о другом, о генезисе платоновского мифа, то отметим наиболее важное для нас теперь в пеласгийском открытии Америки. Платон под Атлантидой, страной атлантов, разумел Америку, хотя представления философа об этом континенте, видимо, были смутными, и он путал Америку с Канарскими островами. Источником же сведений об Америке Платону послужили глухие воспоминания о трансатлантических плаваниях пеласгов.

Добравшись до этого пункта, попробуем суммировать сейчас все добытое прежде. Сообщение Платона о том, что в древности существовала некая раскинувшаяся на три материка сверхдержава, соответствует действительности. Недаром Плутарх писал, что **«пеласги, скитаясь по большей части известных земель и покоровив почти все из них»**, основали Рим (**«Жизнеописания»**. Романул, 1). Совпадает география расселения атлантов и пеласгов: Америка, Северная Африка, Западная Европа. Правда и то, что пеласги конфликтовали с афинянами, и более чем вероятно, что звались они по своему прародителю Атланту атлантами. Боль-

ше точек схождения между мифом и историей, если учесть, что Платон историком не был, а разрыв между событиями и рассказом о них составил 7 веков, представить вряд ли возможно.

Миф об Атлантиде. Убедившись в истинности многого из того, что поведал философ об Атлантиде, займемся теперь другим, не менее интересным, чем история пеласгов, делом — реконструкцией последовательности напластований платоновского мифа. История формирования легенды об Атлантиде предоставляет почти уникальную возможность заглянуть в лабораторию мифотворчества, проследить механизм создания исторических головоломок, над разгадкой которых тщетно бьются последующие поколения.

Внешне миф об Атлантиде напоминает слоистый пирог. Если быть совсем точным, он состоит из двух исторических и пяти мифологических слоев. К первому историческому пласту в платоновском мифе можно отнести все, что роднит его с большинством потопных легенд, т.е. краткое сообщение о гибели в период «невиданных землетрясений и наводнений» славной страны и ее столицы. Кроме того, историческим выглядит замечание философа, будто в море, на месте гибели Атлантиды, образовалось такое количество ила, что он сделал это место несудоходным («Тимей», 25 d). Платон просто перепутал ил с природным асфальтом, которым и до катастрофы была богата долина Сиддим. После бедствия битум продолжал всплывать на поверхность Мертвого моря и, по сообщению путешественников, иногда в таком количестве, что действительно начинал мешать судоходству.

Еще в палестинских пределах пусть на трагическую, но простую историю бедствия стал наслаиваться первый мифологический пласт. Добавилось сообщение о порче некогда безукоризненной природы жителей страны, о гневe богов. Все это вошло в миф об Атлантиде («Критий», 121 а — с). А кроме того, в нем, видимо, остался слабый след образа «Ноя» — в том месте мифа, где говорится, что теперешние афиняне — плод «малого семени» славного рода, уцелевшего после потопа («Тимей», 23 с).

В IV тысячелетии арии ушли из Палестины, сформировав по пути свой, арийский мифологический слой, а во II тысячелетии на Кавказе произошел распад арийской общности на иранскую и индийскую ветви. После этого события началось образование специфического индийского мифологического слоя легенды об Атлантиде. Индийцы стали называть утонувший город Трипурой (Трехградьем), приписав ему три ряда неприсутпных, сделанных из разных металлов стен.

Вообще представлять себе загробный мир в виде города, окруженного металлической стеной, — в традиции индоевропейцев. Индийцы просто помножили эту традицию на сакральное число 3. Все три металлические стены вошли в миф об Атлантиде («Критий», 116 с), за бортом осталось лишь обусловленное металлической фортификацией индийское название города. И еще, сличая в этом пункте миф об Атлантиде с мифом о Трипуре, следует обратить внимание, что платоновский вариант древнее индийского. В индийских источниках говорится, что одна из стен Трипуры была железной, тогда как у Платона упоминание железа отсутствует, значит до философа дошла архаичная версия эпохи, предшествующей наступлению железного века, версия эпохи бронзы.

Кроме того, арии, позабыв, видимо, в ходе странствий первоначальное название впадины, на дне которой обрел покой прародительский город — Раф или Рап (впадина, расселина, ров), заменили его своим арийским синонимом: Атала (бездна). Это индийское название впадины и дало имя стране платоновского мифа — Атлантида.

Как минимум с XV века до Р.Х. начались интенсивные индо-пеласгийские контакты. Они дали мифу следующее мифологическое наслоение. Пеласги, судя по всему, сцепили индийский миф о Трипуре со своим потопным мифом, в результате чего сложилось сказание о гибели двух славных народов и двух славных городов: столицы Атлантиды и афинского акрополя. Соответствующая цитата из потопного мифа пеласгов-афинян, извлеченная из диалога Платона, приводилась прежде. После слияния индийской и пеласгийской потопных легенд индийское название Мертвого моря перешло к пеласгам и получило от них суффикс *ant*. Дело в том, что греческая традиция сохранила две формы, производные от индийской Аталы, — Атлас и Атлант. Первая из них — греческая, вторая — пеласгийская, это видно из того, что в пеласгийском языке существовал топонимический суффикс *ant*, т.е. суффикс, указывающий на географическую точку, присутствующую в имени Атланта. И использование этого суффикса в мифе об Атлантиде — лишнее подтверждение участия пеласгов в формировании платоновского мифа.

К сугубо пеласгийскому мифологическому слою скорее всего следует отнести и сообщение Платона, будто родоначальниками атлантов были девочка-сирота и бог Посейдон. То же самое говорил Гомер, только в применении к родословной живущих в Магребфе феаков, добавляя при этом, что девочка сле-

лалась сиротой после гибели святотатственного рода гигантов. Следуя логике потопной мифологии, естественным было бы предположить, что некоторые пеласгийские роды, повлиявшие на формирование мифа об Атлантиде и мифа о феаках, попытались с помощью девочки-сироты решить характерную для потопной мифологии проблему кровосмешения уцелевшей после бедствия пары. Они «спасли» не брата и сестру, а только сестру и выдали ее замуж за верховное божество пеласгов Посейдона.

В XII веке началась беспримерная военная кампания пеласгов, завершившаяся созданием на западе от Греции трехматериковой державы. А шесть веков спустя история создания державы пеласгов дала новый, не мифологический, а исторический слой легенды об Атлантиде. Этот слой, по имени знаменитого афинского законодателя Солон, мне хотелось бы назвать «солонovým».

Причин для такого наименования несколько. Во-первых, не случайно в диалогах Платона миф об Атлантиде пересказывается **со слов Солона**. Во-вторых, знаменитый законодатель хоть и родился на Саламине, был горячим патриотом Афин, человеком, живо интересующимся историей города (его можно назвать первым греческим археологом). А так как заниматься афинской историей вне пеласгийской истории было невозможно, то естественно, что значительную часть своих изысканий Солон посвятил именно пеласгам; благо в его времена в самой Греции и на Крите, где он бывал, уцелели отдельные принадлежавшие пеласгам области. Наконец, как и у пеласгов, родословная самого Солон восходила к богу Посейдону, и значит, у законодателя были чисто личные причины для занятий пеласгийской историей.

Сумму собранных Солоном сведений о пеласагах, думаю, и следует считать тем фактологическим гумусом, на котором произрос миф об Атлантиде. Солон, судя по всему, знал совместную индо-пеласгийскую легенду о потопе, историю кампании пеласгов на западе в XII веке, был осведомлен о ритуалах пеласгийских царей («Критий», 119 d, 120 c). Все эти сведения, но с сильной путаницей в последовательности изложения, вошли в диалоги Платона.

Причина же путаницы видится в том, что Солон не оставил каких-либо письменных исторических сочинений, история была для него своего рода хобби, поэтому все изыскания законодателя в этой области могли остаться чисто домашним преданием, передаваемым по наследству, из уст в уста. А этим обстоятель-

ством, в свою очередь, легко объяснить то, что миф об Атлантиде остался неведом другим грекам и что до Платона он дошел в сильно искаженном виде.

Кто и когда за шесть поколений, отделяющих Солона от Платона, внес хаос в рассказ законодателя, выяснить теперь уже невозможно. Во всяком случае, мать Платона была из рода Солона, и, скорее всего, именно она сообщила философу в сильно перелицованном виде те сведения о пеласагах, что собрал ее предок. Вместо того чтобы последовательно рассказать, как после потопа осталась в живых девочка-сирота, как от союза ее с Посейдоном размножился славный род атлантов, как этот род конфликтовал с греками-афинянами, а потом уплыл на запад и завоевал три материка, она прокрутила рассказ задом наперед: что был славный род атлантов, владевший на западе тремя материками, что он стал конфликтовать с афинянами и потерпел неудачу, а потом целиком погиб в результате потопа. Вот так и родился как бы лишенный реальной исторической основы и совершенно оригинальный миф об Атлантиде.

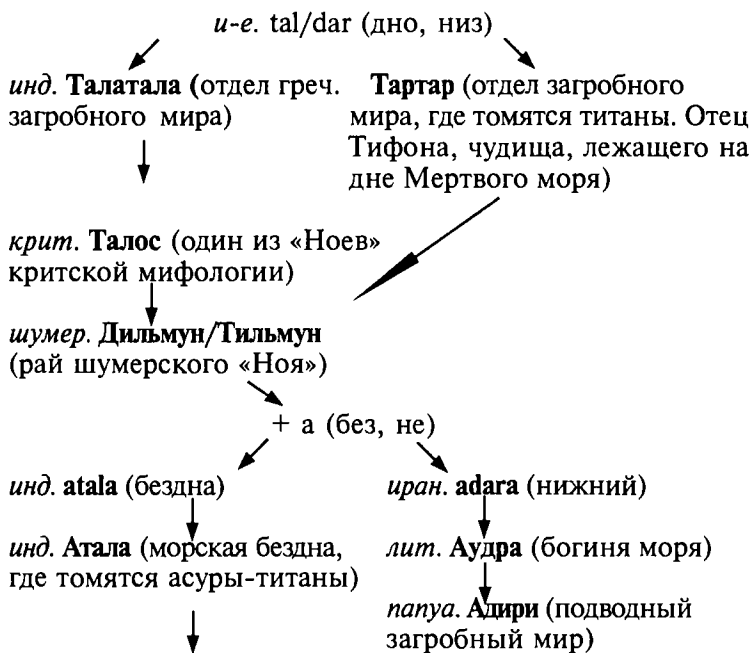
Последний, опять-таки мифологический пласт добавил к легенде уже сам Платон. Он долгое время был одержим идеей создания идеального государства, даже пытался воплотить ее с помощью сиракузского тирана Дионисия. Когда же эта затея провалилась, Платон обратился к бумаге и начертил в серии диалогов под общим названием «Государство» проект идеальной, построенной исключительно на рациональных основаниях общественной системы. Изложенное в «Государстве», видимо, со временем перестало удовлетворять философа, и он продолжил тему уже с использованием рассказанного матерью мифа об Атлантиде.

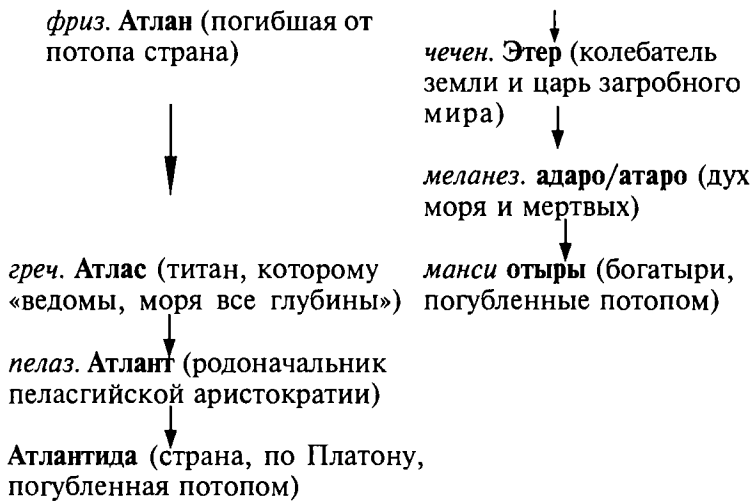
Что диалог «Тимей» писался вдогонку «Государству», об этом сообщал сам Платон («Тимей», 25 е), но он не признавался при этом, зачем нужно было вводить в него миф об Атлантиде. А смысл был в том, чтобы под именем страны атлантов дать зримую картину идеальной, созданной при помощи циркуля и линейки страны, подобие которой Платон тщетно пытался создать в натуре. Поэтому все, что есть в описании Атлантиды — от наделенного богатой фантазией и в тоже время расчетливого архитектора, — это мифологический дар самого Платона.

Заключая на этом анализ мифа об Атлантиде (а к нему мы обращались на протяжении всей книги), представим в виде схемы последовательность его напластований.

1. Индоевропейская история.
- ↓
2. Индоевропейская мифология.
- ↓
3. Арийская мифология.
- ↓
4. Индийская мифология.
- ↓
5. Пеласгийская мифология.
- ↓
6. Солоновская (пеласгийская) история с последующим искажением.
- ↓
7. Платоновская мифология.

Последнее, что, вероятно, следует сделать в настоящей главе, — это схематично представить всю эволюционную цепочку фонетической и мифологической трансформации индоевропейского слова *tal/dar*, от которого образовано название страны платоновского мифа — Атлантида.

ФЕНОМЕН ПОТОПА

(Эпилог)

История — странная наука. Не беря на себя роль последовательного критика данной отрасли знания, не могу не отметить скудость и косоглазие того, что сейчас принято называть историей. Известный американский шумеролог Самюэль Крамер назвал свою книгу «История начинается в Шумере», и, как ни диковато звучит это название, оно в немалой степени отражает существующее положение вещей. Казалось, история родилась вместе с человеком, и какую бы цифру ни называли в связи с возникновением человеческого рода, она с самого начала должна была стать его спутницей. Но на самом деле это не так, и Самюэль Крамер по-своему прав, начиная историю от Шумера, так как в названии его книги отразился нынешний абсолютный приоритет письменной традиции, впервые возникшей в Шумере, над всякой другой. Именно письменность расчленила время на «историческое» и «доисторическое», поделила нации и культуры на древние и юные. Слов нет, изобретение письменности — величайшее завоевание человечества, но начинать с нее исторический отсчет — это все равно что с фонографа Томаса Эдисона начинать историю музыки.

Может показаться, что автор здесь ломится в открытую дверь: конечно, фонограф моложе музыки. Но в том-то и вся соль, что современная историческая практика подтверждает действительность методологического нонсенса, при котором древность

записи оказывается равнозначной древности как таковой. Представления о древности, а вместе с ней и о первородстве мифа о потопе менялись по мере обнаружения все более старых записей, пока история его не уперлась в шумерские таблички. Теперь читатель знает, насколько молода в действительности шумерская версия легенды. Но знание это давно могло стать общим местом, если бы устная традиция с самого начала была приравнена к письменной. Принципиальное равноправие обеих традиций сделало бы не сомнительный археологический, а надежнейший текстологический анализ главным орудием при выяснении прародин мифа или сравнительной древности тех или иных версий.

Еще один, загнавший изучение потопной мифологии в тупик дефект современной истории — это представление о якобы присущей древним народам гиподинамии, представление о некоем мистическом ужасе, испытываемом до Колумба человеком перед морской стихией. Оба эти представления не имеют никакого реального основания и представляют собой попытки некоторых историков редуцировать в глубокое прошлое свои собственные робость и лень. На самом деле древний человек был существом динамичным, легким на подъем, иначе ему просто не удалось бы свершить величайшее из своих дел — освоить всю сушу, включая самые дальние и недоступные из ее медвежьих углов.

Что касается мореплавания, то оно являлось одним из древнейших занятий человека. История заселения Австралии и Полинезии за тысячелетия до Колумба — прекрасный тому пример. Атлантика тем более не была для человека чем-то непреодолимым. Опыт Алена Бомбара, который в надувной лодке, один, без запасов пищи и воды, преодолел Атлантику, практически сводит на нет старый тезис историков-изоляционистов о невозможности трансатлантических плаваний до изобретения каравелл.

Сам по себе спор между изоляционистами и диффузионистами — явление нормальное. Ненормально другое — то, что многолетнее безраздельное господство изоляционизма гирей повисло на руках мифологов, исключив из вселенской семьи потопных мифов ее чрезвычайно важный американский отдел. А без архаичных американских легенд полноценное исследование генезиса многих старосветских, особенно ближневосточных, мифов сделалось практически невозможным. Поэтому, с одной стороны, признание существования широкой трансокеанской диффузии до Колумба является неременным условием полноценного анализа источников потопной мифологии, а с другой —

наличие американского отдела этой мифологии является безукоризненным доказательством такого рода диффузии.

При этом не следует думать, что только массовые, всенародные заплывы через океан могли обеспечить вживание мифа о потопе в мифологию американских индейцев. Миф — штука чрезвычайно легкая, носителем и передатчиком его способен стать один человек. Поэтому достаточно было одному человеку оказаться в положении Алена Бомбара, и этого вполне хватило, чтобы миф о потопе приобрел в Америке права гражданства. А сколько людей могло стать такими «бомбарами» на протяжении тысячелетней истории мифа о потопе?

Выразительной иллюстрацией мысли о роли одного чужеземца в культуре целого народа служит история русского этнографа Миклухо-Маклая. Он, во второй половине XIX века, несколько лет прожил среди папуасов Новой Гвинеи, жил на отшибе, своего культурного багажа профессионального этнографа папуасам не навязывал, но и по сегодняшний день в языках Западного Ириана можно встретить слова: *gleba* (хлеб), *тарогга* (топор), *bika* (бык) и т.д. Не знаем мы точно о жизни Миклухо-Маклая на Новой Гвинее, все эти русские словечки в устах папуасов пришлось бы, по обыкновению, списать на случай и козни дьявола.

Представление о гиподинамии народов сильно навредило и решению родственной проблеме потопы — проблемы прародины индоевропейцев. Долгое время историки принципиально отказывались ее искать где-либо за пределами Европы. Лед тронулся только недавно. Одно из свидетельств такой подвижки — новая концепция известных филологов Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова. На основании анализа праиндоевропейской лексики они пришли к выводу, что прародина индоевропейцев находилась в Азии и имела такие внешние приметы: **умеренный климат, горный ландшафт, заросший дубовыми лесами, соленое озеро.** Узнаваемо?

Было бы идеально, если бы названные филологи, разыскивая на карте Азии точку с такими приметами, прямо указали на Палестину. Но, увы, они избрали другой район: Северную Месопотамию, территорию между озером Ван и озером Урмия. Однако, придя к такому ошибочному на первый взгляд выводу, Гамкрелидзе и Иванов почти не ошиблись. Потому что из Палестины в Северную Месопотамию действительно ушла какая-то очень крупная ветвь индоевропейцев. Ее уход описан в библейской легенде о Вавилонской башне. Напомню, в ней говорилось,

что из Палестины («с востока») в Северную Месопотамию («землю Сенаар») ушла группа людей, владевшая техникой каменного зодчества, но в условиях Месопотамии вынужденная перейти на глинобитное. Еще напомним, что это сообщение подтвердили раскопки советской экспедиции, нашедшей на севере Ирака копию Иерихона — Телль-Магзалию.

То обстоятельство, что бывшие палестинцы избрали местом проживания район озера Ван (куда за ними последовали Гамкрелидзе и Иванов), следует признать в высшей степени характерным. Это место удивительно напоминает Палестину. Озеро Ван мертво. Мертво оно не от соли, правда, а от соды, но древние в такие детали не входили и называли его «соленным озером». Реки, стекающие в озеро с окрестных гор, легко ассоциируются с Иорданом и его притоками, флора и фауна практически неотличимы. Что еще было нужно беженцам из Палестины? Так что в силу редкого сходства Северной Месопотамии и Палестины северомесопотамский адрес прародины индоевропейцев у Гамкрелидзе и Иванова хотя и не верен, но по-своему оправдан.

Думаю, известные филологи обладали бы более точными ориентирами, если наряду с праиндоевропейской лексикой привлекли бы к своим поискам праиндоевропейскую мифологию. В этом случае, например, к таким приметам, как горный ландшафт и соленое озеро на индоевропейской прародине, они могли бы добавить, что этот горный ландшафт находился в зоне большой сейсмической активности и вода из озера почиталась у индоевропейцев как вода бессмертия.

Вывожу это из того, что в мифологиях индоевропейцев часто повторяется образ добываемой с помощью **движущихся гор** особой, дарующей бессмертие воды. Согласно русским сказкам, знаменитая «живая вода» находилась меж «толкучих гор». Индийские боги добывали напиток бессмертия амриту путем пахтания Мирового океана, при этом мутовкой им служила гора Мандара. Скандинавы называли поэзию «влагой Сталкивающих скал» (Хнитбьерга). Греки рассказывали, что голуби, носящие Зевсу напиток богов амброзию, обязательно должны были пролетать между неких «Сталкивающих» скал (Симплегад). Из приведенных примеров видно, что на прародине индоевропейцев находился какой-то священный водоем, который они считали порождением движения гор, т.е. сейсмической активности.

Представление индоевропейцев о зарождающейся среди движущихся гор воде бессмертия — явно плод воспоминаний о катастрофе на их прародине и является одним из ответвлений по-

топного мифа. Поэтому проблема индоевропейской прародины неотделима от проблемы прародины потопного мифа. А по последнему вопросу у нас набралось достаточно материала, чтобы с полной уверенностью назвать адрес: Палестина. В потопных легендах упоминаются едва ли не все известные варианты названий Сиро-Палестины.

Амурру или Мар-ту: *Имир* (Скандинавия), *Пузур-Амурру* (Акад), *Меру* (Индия), *Маори* (Пасха).

Омея: *Яма* (Индия), *Иима* (Иран), *Ямм* (Финикия).

Ассирия или Сирия: *Осирус* (Египет), *Ассирийское озеро* (Финикия), *Сириада* (Флавий).

Канаан: *Канан* (Коран).

Палестина: *Палестин* (Плутарх).

Кроме того, в индоевропейской мифологии нередко упоминается **Иордана:** *Ардеи* (Иран), *Урд* (Скандинавия), *Эридан* (Греция).

Подводя сейчас окончательный итог анализа ономастики потопной мифологии, перечислю кратко результаты ее реконструкции. Первое: утонувший город или его центральный храм назывался **kad-yagha** (дом предка) или просто **kad** (дом). Второе: священный дуб, мыслившийся как мировое древо, именовался **yagha-yagha** (предок предков или вождь вождей). Третье: первый «Ной» носил титул **yagha** (старший, предок, вождь), а имя ему было тап (человек, премудрый) и помимо своего личного имени и титула он мог носить еще родовое прозвище, происходящее от двух вариантов названия Мертвого моря: **gar/raf** (впадина, расселина, ров) или **tal/dar** (дно, низ).

Совпадение прародины потопного мифа с прародиной индоевропейцев много объясняет в истории последних. Потопом, к примеру, естественней всего было бы объяснить сам факт распада индоевропейской общности. Так, древнейший греческий географ Посидоний считал, что «переселение кимвров и родственных им племен из их родной страны произошло *вследствие внезапного наступления моря*» («Страбон». С. 2, 3, 6). Посидоний явно знал, о чем говорил: такое объяснение переселения не выдумать, и нет к тому нужды. Теперь мы можем не только подтвердить справедливость его слов, но и назвать место, откуда потоп вытолкнул отдельные ветви индоевропейцев.

Последний вопрос — о времени этого эпохального события. Крайние точки здесь могут быть таковы: не ранее VIII тысячелетия, т.е. времени начала градостроительства в Палестине, и не позднее середины III тысячелетия, времени шумерской первой записи мифа. Разумеется, временное пространство между VIII и

III тысячелетием — это максимально широкий промежуток для установления даты потопа, и по некоторым приметам его можно основательно сузить. Скажем, зная, сколько эволюционных витков пришлось сделать мифу о потопе, прежде чем принять шумерский облик, нетрудно догадаться, что тем же III тысячелетием датировать потоп вряд ли возможно. К сожалению, мифология не в состоянии установить, сколько времени ушло на формирование каждого из мифов. Поэтому к сказанному можно добавить только, что арии (народ дольменов), уйдя из Палестины в IV тысячелетии, уже знали миф о потопе и знали его в достаточно развитой форме, в сцепке с «шестодневом». А для того чтобы китежская легенда сцепилась с «шестодневом» — тоже нужно время.

Есть еще одна археологическая примета: VI тысячелетием датирует археология закладку финикийского города Библа и начало земледелия в Египте. А так как оба эти события связывались в местных мифологиях с потопом, то нижнюю границу датировки потопа следует поднять минимум до VI тысячелетия.

Наверное, допустимо несколько опустить и верхнюю границу. В VIII тысячелетии в Палестине только началось градостроительство. И «Китеж» должен был достаточно долго простоять на земле до потопа, чтобы стать тем культовым центром, память о котором жила в веках. Таким образом, дату потопа лучше всего поместить где-то между VII и VI тысячелетиями.

Вопрос: какие удобства сулит историку и мифологу эта дата? Ответ: первое, она очень подходит, чтобы с нее начать отсчет распада индоевропейской общности; второе, дистанция в 3 — 4 тысячелетия до шумерской записи мифа достаточна, чтобы легенда приняла тот вид, какой она приняла у шумеров; третье, 7 — 8 тысячелетий от потопа до того момента, когда христианская и исламская мифологии почти полностью перекрыли собственно индоевропейскую мифологию, также довольно, чтобы основные элементы последней оказались разнесенными по миру, и не один раз.

Таким образом, сейчас мы в состоянии ответить на все основные вопросы потопной мифологии: где и когда был потоп, какой народ сочинил миф и разнес его по свету? **Потоп был между VII и VI тысячелетиями на прародине индоевропейцев Палестине, а индоевропейцы были главными авторами и носителями мифа.**

И последнее. Может показаться, что никаких других целей, кроме ответов на перечисленные вопросы, автор в процессе

работы над книгой не преследовал. Но это не так, была еще сверхзадача: способствовать своими исследованиями укреплению единства человечества. Ведь не секрет, что на смену доказавшим свою несостоятельность антропологическим теориям, пытавшимся разобщить человечество по внешним признакам, все чаще приходит культурный шовинизм: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись». Неправда, можно сойтись! Есть всечеловеческая точка такого культурного схождения — миф о потопе. Как бы мало ни походили друг на друга русский, с тоской взирающий на гладь Светлояр-озера, еврей, исследующий свою родословную вплоть до Ноя, китаец, думающий, что горы его страны — разросшийся зародыш «вспучивающейся земли», или тлинкит, с улыбкой вспоминающий, как его предок чуть не утонул, увлеченный любовными шашнями с родной теткой, — все они — люди одной культуры. Только культура эта настолько древняя, богатая и разнообразная, что выглядит подчас разнородной, лишенной внутреннего единства. Но на самом деле это не так, корни у нее одни. Поэтому нет на земле человека, который сейчас имел бы право, надменно третируя другого, говорить об исключительности и неповторимости своего культурного наследия. Это и есть самый главный вывод, который следует из истории мифа о потопе.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение №1

Англичане в Перу

В истории завоевания испанцами древнего государства инков присутствует один знаменательный и в высшей степени любопытный момент: странное взаимное узнавание инков и испанцев, несмотря на все различия, обоюдное ощущение былой этнокультурной общности. Сначала инки признали в испанцах своих и назвали их инками, а затем и испанцы, познакомившись с инкскими преданиями, пришли к выводу, что инки — потомки одного из пропавших израильских колен, а инкское божество Вира-Коча — обожествленный апостол Варфоломей.

Факт такого странного взаимного узнавания, давно известный, тем не менее редко воспринимался всерьез и почти не исследовался (если не считать неудачных попыток испанских монахов слить иврит и язык индейцев кечуа). А это достойно сожаления, ибо инки и испанцы действительно оказались довольно близкой родней. Анализ преданий, обычаев, религии и языка инков подтверждает справедливость древних предположений и указывает на индоевропейское, точнее германское, а если быть совсем точным, на англосаксонское происхождение инков.

Но не будем торопиться и попытаемся объяснить, чем может быть обусловлен такой вывод. Начнем с вопроса о мотивах, которыми руководствовались инки, называя инками испанцев. На первый взгляд мотивировка эта звучала более чем парадоксально, так как опиралась она, кажется, не на сходство между двумя народами, а на их отличие. Инки, безбородые, носившие короткие одежды и, как предполагается, исконные обитатели Перу, называли испанцев инками потому, что те были борода-

ты, целиком покрывали себя одеждой и прибыли в страну из-за моря. Однако был в этой параллели и свой смысл, так как инки усматривали в испанцах сходство не с собой, а со своими отдаленными предками.

Легенду о бородатых предках инкская традиция в основном связывала с первой в ряду инкских императоров более или менее исторической фигурой — верховным инкой Паче Кутеком (Вира-Кочей). Рассказывают, что когда он, будучи принцем, однажды заснул, то явился ему в сонном видении некий муж, бородатый, в длинных до пят свободных одеждах, с «незнакомым животным» на поводке. Призрак назвал себя божественным предком Вира-Кочей, «дядей» принца, предупредил его о мятеже индейцев племени чанка и обещал содействие. Позднее, когда стоявшему во главе ополчения Паче Кутеку удалось разгромить войско чанков, он утверждал, что в битве на его стороне невидимо принимали участие его предки, бородатые люди. Став императором, Паче Кутек собственноручно изготовил статую Вира-Кочи, изобразив таким, каким пригрезился ему в тот памятный день: стройный мужчина с бородой в ладонь, в длинных одеждах, со странным животным «неизвестного вида, с лапами льва, его шея была перевязана цепью, конец которой находился в одной руке статуи» (собака?).

Хотя инкская история приписывала бороду не Паче Кутеку, а его божественному предку, не исключено, что и сам он еще носил таковую. Во всяком случае, индейско-испанский хронист Айяла изобразил его на своем рисунке с неким подобием бороды. Главную жену Паче Кутека отличал, добавим, цвет кожи, более белый, чем обычно бывает у индианок.

Современная археология подтвердила истинность инкских преданий. При раскопках перуанских некрополей было обнаружено множество мумий с тонкими, волнистыми, светлыми волосами. Об одной мужской мумии археолог писал: «Волосы почти не подверглись изменениям и заметно отличаются от волос, характерных для индейцев северного континента. Они каштанового цвета и строением подобны самым тонким англосаксонским волосам». Обратим внимание на то, что это достаточно давнее упоминание «англосаксонских» волос в связи с перуанской археологией позволяет утверждать, что параллель Англия — Перу уже имеет к настоящему моменту свою историю.

Относительно национальности инков в научной среде прочно укоренилось мнение, будто принадлежали они к племени индейцев кечуа и составляли высший слой кечуанской аристо-

кратии. Однако сами инки вряд ли согласились бы с таким мнением. Они утверждали, что звание инков индейцы кечуа носили не по крови, а по привилегии, данной им в знак признательности за помощь в борьбе с племенем чанка. Природные же инки считали себя исключительным явлением в этносе Перу. Они тщательно следили за чистотой своей крови, доходя в своем стремлении соблюсти ее до кровосмешения, и имели собственный, отличный от общегосударственного языка кечуа тайный язык, «на котором они говорили между собой, ибо его не понимали остальные индейцы, и им не было дозволено изучать его, поскольку он был божественным языком».

К языку инков мы еще вернемся. А пока отметим главное: удивительное упорство, с каким инки отстаивали свою самобытность в среде, казалось, ничем этнически от них не отличавшейся, и наличие у них легенд о похожих на европейцев бородатых, светлокожих, прибывших из-за моря предках, придумать которые безбородым, смуглокожим индейцам было просто не под силу.

Выяснив, чем мотивировали инки свое родственное чувство к испанцам, обратимся теперь к обстоятельствам, позволившим испанцам пойти им навстречу и даже увидеть в инках потомков одного из пропавших израильских колен. Одним из главных аргументов явилось здесь сходство библейской и инкской легенд о потопе. Испанцев поразило даже не столько совпадение сюжетов, сколько одинаковое число участников потопного плавания — в обоих случаях их было восемь: четыре женщины и четверо мужчин. Инко-испанский хронист Вега писал: «Некоторые любознательные испанцы, слушая эти рассказы, хотят сказать, что индейцам была ведома история Ноя и трех сыновей, жены и невесток, которые и были теми четырьмя мужчинами и четырьмя женщинами, которых Бог спас от потопа, что это те самые люди, о которых рассказывала легенда» инков. Это-то сходство и подтолкнуло некоторых испанцев на попытку сличить иврит и язык индейцев кечуа, при этом испанцы не знали, что потопных легенд существовало множество и в некоторых из них, не только библейской и инкской, число участников плавания равнялось восьми (индийский, сирийский, фиджийский варианты).

Ошибки такого рода не дискредитируют сам принцип поиска родни путем сличения легенд. Только в данном случае из большого числа потопных версий следует избрать именно ту, которая из всех существующих более других походит на инкскую. Многие легенды, помимо библейской, могут претендовать на

звание таковой, но самой подходящей выглядит германская версия мифа о потопе.

Подобно инкам, у древних германцев было два варианта этой легенды, и так же, как у инков, в одном варианте потопных героев было двое («Ной» с женой), в другом — восемь. Последний, восьмичленный вариант у германцев не сохранился, и автор «Младшей Эдды» в прологе, говоря о прародителях, имеет в виду главу восьмерки — библейского Ноя. Однако есть основания предполагать, что в пору язычества вместо Ноя у них называлось другое имя. Римский историк Тацит писал: «В древних песнопениях — а германцам известен только один этот вид повествования о былом и только такие анналы — они славят порожденного землей бога Тиустона. *Его сын Манн — прародитель и праотец их народа: Манну они приписывают трех сыновей*, по имени которых обитающие близ Океана прозываются ингевонами, посредине — гермионами, все прочие — истевонами». Поскольку Тацит называет в качестве прародителей германцев четырех мужчин, то, прибавив к ним их жен, легко прийти к выводу, что всего у германцев было восемь прародителей, то есть столько же, сколько и у инков.

В принципе, это обстоятельство не давало бы большого преимущества германской версии легенды над библейской, если бы в первом случае не совпадали вместе с числом и имена главных героев: Манн — у германцев, Манко — у инков. Таким образом, сравнение инкской и германской легенд помимо сходства сюжетов дает не менее трех точек соприкосновения: по числу вариантов легенд (два), по числу героев в каждом из них (два и восемь) и по имени главных героев (Манн и Манко).

Делая выводы, можно сказать, что исследование самого раннего, существовавшего на уровне мифа-предания слоя инкской истории дает очень любопытный результат: возможность происхождения инков от европейцев и, может быть, даже точнее — от древних германцев. Разумеется, пока данных мало, чтобы говорить об этом с уверенностью, но, думаю, достаточно, чтобы вести поиск предков инков в германском направлении. Продолжим же его, начав с инко-германских параллелей в сфере быта и культуры.

Будучи, казалось, плоть от плоти местных индейцев, инки в то же время явились крупными реформаторами в области морали и права Древнего Перу. Сам по себе факт такого рода деятельности был бы не так удивителен, если бы реформа не осуществлялась в чисто германском духе. Читая в испанских хрониках стро-

ки, посвященные правовой реформе, невольно начинаешь подозревать, что это лишь краткий пересказ соответствующих мест из трудов писавших о древних германцах античных историков. Для иллюстрации приведу одну цитату. Рассказывая о законодательной реформе первого инки Манко, Вега писал: «В особенности он приказал *проявлять всеобщее уважение в отношении к женщинам и дочерям*, потому что касательно женщин у них (индейцев. — А.А.) царили самые варварские из всех пороки. Он ввел смертную казнь для прелюбодеев, убийц и воров. Приказал иметь не более одной жены... и чтобы женились после *двадцати лет* и старше». Эти законоположения — точный слепок с древнегерманского права. Требуется только одно характерное дополнение: хотя инки и ввели в Перу моногамию, но сделали в этом правиле одно исключение — для верховного инки, которому полагалось большое число жен и наложниц. Откроем теперь соответствующее место из «Германии» Тацита: «Браки у них соблюдаются в строгости, и ни одна сторона их нравов не заслуживает такой похвалы, как эта. Ведь они почти *единственные из варваров довольствуются*, за очень немногим исключением, *одной женой*, а если кто и имеет по несколько жен, *то его побуждает к этому не любострастие, а занимаемое им видное положение*».

Так же как у инков, характерной чертой германского быта было почтительное отношение к женщине. Даже античные историки, в чьем обществе женщина занимала достаточно почет-

ное положение, выделяли эту черту домашнего кодекса древнего германца, объясняя ее религиозными мотивами. «Ведь германцы считают, что в женщинах есть нечто священное», — писал Тацит.

Отмечали историки и крайнюю суровость германского законодательства, подобную инкской. Даже такой небольшой, по по-

Ной строит ковчег

нятиям Древнего мира, грех, как прелюбодеяние, у других народов легко разрешаемый разводом, наказывался у германцев крайне круто — утоплением виновного в болоте. Уже в наше время при осушении болот находили закованные в цепи мумифицированные трупы (чаще женщин).

Однако если говорить о поистине уникальной правовой инко-германской параллели, то речь пойдет об ограничении брачного возраста 20 годами. Честно говоря, даже трудно поверить, что после обнаружения этого закона инками остальные индейцы вполне ему подчинились: ранняя зрелость и короткий век индейцев Перу делал для них цифру 20 лет практически нереальной. Как, впрочем, и для всего остального Древнего мира, считавшего наиболее подходящим для брака возраст 13 — 15 лет. Однако, кроме инков, был на земле еще один народ, столь же поздно заключавший браки, — это, конечно, древние германцы. Причем Цезарь, говоря об этом, называет ту же цифру — 20 лет.

Свою реформаторскую деятельность инки не ограничили морально-правовой сферой, серьезной перестройке при них подвергся и древнеперуанский культ. На смену грубому идолослужению пришло язычество же, но язычество по-своему рафинированное; недаром испанские миссионеры считали инков вновь обратившимися в язычество адептами апостола Варфоломея. Испанцы, сравнивая религию инков с религиями их соседей, хвалили в ней известную ограниченность пантеона и относительную возвышенность служения, поскольку объектами культа в ней были в основном небесные явления: солнце, луна, молнии, звезды, радуга.

Мы теперь знаем о сходстве культур инков и древних германцев. Цезарь, оценивая религию германцев, правда не с христианских позиций, а с позиций изощренного язычества, писал: «В качестве богов они почитают солнце, огонь и луну, т.е. только те (явления природы), которые они видят и в благоприятном влиянии которых имеют возможность убедиться; об остальных богах они даже не слыхали».

Особого упоминания заслуживают инкские монахини — «избранницы солнца», потому что образ жизни их также был по-своему уникален и имел только один аналог — образ жизни древнегерманских пророчиц. В самом институте инкских избранниц, можно сказать, не было ничего уникального, недаром хронисты сравнивали их с римскими весталками. Не беспрецедентно и то, что жизнь их подвергалась определенным ограничениям, — таков удел всех жриц. В инкской религиозной традиции уникальна *степень изоляции* избранниц. Раз поступив в дом-монастырь,

они никогда уже из него не выходили и полностью утрачивали всякий контакт с миром. Достаточно сказать, что доступа к ним не имел даже неограниченный монарх — верховный инка. Подобную изоляцию можно было бы посчитать совершенно беспрецедентной, если бы она не выглядела копией аналогичной особенности древнегерманской религиозной традиции: именно так содержались наиболее влиятельные германские пророчицы.

Тацит рассказывал, что однажды два германских племени, поспорив, решили избрать третейским судьей знаменитую пророчицу Веледу и отправили к ней послов. Понятно, такого рода послы — фигуры значительные, однако *«посетить Веледу и говорить с ней им не позволили, им не разрешили и видеть ее»*, чтобы тем больше было благоговение перед ней. Она жила в высокой башне. Избранное лицо из числа сородичей передавало вопросы и ответы, подобно вестнику божества».

Хотя приведенными примерами свод любопытных совпадений между инкскими и германскими культурами далеко не исчерпывается, думаю, пора остановиться. Как бы ни были уникальны эти параллели и как бы ни было их много, сами по себе они не могут служить безукоризненным доказательством происхождения инков от германцев. Единственным безусловным показателем этнической принадлежности всегда был и остается язык. Но он как раз и является самой большой проблемой в истории инков. Уже через 40 лет после завоевания испанцами Перу тайный язык инков, по мнению их самих, был «полностью

утрачен, потому что, поскольку погибло собственное государство инков, так погиб и их язык». Это старинное мнение разделяет и современная наука, когда не сомневается в самом факте его бывшего существования. Однако говорить о полном исчезновении языка инков представляется преждевременным. Сохранилось немного безусловно инкских слов, вошед-

Ной выходит из ковчега

ших в словарь индейцев кечуа и значение которых известно («инка»). Кроме того, старинные испанские хроники донесли до нас инкские слова, не вошедшие в словарь кечуа, но значение их также известно («рока»). Таким образом, пусть самый крошечный, но словарь инков все-таки набрать можно.

Начнем с главного слова языка инков, являвшегося одновременно этнонимом и титулом, — «инка». Характерно, что испанские хронисты предпочитали писать его через «g» (*inga*), хотя в языке кечуа данный звук отсутствовал. Характерной эту деталь можно назвать потому, что «*ing*» представлял собой древний германский патронимический суффикс, употреблявшийся практически так же, как в инкском языке: во-первых, для образования германских этнонимов (Инглинги, Англы, Ингевоны, Викинги и т.д.), во-вторых, для составления германских титулов (кунунг). Эти факты можно посчитать случайностью, если бы в данной инко-германской параллели не совпадало еще и значение сравниваемых слов: *inka* (господин, царь) — *исл. ingvi* (князь, вождь). Итак, по всем существующим показателям сравнение слов из инкского и германского словарей дает совершенное тождество.

Возьмем еще два точно принадлежавших к инкскому языку титула: «рока» и «капак».

«Рока». Это слово хотя и входило в имена двух инкских императоров (Синчи Рока и Инка Рока), но на общегосударственном языке индейцев кечуа оно какого-либо значения не имело. Вега писал: «На особом языке инков оно должно было что-то (означать), хотя я не знаю что. Отец Блаз Валера говорит, что *roka* означает «зрелый благоразумный князь». Что ж, Вега дал действительно очень близкий к первоначальному значению этого слова перевод: *герм. riki* (король, великолепный, сильный). В специальном пояснении эта параллель не нуждается, поэтому перейдем к следующему популярному у инков титулу.

«Капак» (великий, могучий в ратном деле). Источник этого слова также отыскать нетрудно, потому что инкское слово *kapa* («k» — в кечуа суффикс причастия) широко употреблялось в индоевропейских языках. Но если искать наиболее точную параллель данному инкскому слову, то это будет *исл. karpi* (герой, победитель, доблестный). Привлекает в этом сопоставлении не только семантическое соответствие, но и тождество употребления. Дело в том, что древние скандинавы, отличая выдающихся своими заслугами людей, нередко добавляли это слово к их личным именам (Бьёрн Брейдвикинг-каппи), т.е. пользовались им одинаково с инками (Манко Капак, Вайна Капак).

Последний пример с использованием инками исландских слов позволяет предполагать, что они были потомками норманнов. Но не будем торопиться, первоначальный этнический состав инкского племени был более сложным. В его словаре прослеживается не только скандинавский, но и древнесаксонский языковой слой.

Сравним два слова из инко-кечуанского и древнесаксонского словарей:

кечуа awara (тапир) — *сак. evur* (дикий кабан);

кечуа yawar (род, племя, кровь) — *сак. awago* (отпрыски, потомки).

Не правда ли, поразительное совпадение? А удивительно в нем не только парное взаимное дублирование инкского и древнесаксонского языков, но и сходство обоих слов внутри каждого из них. Объяснимо оно, только исходя из родовой традиции германцев. Дело в том, что германцы считали кабана своим божественным предком, тотемом. Откуда, видимо, и взялась фонетическая близость слов «кабан» и «род, потомство» в саксонском и инкском языках. Судя по всему, в глубокой древности и кабан, и понятие рода-племени выражались в прагерманском языке одним термином, совокупно обозначающим «потомство, род кабана», «кабанята» и выступающим иногда в качестве самоназвания некоторых племен германцев. На последнее обстоятельство прямо указывают древние источники, сохранившие этот старинный германский этноним в нескольких транскрипциях: «иверы» — у Пселла, «обры» — у Нестора, «эбуруны» — у Цезаря.

Кроме словаря, саксы оставили свой след и в топонимике Древнего Перу. Сакса-ваманой называлась главная столичная крепость, Сакса-ваной — долина близ Куско, да и само название столицы инков, кажется, древнесаксонского происхождения. Сейчас название города Куско принято переводить как «пуп земли», но такое значение оно могло получить лишь тогда, когда город инков возвысился над другими городами и стал столицей большого государства. Более вероятно, что произошло это название от саксонского *kusko* (чистый, девственный). Толковать так это название позволяет сохранившееся в инко-кечуанском словаре однокоренное названию города слово *kuski* (невозделанная земля), которое явно не имеет ничего общего с позднейшим «пупом», но много общего с первоначальным сакским «девственная» (земля).

Но вернемся к проблеме предков инков. Итак, кем же могли быть бородатые, светложие, прибывшие из-за моря, рассказывающие в Перу германские предания, вводящие на его тер-

ритории германское право и религию, говорящие на смеси скандинавского и саксонского наречий? Понятно, германцами. Но понятно не только это, инкская смесь из двух германских диалектов дает еще более точный адрес прародины инков — Англия. Именно для этой страны в период с V по XII век было характерно такое двуязычие.

Скажем больше, в языке инков сохранилось слово, происхождение которого можно объяснить, только исходя из древнеанглийского языка. Например, лингвисты давно заметили, что перуанское слово *hamauta* (мудрец) скорее всего заимствованное, но из какого языка — оставалось тайной. Решается эта загадка только с помощью древнеанглийского языка. Дело в том, что адекватным перуанскому слову *hamauta* (мудрец) является древнеанглийский термин для обозначения совещательного органа при суде графства — *witena gemot* (собрание мудрейших). Читатель вправе возразить, что в английском юридическом термине к мудрости имеет отношение слово *witena*, а не *gemot*. Однако и это не препятствие. Слово, однокоренное слову *witena*, также существовало в инкском языке: это — *watuk* (волшебник), подобрать к нему древнеанглийский аналог не составляет труда — *wit-ega* (мудрец, пророк). Так что в англоязычии инков сомневаться трудно.

Разумеется, инки периода расцвета империи были уже не англосаксами в строгом смысле этого слова, но отдаленными потомками их, потерявшими светложесть и бородатость, однако потомками, сохранившими язык, обычаи и веру предков.

Последний вопрос: когда был осуществлен этот переход англосаксов из Европы в Америку? Думаю, в V веке от Р.Х. Этим веком датируется первое и самое мощное вторжение германцев на Британские острова — знаменитое «англосаксонское нашествие». И, раз начав двигаться с востока на запад, они в своем движении вполне могли не ограничиться территорией Англии, а пойти дальше, прокладывая северный морской путь в Америку. С технической точки зрения такое путешествие для англосаксов не было особенно затруднительным. Неизвестно, как англы, а саксы являлись прекрасными мореходами, кажется, первыми из германцев, кто по-настоящему освоил морское дело. Именно их флот задолго до норманнов наводил ужас на все побережье Западной Европы.

На V век указывает и язык инков. Он уже не чисто скандинавский или сакский, но еще не древнеанглийский, если не побояться тавтологии, его можно назвать древне-древнеанглий-

ским (проще — инкским). Поскольку фиксация древнеанглийского языка началась с VII века, то естественным было бы считать, что на предшествующем ему инкском языке говорили в Англии двумя веками ранее.

В пользу V века говорят еще два важных обстоятельства. Первое: инки не успели перейти на латинский алфавит и, пока не забыли, пользовались древнегерманским руническим письмом (согласно недавним газетным сообщениям, рунические надписи найдены в устье реки Параны). Второе: инкское язычество успело испытать на себе влияние христианства. На его счет в религии инков можно отнести замену германского бога-громовика Тора библейским пророком Ильей (Илья — букв. «молния» — имя инкского бога-громовика) и какие-то вошедшие в предания инков библейские истории, о которых упоминает Вега: «И в других местах той или иной легенды (испанцы) хотят видеть сходство со святейшей историей, на которую, как им кажется, они похожи».

Суммировав прежде сказанное, остается предположить, что скорее всего отплытие англосаксов в Америку состоялось в V веке, т.е. за два века до ирландских монахов, за пять — до викингов и за тысячу лет до Колумба. Впрочем, дата эта еще нуждается в уточнении.

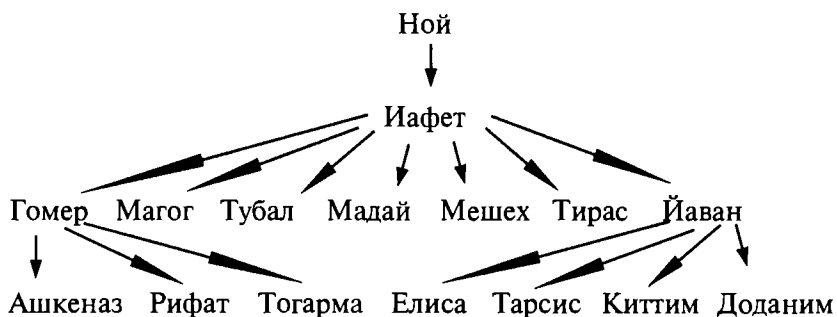
Приложение №2

У Ноя было три сына... этруска

Звучит почти присказкой «Сыновья Ноя были: Сим, Хам и Иафет» (Быт. 9:18). Имена библейских героев настолько стерты и обезличены в нашем сознании, что практически невозможно представить себе реальность этих обратившихся в миф фигур. Однако есть обстоятельство, заставляющее если не с доверием, то со вниманием отнестись к персонажам библейской генеалогии. Я имею в виду давно замеченное дублирование их имен и образов в преданиях народов, проживающих далеко от Палестины и узами родства с авторами Библии не связанных. Случаю это обстоятельство приписать невозможно и остается предположить, что за фигурами библейской родословной стоит какой-то конкретный исторический подтекст, сложившийся намного раньше создания Библии.

Что потопная история с ее героем Ноем отнюдь не самостоятельное творение библейских авторов — факт бесспорный. Редкий народ не знал этого предания и не возводил свой род к Ною.

Не оригинальна в Библии и фигура сына Ноя, мифического пращура европейцев, Иафета. Многие народы считали его своим предком. Разница, к примеру, между Библией и греческими мифами заключалась лишь в том, что последние называли титана Иафета не сыном эллинского «Ноя» (Девкалиона), а его дедом. Любопытно отметить, что описанное в Библии разрастание генеалогического древа Иафета имело свои параллели в эллинской культурной традиции. Линия Иафета:

Гомер. Вероятно, сильно удивились бы жители греческих городов, боровшихся за звание родины Гомера, если бы узнали, что обитатели противоположного берега Средиземного моря считали их любимого поэта первенцем Иафета. Да-да, в Библии Гомер назван первым среди сынов мифического прародителя европейцев, разница лишь в том, что древние греки произносили это имя мягче, нежнее, с придыханием — Хомер.

Добавим, «гомер» существовал в древности и как чистый этноним. Пророк Иезекииль называл северный народ «гомера» своим современником, у арабского географа Аль-Ваззана «гомерой» названа ветвь белых выходцев из Греции, проживавшая в его время на северо-западе Африки. Кроме того, племя «гимер», или «гиммери», упоминают аккадские надписи персидской эпохи, и, если сопоставить аккадских «гиммери» с «киммерийцами» древних греков, то станет ясно, что и греки знали народ «гомера», только несколько иначе произнося это название. Наконец, сам факт большого числа претендентов на звание родины Гомера (на самом деле их было гораздо больше классических «семи городов») подсказывает, что под именем поэта следует понимать не личность, а народ, национальную принадлежность.

Существуют различные точки зрения на вопрос об этнической принадлежности гомеро-киммерийского племени. Античные писатели отождествляли его с германцами-кимрами (кимврами), современные специалисты склонны видеть в них либо фракийцев, либо иранцев. Но не это сейчас важно. Главное, что в заочном споре Библии и эллинских преданий относительно значения имени Гомера скорее всего выигрывает Библия.

Йаван и сыновья. От Гомера перейдем теперь к другому сыну библейского героя Иафета — Йавану. Его греки должны были знать гораздо лучше, чем Гомера. Еще бы им не знать Йавана,

если под ним Библия разумела их Элладу. И хотя сами греки вряд ли узнали бы в «Йаване» свою родину, в принципе, ошибки тут нет. Просто название «Йавана» не греческого и даже не семитского, а индоарийского происхождения (эта странность позднее получит свое объяснение). Термином «йавана» в санскрите обозначалась Греция в целом и узкоспециально — малоазиатская область ее — Иония. А поскольку имя области дал мифический потомок Девкалиона (греческого «Ноя») — Ион, то можно сказать, что по линии сынов Иафета — Иапета (Гомер — Хомер, Йаван — Ион) замечается схождение греческой и библейской мифологических традиций.

Пойдем дальше, объясняя разночтения в транскрипции разными в еврейской и греческой фонетике. Йаван был чадолюбив и породил четверых: Киттима, Элишу, Доданима и Таршиша. Киттим — семитское название острова Кипр, и, стало быть, включение этого персонажа в родословную греков особых возражений вызывать не может.

Несколько сложнее обстоит дело с Элишей. Греческая мифическая генеалогия такого не знает. Поэтому библеисты, дойдя до Элишы в своем комментарии библейской родословной, обычно ссылаются на авторитет Иосифа Флавия, писавшего, будто от Элишы произошло греческое племя эолийцев. Так ли, нет ли, судить не берусь, Эол не Элиша, но в общем Флавий хочется верить. Привлекает в его параллели то, что Эол принадлежал к чрезвычайно древнему слою греческой мифологии, равно как и Элиша. Да-да, библейский Элиша сохранился в памяти греков, но не личностью, а страной, которой более всего подходит имя первопредка, это место последнего упокоения греков (рай) — Элисейские поля (*лат.* Элизиум).

Не найдем мы в греческой мифической генеалогии и брата Элиши Доданима. Но на его роль вполне может претендовать Додона — древнейший культовый центр Греции, где, согласно глухим упоминаниям, у Зевса родился сын Додон (думаю, им был бог плодородия Дионис, а Додон — его сакральное имя). Включение Доданима в греческую родословную уже говорит о многом: в его лице Библия начинает цеплять самый древний догреческий слой этнографии Эллады. Потому что расцвет Додоны приходится на время, предшествующее греческой колонизации Балкан, и в сознании греков целиком связывался с племенем легендарных ПЕЛАСГОВ. У Гомера в «Илиаде» Ахилл обращается с таким призывом к верховному божеству Додоны:

Властный Додонский Зевес, Пеласгийский,
Далеко живущий, в холодной царящий Додоне...

Сочетаемые у Гомера эпитеты Зевса «Додонский—Пеласгийский» вместе с упоминанием в Библии Доданима дают нам повод первый, но не последний раз отметить присутствие пеласгов в библейской родословной народов.

Мы сразу же возвращаемся к пеласгам, обратившись к фигуре последнего сына Йавана — Таршишу. По мнению библеистов, под Таршишем Библия разумела этрусков, что может показаться вполне правдоподобным, если вспомнить греческий вариант названия этрусков — тирсены. Относительно проживания этрусков в Греции известно мало, но, по словам Геродота, еще в его время часть их обитала там в области под названием Крестония. Так что с точки зрения географии присутствие этруска Таршиша в числе потомков Йавана вполне объяснимо.

Еще более обоснованным станет включение его в данную линию родословной народов, если взглянуть на Таршиша с точки зрения палеоэтнографии и в контексте братских уз между ним и Доданимом. Дело в том, что, по словам античных писателей, этруски являлись либо близкими родственниками пеласгов, либо ветвью этого племени, либо ими самими, но носящими другое имя. И современная археология, давшая обильный материал для культурных параллелей между этрусками и пеласгами, кажется, позволяет считать эти свидетельства правдоподобными.

Присутствие этрусков в географии и этнографии Древней Греции предполагает, что библейский Таршиш должен был значиться в греческом мифическом родословии. И оказывается, он в нем действительно назван. Это — прозорливец Тиресий. Тиресий в греческой мифологии и у Гомера в «Одиссее» — фигура исключительная, великий пророк и знаток жизни, выступавший арбитром в спорах Зевса и Геры. Даже за гробом участь Тиресия оказалась особой:

Разум ему сохранен Персефоной и мертвому; в аде
Он лишь с умом; все другие безумными теньями веют.

Пророческим даром обладала и дочь Тиресия — Манто. Сам термин, обозначающий всякого рода гадания — «мантика», иногда производят от ее имени. В мифах ничего не говорится о национальности Тиресия, но, сопоставив его имя с греческим названием этрусков — тирсены, его прозорливость — со славой

этрусков как первоклассных гадателей и чрезвычайную архаичность связанных с ним мифов, остается сделать вывод, что Тиресий был этруском, т.е. греческим аналогом Таршиша.

Итак, сопоставление Библии по линии Йавана с сыновьями с линией эллинской мифической родословной само по себе дает очень любопытный результат. Называя Грецию санскритским именем Йавана, Библия к тому же занимается описанием исключительно самого раннего ее догреческого этноса. Пеласг Доданим и этруск Таршиш указывают на это прямо, Элиша и Киттим (Кипр) — косвенно: Элиша — одинаково плохой объяснимостью своего имени как с греческого, так и с иврита, а равно исключительной давностью преданий об Элисейских полях, Киттим — родством кипрской культуры с самой ранней догреческой культурой Эгеиды.

Поскольку все четыре брата оказались так или иначе причастны к племенам, предшествующим грекам на их теперешней родине, то придется согласиться, что и отец их, Йаван (Ион), греком не был. Сомневаться в греческом происхождении Иона есть основания, даже если не трогать его библейский дубликат. Еврипиду понадобилось в его драме «Ион» строить надуманнейшую, запутаннейшую интригу, чтобы хоть как-то объяснить сомнительную греческую этимологию имени главного героя («Ион» — «идуший навстречу»). Однако все усилия знаменитого драматурга свели на нет два его предшественника: Менекрат из Элеи и Геродот. Первый утверждал, что Ионийское побережье прежде населяли пеласги, а второй писал, что ионийцы в старину звались пеласгами. И эти сообщения сразу же облегчают поиск первоисточников имени Ион, потому что оно легко выводится из имен этрусских богов: Ани (римского Януса) и Юни (римской Юноны).

Такое изобилие этрусков и пеласгов в Библии невольно рождает вопрос: а не слишком ли много их для европейского раздела международной генеалогии? Впрочем, в том не было бы большого греха; в самом деле, почему бы не уделить в родословии европейцев побольше места «ветеранам» средиземноморской колонизации? Но ведь этого мало! Библия не только демонстрирует хорошее знание догреческой этнографии, знание, может быть, даже более совершенное, нежели то, каким располагали сами греки, но она еще делает это намного раньше положенного ею срока. Вот в чем вопрос. Ведь принято считать, что контакты между греками и евреями начались лишь со времен похода Александра Македонского (вторая половина IV века до Р.Х.), то есть несколько столетий спустя после создания Библии. Каково?

Ной и сыновья. Отдавая должное библейским авторам, со знанием дела описавшим происхождение во многом загадочной для нас этрусско-пеласгийской ветви индоевропейцев, вместе с тем не следует заблуждаться относительно их возможностей по части генеалогии в целом. Много в библейском родословии путаного, ошибочного, странного. Взять хотя бы линию Хама (Гама).

Кем был Хам — известно. Он был непочтительным сыном Ноя, посмеявшимся над своим пьяным голым отцом и за то проклятым им во веки веков. Это обстоятельство, правда, не помешало Хаму обзавестись многочисленным и жизнеспособным потомством. Так вот, с этим потомством и связана самая большая в Библии неразбериха.

На первый взгляд все просто. От Хама пошли хамиты, т.е. обитатели африканского севера: египтяне, суданцы, берберы и т.д. Но только на первый взгляд, взгляд, отражающий не библейскую, а современную, научную точку зрения на этнографию данного региона. Иначе к этому вопросу подходила Библия, совершенно неожиданно включавшая в число потомков Хама стопроцентных индоевропейцев хеттов (Хет) и критян (Кафторим). Это — первая, но не последняя странность хамитской родословной.

Вторая загадка — присутствие в числе потомков финикийцев. Вспомним, вместе с Хамом от проклятий Ноя незаслуженно пострадал и сын его Канаан. «Проклят Канаан; раб рабов будет он у братьев своих», — специально говорится о нем в Писании (Быт. 9:25). Филиппика в адрес Канаана, вероятно, не вызвала бы особого комментария, если под этим именем не подразумевались финикийцы («кананеи» — обычное прозвание их в Библии). Подобное отношение ее авторов к финикийцам выглядит по меньшей мере странно, так как они были чистокровными семитами, т.е. формально должны были принадлежать к той же привилегированной линии Сима (Шема), что и сами евреи.

Впрочем, высокомерное третирование родни в характере библейской родословной. Ведь и другие потомки Хама: египтяне (Мицраим), суданцы (Куш) — так мало внешнею и языком отличались от евреев, что разведение их по разным линиям родословной, вероятно, легче всего было бы объяснить какой-то давней домашней ссорой. Что и поняли этнографы и лингвисты, вновь сведя в своих трудах семитов и хамитов в единую семито-хамитскую семью.

Думаю, тут излишне говорить, как неприглядно выглядит со стороны такое отношение библейских авторов к своим сородичам: какая ни есть, а все-таки — родня. Извинить их в данном

случае может лишь одно — то, что ОНИ НЕ БЫЛИ АВТОРАМИ ГЕНЕАЛОГИИ... В этом не только оправдание их, но и решение многих проблем библеистики и истории еврейского народа в целом. Вернемся назад и попробуем доказать это, пока еще чисто голословное, утверждение.

Ранее мы обратили внимание на превосходное и преждевременное знакомство Библии с древнейшей этнографией Греции. Но Греция не единственное место, относительно которого Библия демонстрирует поразительную осведомленность. То же самое можно сказать и про весь обширный район Кавказа и Закавказья, район, о котором иудеи, в период написания родословной, могли знать разве что понаслышке. Более того, отношение Библии к этим совершенно чужим местам проникнуто такой теплотой и тайной ностальгией, что невольно начинаешь верить в теорию происхождения оттуда иудеев. Но не будем торопиться и ознакомимся с фактами.

Первый, самый ранний слой библейской генеалогии целиком связан с территорией Урарту. Начало этой связи положил потоп, пригнавший ковчег Ноя к Араратским горам. Здесь необходимо небольшое отступление. Читатель, малознакомый с библейской проблематикой, привык считать, что ковчег пристал к горе Арарат, на границе Армении и Турции, но на самом деле не так. Араратом упомянутая гора стала называться сравнительно недавно, прежде ее имя — Масис — ничего не говорит читателю Библии. Кроме того, в библейской версии потопной легенды фигурирует не «гора Арарат», а «горы Араратские», что, естественно, не одно и то же. В действительности, если вообще можно говорить о «действительности» данной версии этого предания, ковчег приставал к горной гряде армянского нагорья у озера Ван, на территории Урарту, чьи «Ураратские» горы были позднее транскрибированы в «Араратские». Можно сказать еще точнее: ковчег приставал к горе Карду близ озера Ван; на ее вершине, по словам вавилонского историка-жреца Бероза, даже показывали развалины ковчега (Флавий. «Древности», 1, 3, 6).

Однако вернемся к библейской версии мифа о потопе. Первое, чтостораживает в ней, — это отсутствие патриотизма у авторов сказания. Дело в том, что история потопы, известная большинству народов мира, всегда являлась историей сугубо патриотической, сказанием, призванным узаконить притязания народа на занимаемую территорию. Поэтому каждый из множества «Ноев», выступавший в качестве родоначальника своего племени, старался приставать к своему «Арарату» — горе, оли-

цетворявшей подвластную его потомкам территорию. Сказанное касается и тех народов, которые заведомо не принадлежали к коренному населению своих стран, например греков и индоариев. Будучи пришельцами, они, осев на землях Греции и Индии, тем не менее довольно быстро скорректировали свои предания в духе местного патриотизма: греки отправили своего «Ноя» к Парнасу, индоарии — к Гималаям.

С учетом вышесказанного, выглядит в высшей степени подозрительно присутствие Араратских гор в записанной на территории Палестины версии легенды. Объяснение этому странному факту может быть только одно — те, кто рассказывал в Палестине этот вариант предания, пришли туда из Урарту, причем сравнительно недавно, и не чувствовали себя еще настолько хозяевами палестинской земли, чтобы привязывать свое потопное сказание к одной из местных гор.

В принципе, на роль таких рассказчиков могли бы претендовать сами иудеи, ведь они были пришельцами на земле Палестины. Но это предположение необходимо отвергнуть по той простой причине, что иудеи пришли туда не из Урарту, а из Египта, где существовало свое предание о потопе, не лучше и не хуже других, предание, которое евреи вполне могли усвоить за время своего четырехсотлетнего египетского плена.

С Урарту связаны и начальные ростки Ноева генеалогического древа. Библиисты давно ищут первоисточники имен трех сыновей Ноя: Сима, Хама и Иафета. Результат их изысканий кратко может быть сформулирован так. Родоначальник европейцев Иафет произошел из города Непат в Урарту. Трудно сказать, насколько допустимо такое сопоставление с точки зрения морфологии, но по смыслу оно выглядит очень подходящим, потому что название урартского города совпадает с именем общего для индоевропейцев божества вод: римского Нептуна, арийского Апам Напата, этрусского Нетуна, ирландского Нечтана.

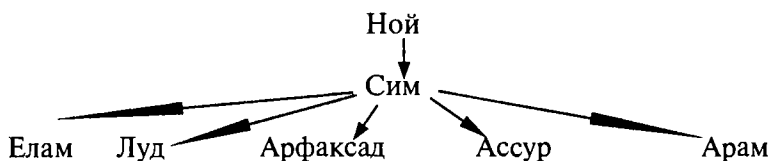
Что касается Сима и Хама, то их имена библиисты возводят к названию отрогов Таврских гор вблизи Урарту — «Сим» и «Хаман». И как гипотезу такую версию стоит принять. Главное, что привлекает в ней, — это локализация адреса. Поскольку другие генеалогии из библейской троицы братьев знали только Иафета, то остается предполагать, что не пользующиеся международной известностью Сим и Хам представляли собой лишь малочисленные, живущие поблизости народности.

Ашкеназ. Связи с этим районом не порывали и следующие потомки Ноя, часто селившиеся вблизи Урарту. Взять, напри-

мер, сына Гомера — Ашкеназа. Его место проживания указывается ныне с большой точностью, это — территория современного Азербайджана. Помогли установлению места жительства Ашкеназа найденные ассирийские таблички VII века до Р.Х., где упоминается страна Ишкуза.

Существуют различные точки зрения на проблему этнической принадлежности Ашкеназа. Библиистика, следуя раввинской традиции, считает, что он был германцем, и иногда переводит его имя как «род Ассов» («ассы» — родовое прозвище скандинавских богов). Иной точки зрения придерживается, как правило, этнография, утверждая, что Ашкеназ был скифом, и называя «страну Ишкуза» Скифским царством. При всей противоречивости обеих позиций, они вообще-то примиримы, в том смысле, что этнический состав данного района мог быть смешанным и состоять из скифов и германцев. На предпочтительность такой трактовки указывает один текст времен Ашурбанипала, где говорится о царе «страны Сака и Гутиум». «Саки» — арийское название скифов, а «гуты» — самая ранняя из засвидетельствованных транскрипций названия германцев-готов. Так что в споре об этнической принадлежности Ашкеназа, видимо, правы и библиисты, и этнографы.

Близ Урарту селились и первые семиты. Линия Сима:

Арфаксад и Луд. Сразу обо всех семитах не расскажешь, поэтому начнем с самой главной среди них фигуры, первого звена на прямом пути от Сима к Аврааму — с Арпахшада.

Признаться, с Арпахшадом (Арфаксадом) нам очень повезло. Еще совсем недавно, рассказывая о нем, можно было лишь повторить сказанное прежде Флавием: мол, Арпахшад был героем—эпонимом какой-то области близ Урарту под названием Арапха (*греч.* Ариапахитис). Вот и все. Теперь же, благодаря археологии, нам по силам указать место проживания Арпахшада с большей точностью, и даже не одно, а два...

На звание родины библейского героя могут претендовать два места. Одно, собственно Арапха, — город на территории госу-

дарства Митанни. О его местоположении узнали сравнительно недавно из найденных во время раскопок в Нузи табличек. Оказалось, что Аррапха находилась в районе города Киркука. Таким образом, доверившись древним свидетельствам и пойдя от этого названия, можно легко найти на карте родину библейского Арпахшада. Но не будем спешить, отождествлению иракского города и первого семита мешают два факта: первый — Аррапха-Киркук отстоит достаточно далеко от Урарту; второй — дата закладки этого города неизвестна, а в данном случае без нее никак не обойтись. Если Аррапха была построена митаннийцами (т.е. не ранее XV века до Р.Х.), то на роль родины Арпахшада она уже претендовать не может. Согласно Библии, Сим родил Арпахшада через два года после потопа, и, учитывая, что даже не самая ранняя из дат потопа — шумерская — относит это событие к началу III тысячелетия, остается сделать вывод: арпахшадовской Аррапхе должно быть не менее пяти тысяч лет. Поэтому, прямо не отвергая Аррапху-Киркук за дальность и отсутствие метрики, обратимся лучше к другому месту, кажется, более отвечающему нашим требованиям.

Приятно отметить, что эта, вторая предполагаемая родина Арпахшада донные носит его лишь слегка видоизмененное имя — Арпачия. Сейчас это небольшая деревушка, расположенная в семи километрах на северо-запад от Ниневии, в непосредственной близости от тех самых Араратских гор, к которым некогда приставал ковчег Ноя. Раскопки в Арпачии позволили датировать ее основание V тысячелетием. Возраст более чем почтенный, вполне подходящий, чтобы считать его близким возрасту первого в истории семита. Иное дело, был ли семитом Арпахшад?

Дело в том, что, как библеисты ни бились, они так и не смогли дать семитскую этимологию имени Арпахшада. Пришлось прибегнуть к языку ариев, и, что удивительно, арийская этимология далась библеистам без труда — *Ariapakshata* («У арийской земли лежащий»^{*}). Первой в голову приходит дикая, но не лишняя основания мысль: уж не индийцы ли писали Библию? Еще как-то можно понять, когда Библия пользуется санскритом при обозначении греческой области Ионии (Йавана), но почему она прибегает к этому языку, когда требуется дать имя первому семиту, — понять невозможно.

---

* Думаю, лучшим переводом было бы «Арийская община», от *инд. paksata* (община).

Еще более подозрительно выглядят данные, полученные в результате раскопок в Арпачии. Открытый там некрополь оказался выстроенным по такому принципу, что археологи при описании его вынуждены были пользоваться греческой архитектурной терминологией и сравнивать гробницы Арпачии не с чем иным, как с «гробницами более позднего времени в Микенах»*. К сказанному знаменитым археологом остается добавить, что аналогом гробниц Арпачии могут послужить не только «гробница Атрея» в Микенах, но и гробницы этрусков в Италии: тот же коридор (дромос), ведущий в погребальную камеру, тот же ложный свод над ней... Зная о поразительной осведомленности Библии в догреческой этнографии и обнаружив некрополь, подобный этрусскому на родине первого семита, поневоле задумаешься.

Впрочем, хочется повторить: с Арпахшадом нам повезло. И не только потому, что археология позволила установить его место рождения, но и потому, что у него были братья. Будь он у Сима один, проблема этнической принадлежности Арпахшада могла бы считаться почти неразрешимой. Но Арпахшад имел братьев, естественно, одной крови с ним. И стало быть, тотальная проверка их анкетных данных могла бы, по идее, внести ясность в темный вопрос о происхождении Арпахшада: семит ли он, арий или этруск?

Откроем Библию (Быт. 10:22). В списке сынов Сима сразу же вслед за Арпахшадом идет Луд. Вот и ответ... Ни один библеист не станет отрицать, что Луд — это Лид, герой—эпоним малоазиатской области Лидии, где жили этруски до своего переселения в Италию. Таким образом, обнаружение этруского некрополя на родине Арпахшада обретает свой смысл и последовательность: узы крови, связывающие Арпахшада с этрусском Лудом, снимают покров тайны с пристрастия первого к могильникам этруского типа. И дело теперь за остальными братьями-семитами.

Месопотамия. Оставшихся сыновей Сима: Ашура, Эйлама и Арама придется рассматривать совокупно, так как их имена представляют собой названия политических объединений (Ашур — Ассирия, Эйлам — Элам, Арам — Сирия), границы которых сильно колебались в зависимости от политической конъюнктуры. Поэтому, исходя из кровного родства всех трех на библейско-генеалогическом уровне и тесного соседства чисто географиче-

---

* Ллойд С. Археология Месопотамии. М., 1984. С. 74.

чески, объединим Ашура, Эйлама и Арама под общим названием Месопотамия. Сложение территорий всех трех государств действительно дает в сумме почти полную картину Междуречья.

А сложив их таким образом, немного отвлечемся и обратим внимание на одну характерную деталь этрусско-пеласгийской ономастики — пристрастии к имени Ларисса. Дело в том, что этруски и пеласги очень любили называть свои города Лариссами. Далеко не полный список Ларисс в «Географии» Страбона занимает почти страницу. В одной Греции их было не меньше пяти: уцелела одна — на севере Греции — Ларисса Пеласгийская. Три Лариссы было в Троаде, еще какая-то Ларисса, рано разрушенная, существовала в Кампании, области, издавна обжитой италийскими этрусками. Любили этруски имя «Ларис», только оно у них было не женским, а мужским. На одном этруском надгробии сохранилась следующая надпись: «Ларис Пулена, сын Ларса, со стороны отца внук Ларта, со стороны матери внук Велтура, правнук Лариса Пула Крейса».

Спрашивается, зачем нам понадобился этот экскурс в область этрусско-пеласгийской ономастики, когда речь шла о сыновьях Сима: Ашуре, Эйламе и Араме? Действительно, в нем не было бы никакой необходимости, если бы география городов под названием Ларисса ограничивалась Италией, Грецией и Малой Азией. Но в том-то заключается ее особенность, что она еще захватывает и территорию Месопотамии, т.е. района, где проживали на заре человеческой истории первые семиты: Ашур, Эйлам и Арам.

Страбон в своем длинном списке городов Ларисс упоминает и тот, что некогда существовал в Сирии, области исконного обитания библейского героя Арама. В Эламе Ларисс, кажется, не было, но один одноименный город находился вблизи этого политического объединения — легендарная шумерская Ларса. Хотя формально Ларса считается городом шумеров, но можно считать доказанным, что происхождение названия его нешумерское. Если не шумеры дали имя Ларсе, то кто? Надо полагать, те, кто обитал в ней до шумеров, а само название города подсказывает, кто это мог быть...

Еще одна Ларисса находилась на севере Месопотамии, в Ассирии. Она пока не найдена, но известно приблизительное местоположение: левый берег верховий Тигра. И складывается впечатление, что библейские авторы знали о существовании этого города и называли его другим именем в своей международной родословной.

В генеалогии потомков Хама есть один любопытный пассаж, явно идущий вставным номером. Начав перечислять по обычной схеме потомков Хама, авторы генеалогии внезапно отрываются от нее и разражаются панегириком в адрес совершенно чужого им города. Вот этот текст: «Хуш родил также Нимрода; сей начал быть силен на земле; он был сильный зверолов пред Господом [Богом], потому и говорится: сильный зверолов, как Нимрод, пред Господом [Богом]. Царство его вначале составляли: Вавилон, Эрех, Аккад и Халне в земле Сенаар. Из сей земли вышел Ассур и построил Ниневию, Рехевоф-ир, Калах и **Ресен** между Ниневиею и между Калахом; **это город великий**» (Быт. 10:8 — 12).

Для нас в этом отрывке наибольший интерес представляют две вещи. Первое: Ашур, названный, как мы знаем, в числе первых семитов, оказался еще и хамитом (процитированный отрывок относится к хамитской линии родословной). Второе: ему приписывается постройка города Ресена, неизвестно почему названного «великим». Последнее обстоятельство особенно смущает, потому что совершенно не ясны мотивы, заставлявшие библейских авторов славить город, если и сохранившийся ко времени написания Библии, то, во всяком случае, уступавший в величии названным там же городам: Ниневии и Калаху.

Недоумение по поводу всех этих затруднений имеет давнюю историю и не разрешено до сих пор. Библистами установлено только, что такой город там, скорее всего, действительно существовал (одна из областей к югу от Ниневии называлась Ризин) и что еще один Ресен был на севере Сирии. От себя хочется добавить к этому списку поныне здравствующий иранский город Резен.

В среде библеистов, исходя из описанного в Библии местоположения Ресена, высказывалась мысль, что Ресен и есть потерянная ассирийская Ларисса. Однако предположение это было сразу отвергнуто из-за несходства названий. И совершенно напрасно. Фонетически между ними действительно мало сходства, но много сходства генетического. Дело в том, что этруски не только любили название Ларисса, но еще и себя называли узнаваемым в библейском названии города Ресена именем — «расены» (приходилось встречать, не знаю, насколько верный, перевод этого самоназвания — «свободные»). И не только так себя называли, но и прилагали уже в Италии это имя к разным городам (Резина, Руссела). Так что можно предположить, что оба совпадающие по топографии ассирийских города — Ларисса

и Ресен — были одним городом, носящим двойное название Лариссы-Ресены (Этрусской Лариссы), в отличие, скажем, от Пеласгийской Лариссы. Таким образом, похоже, сообщенный в Библии как нечто значительное факт постройки Ашуром «великого города Ресена» действительно говорит о многом.

Впрочем, пора остановиться и подвести итог нашим ономастическим изысканиям, где семиты причудливо мешаются с хамитами, эламиты — с ассирийцами и все они в конце концов оказываются этрусками. Для этого прежде всего вернемся к тому, с чего начали, — первому поколению библейских семитов: Ашuru, Эйламу, Араму, Луду и Арпахшаду. Обследование их показало, что в библейской родословной не только европейская, иафетическая линия генеалогии странно кренится в сторону этрусков и пеласгов, но и самый ранний слой семитской родословной, где все так или иначе оказываются причастны к этрусско-пеласгийскому племени. Имя семита-этруска Луда прямо на это указывает. Очень близко к Луду стоят его братья Ашур и Арпахшад: первый — потому что закладывал город, носящий этрусское имя, второй — потому что хоронил своих соплеменников в некрополях этрусского типа. Остальных — Арама и Эйлама — мы можем признать, по меньшей мере, «потатчниками» этрусков, допускаяшими, что на их и сопредельных территориях те называли города милыми своему сердцу именами Ларисса и Ресен. Остается добавить, что время, когда Арам и Эйлам могли позволить это, судя по шумерской Ларсе, приходится на чрезвычайно древний, близкий к «потопному» период, скорее всего предшествующий появлению там шумеров.

Разумеется, говорить о пребывании этрусков и пеласгов в Месопотамии в дошумерский период, опираясь только на ономастику этого района, значит сильно обеднить свою аргументацию, хотя, в принципе, для исследования этнодинамики дописьменной эпохи ономастика — самый надежный инструмент. Конечно, будь наша тема иная, не библейская генеалогия, было бы любопытно сличить культуры Этрурии и Месопотамии, тем более что работа подобного рода ведется в этрусковедении уже с начала XX века. Например, давно замечено сходство этрусской модели гадательной печени и ее вавилонского аналога, что само этрусское название этого вида гадания — гаруспиции — возводимо к ассирийскому слову *har* (печень). Кроме того, могу добавить, что в астрологии этрусков и вавилонян много общего, что пучеглазые статуэтки Ниппура очень похожи на раннюю пучеглазую пластику Этрурии, что месопотамские божества Эту

и Иннана — тезки не только по имени этрусским богам Эту и Юни (римской Юноны), но и по функциям, что некоторые слова языка шумеров равно можно считать родными и для латыни.

Но не будем отвлекаться от главной темы. Сказанного достаточно для предположения, что этруски и пеласги были предшественниками шумеров на земле Месопотамии. Вывод этот нельзя считать слишком неожиданным хотя бы потому, что хорошо известно: кто-то до шумеров там все равно был. Археология насчитывает в предшествующее им время три культурных слоя: «самаррский», «халавский» и «убейдский» — и почему бы не допустить, что по крайней мере один из них принадлежал этруско-пеласгийскому племени, тем более что думать так есть веские основания.

Признавая известную отвлеченность своих рассуждений относительно проблем библейской генеалогии, должен заметить, что они все-таки имеют к ней самое непосредственное отношение, потому что позволяют сразу же ответить на ряд возникших по ходу работы над темой вопросов. Оказывается, совсем не зря затесался в ряды первых семитов этруск-лидиец Луд; он, а равно и симпатизирующие ему братья явились персонифицированным отражением древнейшей этруско-пеласгийской топографии Месопотамии и Малой Азии.

Соответственно и линия Иафета, как мы уже прежде установили, переполненная этрусками и пеласгами, представляет собой воссоздание последующего процесса колонизации ими территории Европы.

То, что движение происходило из Азии (точнее, из Лидии) в Европу, а не наоборот, говорили сами этруски. Во времена Римской империи жители главного города Лидии Сард заявили свои права на особые отношения с италийцами по причине давнего родства. Италийские этруски нашли их претензии справедливыми и признали их своими кровными родичами: «Ведь Тиррен (герой—эпоним италийских этрусков. — А.А.) и Лид, сыновья царя Атиса, вследствие многочисленности своих соотечественников поделили их между собой; Лид остался на земле предков, а Тиррену достались по жребию новые земли, с тем чтобы он основал на них поселения; этим народам были присвоены имена их властителей — одному в Азии, другому в Италии; после этого могущество лидян возросло еще больше, так как они по-
слали людей своих в Грецию» (Тацит. «Анналы». С. 4, 5).

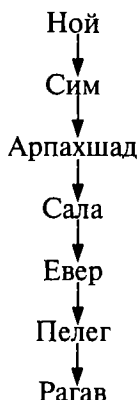
В этруско-пеласгийском контексте обретает смысл и причаливание Ноева ковчега к расположенным далеко от Палестины

Араратским горам. Урарту — прародина этрусков и пеласгов. На что, кроме местной ономастики, о которой речь пойдет дальше, указывают и могильники этрусского типа в Арпачии, и изделия урартских мастеров, поразительно сходные с этрусскими настолько, что вид их заронил у одного из археологов диковатую мысль о массовом вывозе урартских мастеров в Италию*.

Подводя итоги, остается предположить, что в Библии потопная история и следующая за ней генеалогия — суть описание прародины этрусков и пеласгов (Урарту) и процесса дальнейшего расселения их из этого центра.

Евер. Хотя за семитской линией библейского родословия уже явно проглядывает история совсем не того народа, которому ее принято приписывать, научная строгость требует, чтобы и последующие поколения семитов так же внимательно обследовались на предмет национальной принадлежности. Подобная проверка позволит или окончательно сделать догадку неопровержимым фактом, или безусловно ее отвергнуть.

Из пяти сыновей Сима только двое, согласно Библии, оказались способны к деторождению: Арам и Арпахшад. Линия Арама — коротенькая, побочная, интереса не представляет. Гораздо любопытнее линия Арпахшада, она — становой хребет семитской генеалогии, и практически от нее зависит решение вопроса о национальности библейских семитов. Линия Арпахшада:

---

* *Maxwell-Hislop K.R. Urartean bronzes in Etruscan tombs//Iraq. 1953. N 18. P. 2.*

Пропустим сына Арпахшада Салу, так как значение его практически исчерпывается ролью отца-носителя едва ли не самого блестящего в семитском родословии имени — Евер.

А вот на нем стоит задержаться. Евер — личность, равнозначная общему пращуру семитов Симу, недаром о Симе сказано в Библии, что он — «отец всех сынов Еверовых» (Быт. 10:21). Сам этноним «евреи» иногда возводится к имени этого прародителя. Библиисты уделили много внимания роли Евера в семитской истории, в основном в связи с истолкованием значения его имени — «переходящий реку», точнее, в связи с вопросом о реке, которую он переходил: Евфрат то был или Иордан? Наверное, усилия их, несмотря на разницу в толковании, имели смысл, если бы Евер представлял собой среди мифических героев по-настоящему оригинальную, исключительную фигуру. Но этого как раз сказать нельзя. Пусть не в качественном отношении, так в количественном, но греческая мифическая родословная далеко превосходила Библию, потому что знала не одного, а как минимум трех Еверов. Причем этимология их имени, опирающаяся, естественно, не на иврит, а на греческий язык — «благой» (от *греч.* eu — благо), больше походит на этимологию имени легендарного предка.

Два из трех греческих Еверов ничем особенным себя не проявили: один был сыном тафийского царя Птерилая, другой — одним из пятидесяти сыновей Геракла. Третий Евер, правда, сам по себе тоже не блистал, но он был отцом уже встречавшегося на этих страницах прозорливца Тиресия, героя—эпонима племени этрусков-тирсенов, отождествленного нами прежде с потомком библейского Иафета — Таршишем. И надо ли говорить, сколь многозначительно выглядит происхождение Тиресия от Евера в свете всего сказанного прежде. Вдвойне замечательно, что мы теперь можем устроить Тиресию и Еверу проверку на удостоверение подлинности их родства.

Дело в том, что еще античные авторы писали, будто жившие в Испании этруски носили имя «иберы». Ученый мир, как водится в таких случаях, безусловно эти сведения отверг, посчитав их досужим вымыслом, и напрасно: недавние раскопки на месте испанского города Тартесса (вспомним библейского Таршиша) подтвердили справедливость древних античных свидетельств.

Доказанное теперь археологией существование этрусков-иберов подтверждает и сведения греческой мифической родословной о происхождении этруска Тиресия от Евера и одновременно делает правдоподобным предположение, что и библейские семиты, «сыны Еве-

ровы», — потомки того же этруска Евера. Скажем больше, в написании названия этрусков-иберов есть одна деталь, позволяющая сразу же перенести нашу, пока чисто умозрительную игру в этруско-библейскую ономастику на рельсы точного исторического знания.

У нас принято иногда называть испанцев якобы древним их именем «иберийцы». Однако такую транскрипцию имени пиренейских этрусков нельзя признать ни наиболее древней, ни наиболее точной. Пожалуй, только в латинских источниках сохранилась первозданная и наиболее полная форма этого этнонима — «хиберы» (*hiberi*). Это обстоятельство можно было бы посчитать малозначительным, если бы не тот факт, что именно под полным именем «хиберы» впервые познакомилась с этрусками Палестина. Они появились там еще в XV веке до Р.Х., за несколько столетий до еврейских переселенцев. Знаменитая эль-амарнская переписка оставила замечательное свидетельство первого натиска этрусков на Палестину.

Египетский наместник в Иерусалиме писал фараону: «Отпадают все правители; ни одного правителя не остается у царя, моего господина. Пусть царь обратит свой взор на войска так, чтобы выступили войска царя, господина моего. Не остается земля у царя. **Хабиру** грабят все земли царя. Если войска будут здесь в этом году, сохранятся владения царя, моего господина; но если войск здесь не будет, тогда владения царя, господина моего, будут потеряны...»

Как это часто бывало, этруски-хиберы пришли в Палестину не одни, вместе с ними туда пришел народ, чье название эль-амарнская переписка передает идеограммой «*Sa gas*». Кто это был? Я считаю, что это саки. Они уже упоминались в разделе, посвященном сыну Гомера Ашкеназу. «Саки» — обычное название скифов в персидской традиции, но, в общем, современная этнография пока не рискует занять твердую позицию по вопросу об этнической принадлежности саков, точнее, по вопросу, к какой ветви арийского племени их отнести. Ясно только, что к ариям. Однако о палестинских саках XV века с большой долей уверенности можно говорить как об индоариях. Именно в это время Финикия начинает даже в своих ритуальных текстах пользоваться санскритом. Например, на одной стороне угаритской таблички с религиозным текстом слово «огонь» передано по-семитски «ишшату», а на другой — по-санскритски «агни»*. Зная

---

* Мифология Древнего мира. М., 1977. С. 202.

об этом, стоит ли удивляться, что тем же санскритом пользовалась Библия, нарекая Грецию Йаваной и называя первого семита по-индоарийски Арпахшадом?

Итак, выглядит более чем многозначительно, что за два столетия до прихода в Палестину еврейских переселенцев история застаёт на ее территории народы, чье присутствие и подспудное влияние постоянно ощущается при исследовании библейской родословной. Это обстоятельство, еще не ставя знак равенства между этрусками-хиберами и саками-индоариями, с одной стороны, и авторами библейской генеалогии — с другой, все-таки способно придать исторический смысл многим ее несуразностям.

Пелег и Рагав. Но продолжим наши изыскания библейской родословной и откроем современное синодальное издание Библии. В нем говорится: «Евер жил тридцать четыре [134] года и родил Фалека» (Быт. 11:16). Сколько бы мы ни ломали голову, пытаясь припомнить аналогичный «Фалеку» термин древней этнографии, ничего похожего все равно припомнить не удастся, что неудивительно и имеет свое объяснение. «Фалек» — своеобразно транскрибированное греческим переводом Библии имя, первоначально на иврите звучавшее как Пелег. И такой вариант имени библейского героя Пелега, конечно, значительно облегчает поиск соответствующих его имени этнографических параллелей.

Пелег — это Пеласг, герой—эпоним не раз упоминавшегося прежде племени легендарных пеласгов, ближайшей родни этрусков. И поскольку библейский Пелег оказался пеласгом, то естественным было бы предположить, что и сын его Рагав принадлежал к этруско-пеласгийской ветви индоевропейцев. Примечательная деталь: несмотря на весьма почетную роль пращура семитов, имя Рагава оказалось настолько непопулярно среди его потомков, что еще раз оно в Библии упоминается только дважды, да и то в неканонической книге «Иудифи» (15:15) и в странном качестве — в качестве названия одной области в Мидии, где принял смерть мидийский царь со знакомым нам именем Арфаксад. Крайне любопытно: семитский патриарх, носивший арийское имя Арфаксад, оказался мидийским царем, убитым на поле имени своего праправнука Рагава. Если к сказанному добавить, что Мидия, согласно той же Библии, является исконной вотчиной индоевропейцев, названной в честь сына Иафета Мадая, то картина станет еще любопытнее.

Не оправданное с точки зрения библейской этнографии присвоение имени семитского патриарха Рагава Мидийской области выглядит вполне оправданным с исторической точки зрения,

так как оно соответствует названию города, долго служившего столицей мидийского царства, — Раги.

Так вот, к этим Рагам Мидийским есть одна любопытная итальянская параллель. Не беря на себя смелость решать вопрос об основателях мидийского города, отмечу только, что тезкой его можно назвать город Регий, с которым связывалось предание о возникновении самого названия «Италия». У греческого мифографа Аполлодора мы читаем: «Геракл двинулся через Тиррению («тиррены» — вариант названия этрусков. — А.А.). В области Регия один бык отбилсЯ от стада, кинулся в море и переплыл в Сицилию, перешел через ближайшую землю (которая по его имени названа Италией, ибо тиррены называют быка словом «италос»»).

Хотя комментаторы обычно относятся к данному отрывку скептически из-за кажущейся туманности географии, в нем много точных и достоверных деталей. Действительно существовал такой город Регий на самом конце носка «итальянского сапога» напротив Сицилии, и действительно Италией поначалу назывался только юг полуострова. Верен и перевод этрусского слова «италос» (бык) — это очевидная вариация индоевропейского корня *tel* (телец).

Поскольку Аполлодор упоминает итальянский топоним Регия в очевидной связи с этрусками, то можно предположить, что созвучие названий мидийской столицы Раг и итальянской области Регии не случайно и обязано своим происхождением этруско-пеласгийской традиции.

Можно даже дать перевод этого названия. В сознании древних жителей Италии с «регией» связывалось не только происхождение названия страны, но и начало власти. «Регией» римляне называли царский дворец, а самого царя — однокоренными словами «рекс» и «регулус». Зная, что этруски дали римлянам единственную царскую династию (Тарквиниев) и знаки царского достоинства (регалии), естественным было бы предположить, что сам термин «гег» (царь) этрусского происхождения. А это, в свою очередь, объясняет значение и происхождение имени семитского патриарха Рагава (этрусское «царь»), сына другого библейского патриарха, Пелега (Пеласга).

Исход. Остановимся на Рагаве. Дальнейшее исследование семитской генеалогии вряд ли способно дать что-либо принципиально новое. Слишком явно выпирает из библейской родословной индоевропейская и в особенности этруско-пеласгийская этнография, чтобы считать отмеченное прежде дублирование

библейских героев в других мифических родословных результатом авторского произвола, а ношение семитскими патриархами арийских и этрусско-пеласгийских имен — игрой случая. Поэтому остается только выяснить, каким образом генеалогия этрусков и пеласгов попала в Библию.

Прежде уже приводился отрывок из эль-амарнской переписки, где сообщалось о нашествии этрусков-хиберов и саков-ариев на Палестину в XV веке до Р.Х. Трудно сказать, было ли оно первым, но, безусловно, не последним.

В 1285 году до Р.Х. к палестинским пределам подступило войско возглавляемой хеттами коалиции народов. Состав коалиции был достаточно пестрым, но для нас наибольший интерес представляет то, что в нее входил народ «дардна», под которым принято понимать троянцев, обычно называемых дарданцами в честь их пращура Дардана. На бой с коалицией вышел египетский фараон Рамзес II и якобы наголову ее разбил в битве при Кадеше. Впрочем, о безусловной победе Рамзеса трубит только один египетский источник — «Поэма Пентаура», доверять которой особенно не следует. Вероятнее всего, битва при Кадеше закончилась вничью, так как после нее хетты продолжали контролировать Сирию. Кроме того, Библия слишком упорно называет хеттов («хеттеев») в числе жителей Палестины, чтобы не заподозрить: поход хеттов при Рамзесе II был по-своему результативен и увеличил долю индоевропейцев в палестинском этносе.

Минуло несколько десятилетий, и при фараоне Мернептахе (1251 — 1231) нападение на Египет повторилось. В числе атаковавших победный гимн Мернептаху называет наших старых знакомых этрусков («туруша») и саков («шакалаша»). Причем этруски упоминаются дважды: как собственно «туруша» и как «шардана». Под последними, как предполагается, имелись в виду этруски-лидийцы, названные «шарданой» в честь лидийской столицы Сард. Таким образом, в лице «шарданы» мы, возможно, сталкиваемся с реальным прототипом упоминаемого в библейском родословии семитского патриарха Луда.

Правда, здесь необходима оговорка: с патриархом Лудом иудеи, жившие тогда в египетском плену, могли познакомиться много ранее времен Мернептаху, так как «шардана» еще в правление Аменхотепа III (XV век до Р.Х.), т.е. в период нашествия этрусков-хиберов, начали вербоваться в египетские войска, и по мере увеличения нужды в наемниках доля их в войсках фараонов возрастала от правления к правлению.

Однако по-настоящему иудеи и этруски, видимо, сошлись лишь во времена Мернептаха. Данный вывод обусловлен тем, что время отражения атаки этрусков на Египет при нем едва ли не совпало с внезапным исходом евреев из страны, точнее, из земли Гесем, находившейся в зоне боевых действий. Мотивы исхода отчасти объяснял сам Мернептах, в своем победном гимне бросивший туманную фразу об уничтожении им какого-то «Израиля».

Читатель уже, вероятно, обратил внимание на то, что слова Мернептаха как-то плохо вяжутся с привычным библейским рассказом о героическом исходе евреев из Египта, якобы вполне добровольном, продиктованном только свободолюбивыми чаяниями. И складывается впечатление, что правда в этом вопросе скорее на стороне Мернептаха, чем Библии.

Во всяком случае, египетский историк-жрец Манефон рассказывал историю исхода следующим образом: некогда захватил Египет пришедший с востока народ, называемый гиксосами (царями-пастухами), которые и были иудеями в собственном смысле этого слова. Своим центром гиксосы избрали землю Гесем, ту самую, откуда потом состоялся исторический исход евреев, и в течение нескольких поколений правили оттуда Египтом. Позднее к ним присоединились некие «прокаженные» египтяне.

Под «прокаженными» Манефон подразумевал евреев, так их называли почти все древние писатели, видимо, в связи с предписываемыми иудаизмом правилами ритуальной чистоты.

В дальнейшем события развивались так: египтяне не снесли ига гиксосов и изгнали их из страны. Те ушли в Палестину и основали Иерусалим, а «прокаженные» остались в земле Гесем. Прошло какое-то время, и «прокаженные», возглавляемые иерархическим жрецом Моисеем, призвали гиксосов назад. Гиксосы откликнулись на зов, пришли и разорили значительную часть Египта. Фараон Аменофис (Мернептах?) бежал в Эфиопию, но, собравшись с силами, разбил объединенное войско «царей-пастухов» и «прокаженных» и изгнал их до сирийских пределов.

Так выглядит история исхода евреев в изложении Манефона. Но можно ли верить нарисованной им картине? Оказывается, можно. Ныне хорошо известно, что действительно было племя гиксосов, владевшее Египтом; известен довольно точно и период их правления страной: с начала XVII века до первой половины XVI века до Р.Х. Правдоподобно выглядит сообщение об особых отношениях, сложившихся между гиксосами и евреями, этот факт признавал даже Иосиф Флавий. Однако так как этническая принадлежность гиксосов является до сих пор предметом

споров, трудно сказать, было здесь генетическое родство или просто политический союз.

Следующий вопрос: кого именно призвали евреи из Палестины спустя 300 лет после переселения туда гиксосов? Вряд ли гиксосов же. Но нам известно, что уже в XV веке Палестину населили этруски-хиберы и арии-саки, поэтому появление «туруша» и «шакалаша» в египетских пределах во времена, близкие ко времени исхода, позволяет предполагать, что именно они были призваны «прокаженными» в Египет, если, конечно, не явились туда сами, без спроса.

В Библии мы находим подтверждение и другого сообщения Манефона — о первоначальном успехе этруско-арийско-еврейской коалиции, приведшей к разорению значительной части Египта. В одной из глав книги «Исход» говорится, что перед исходом «сделали сыны Израилевы по слову Моисея и просили у Египтян вещей серебряных и вещей золотых и одежд. Господь же дал милость народу [Своему] в глазах Египтян: и они давали ему, и обобрал он Египтян» (Исх. 12:35 — 36). Ссылку на Бога-грабителя мы, конечно, оставим на совести авторов Библии, а сами отметим, что и в этом пункте Манефон точен.

Наконец, последний пункт: был ли исход добровольным? Очевидно, нет. Прямо об изгнании евреев говорит Манефон, косвенно — Мернептах своими словами об уничтожении им Израиля. Да и сама Библия хоть маскирует прискорбный факт изгнания, но делает это, прямо сказать, не очень усердно. Во всяком случае, из библейского рассказа следует, что фараон, отпустив сначала израильтян, потом зачем-то кинулся их преследовать, поэтому покидать пределы Египта израильтянам пришлось бегом. Так что, по всем данным, не свободолюбие и не призыв Земли обетованной гнал евреев из Египта, а наступающие на пятки войска фараона Мернептаха.

Скажем больше, в Библии есть одна фраза, позволяющая предполагать, что по крайней мере на начальном этапе «исход» был совместным, т.е. израильтяне уходили вместе с этрусками и ариями. В библейской генеалогической таблице при перечислении сынов Египта (Мицраима) назван некий Каслухим и при этом добавлено: «откуда вышли Филистимляне» (Быт. 10:14). Пикантность этой фразы заключается в том, что Каслухим — другое название земли Гесем, отправной точки еврейского исхода, а «филистимляне» — собирательное название пеласго-этруско-арийских племен Палестины. Таким образом, получается совершенное согласие разновременных и разноплеменных источников — Манефона

и Библии: исход был совместным и израильтяне шли (точнее, бежали) какое-то время вместе с этрусками и ариями.

Впрочем, первые, видимо, скоро отделились от своих союзников-филистимлян и ушли на юг, в пустынные горы Синая, что выглядит довольно странно, так как путь в Палестину, Землю обетованную, по прямой, вдоль берега Средиземного моря, был несравненно короче. Но и это обстоятельство вполне объяснимо: израильтяне боялись филистимлян, о чем недвусмысленно говорится в самой Библии: «Когда же фараон отпустил народ, Бог не повел его по дороге земли Филистимлянской, потому что она близка; ибо сказал Бог: чтобы не раскаялся народ, увидев войну, и не возвратился в Египет» (Исх. 13:17).

Мицраим. Оставим пока израильтян бродить среди песков Синая, отметив на первый раз, что контакты между ними и этрусками, следами которых оказалась так богата Библия, начались еще во времена египетского плена. А сами между тем вернемся в Египет, потому что печальная история отношений этой страны с этруско-пеласгийским народом успехом Мернептаха не закончилась.

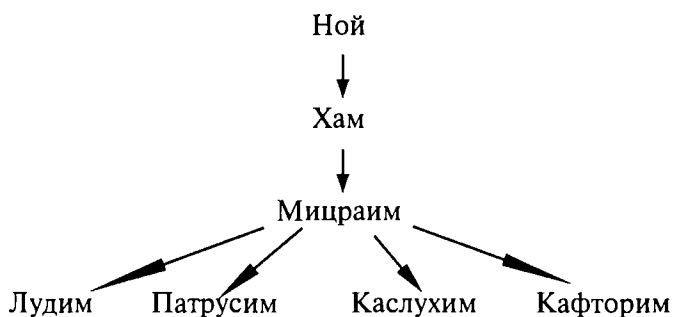
Следующая атака на Египет не заставила себя долго ждать. При Рамзесе III страна пережила самое крупное из нашествий народов, называемых у египтян «народами моря», а в Библии «Филистимлянами». Кроме неутомимых саков-ариев («шакал-ша») в нападении участвовали наши старые знакомые пеласги («пуласати»).

Боевые действия велись одновременно на суше и на море. Несмотря на похвалы, которые расточал себе задним числом в храмовых надписях Рамзес, успехи его в отражении противника были, по всей видимости, весьма скромными. Морскую битву египтяне выиграли, но, по признанию самого Рамзеса, запечатленному на стене храма в Мединет Абу, врагам удалось проникнуть в дельту Нила. Рамзес явно поскромничал: филистимляне не только проникли туда, но и овладели нильской дельтой и долго держали в своих руках.

Видимо, тогда же и получил Египет свое теперешнее название. Коренные египтяне свою страну Египтом никогда не называли, и название это с древнеегипетского языка не переводимо. Кроме того, поначалу Египтом называлась только нильская дельта, т.е. контролируемая филистимлянами территория. Так что смысл сегодняшнего названия Египта, вероятнее всего, скрыт в темных для нас пока языках этрусков и пеласгов.

От египетских и античных данных обратимся к главному предмету нашего внимания — библейской родословной и посмот-

рим, как в ней отразилась история нашествия «народов моря» на Египет. Рассмотрим этнографию линии Мицраима (Египта):

Взглянув на список сынов Мицраима, сразу же следует отметить, что, в соответствии с общей тенденцией генеалогии, египетская линия родословной также не обошлась без представителей этрусско-пеласгийского племени. К ним, безусловно, принадлежат как минимум два сына Мицраима.

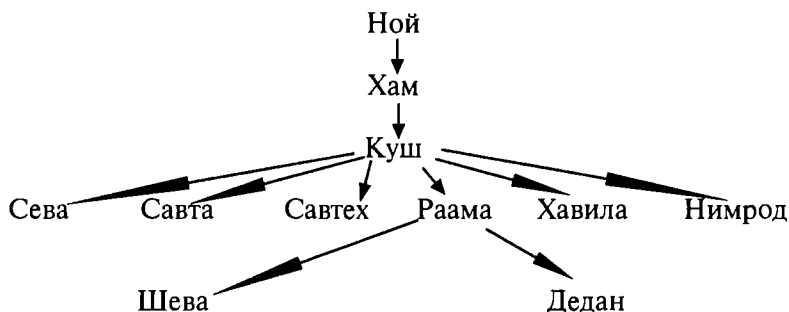
Первый — Лудим. Из самого имени этого персонажа следует, что Лудим не кто иной, как известный нам этруск-лидиец Луд, семитский патриарх (только названный во множественном числе), а значит, из семитских патриархов не только Ашур, но и Луд оказался продублированным в хамитском родословии. Где именно обитали в Египте лидийцы, сейчас даже приблизительно сказать нельзя, но в самом факте их бывшего проживания там сомневаться не приходится. Сам Рамзес III, главный противник филистимлян, в своем «Завещании» утверждал, что, победив лидийцев («шардана»), он расселил их в Египте и дал содержание: «Расселил я их в крепости, покорив (их) во имя мое. И была так многочисленна их молодежь, словно (их было) сотни тысяч. Назначил я им ежегодное содержание в качестве одежды и зернового пайка из сокровищ и амбаров». Слова Рамзеса, независимо от подлинных размеров его контроля над лидийцами, дают безукоризненное подтверждение библейской родословной, включавшей Лудима в число сыновей Мицраима.

Кроме Лудима Египет породил еще одного филистимлянина — это Кафторим. Кафтор — семито-хамитское название острова Крит, главной военно-морской базы «народов моря». И его присутствие в египетской линии родословной говорит само за себя, слова пророка Иеремии о филистимлянах как об «остатке острова Кафтора» (Иер. 47:4) — лишнее тому подтверждение.

Канаан и Куш. Пример хамита Мицраима, подобно своим двоюродным братьям, семитам и иафетидам, наплодившего представителей этруско-пеласгийского племени, позволяет под тем же углом зрения подойти к хамитской линии генеалогии в целом и посмотреть, не проявляется ли странная тенденция рожать этрусков и пеласгов в линиях других сыновей Хама.

Начнем с первенца Хама — несчастного Канаана. Признаться, явные пеласги и этруски среди его потомков не значатся. Из индоевропейцев есть только хетты (Хет). Но и финикийцев среди них, можно сказать, тоже нет, хотя, исходя из обычного понимания термина «кананеи», Канаана и его потомство следовало бы причислить к финикийцам. Приводимые в этой линии родословной гео- и этнопривязки говорят о другом: под именем Канаана фигурирует не Финикия, а Палестина. В первоначальном смысле этого термина — как название земли между Финикией и Египтом, ограниченной с запада Средиземным морем, с востока — Иорданом и Мертвым морем. А поскольку в Библии «земля Канаанская» нередко выступает в качестве синонима «земли Филистимлянской» = «земли Палестинской», то есть основание и кананеев по генеалогии считать филистимлянами, хотя бы по прописке.

Исследование хамитской линии генеалогии, очевидно, следует закончить последним способным к деторождению потомком Хама — Кушем. Линия Куша:

Прежде мы отметили неожиданное присутствие семита-этруска Нимрода-Ашура в хамитской ветви родословной и в качестве основателя этруского «великого города» Лариссы-Ресены.

Этрусское название города, основанного Нимродом-Ашуром, не единственный признак, указывающий на него как на этруска. В Ассирии, в лучшие годы включавшей в себя и Урарту, осталось достаточно следов пребывания этрусков-хиберов. Кроме могильников Арпачии и тождественных этруским изделий урартских

мастеров на них указывают две реки Хабур (одна — приток Тигра, другая — приток Евфрата) и просто местные документы. Так, в XV веке до Р.Х. один касситский властитель упрекал ассирийского царя за изменнический союз с «хабиру», что, естественно, могло быть лишь при условии сопредельности владений ассирийского царя и этрусков-хиберов. Так что с семитом-этруском Нимродом-Ашуром все, в принципе, ясно. Неясно другое: как попал этот семит в хамитскую линию родословной, да еще как раз в ту ее ветвь, что берет свое начало от Хамова сына Куша? Недоумение этот генезис вызывает, кроме прочего, потому, что Куш — старинное название современного Судана, к которому Нимрод в привычном понимании его местожительства при всем желании никакого отношения иметь не мог. Вполне очевидно, что понятно: Ассирия не Судан. Все так. И все не так. Противоречие это можно снять, признав в Нимроде этруска-хибера.

Дело в том, что этруски были в Куше (Судане). Не знаю, в каком количестве и как долго, но были. Видимо, они прошли туда, минуя Египет: через Аравию и Баб-эль-Мандебский пролив. Кроме Библии о пребывании этрусков на земле Куша говорят местные данные, прежде всего — топонимика и культ. Например, суданский город Напата, долго служивший столицей Кушитского царства, слишком напоминает своим названием урартскую родину Иафета — город Непат, а также римскую колонию в Этрурии Непету, чтобы не заподозрить в этрусках основателей кушитского города и сделать яснее наметившийся треугольник Урарту — Куш — Этрурия.

Еще более интересный материал для размышлений дает кушитский пантеон, начиная с главы его — Дедуна. Это божество проходит в библейской родословной как внук Куша, и его поневоле хочется сопоставить с внуком Иафета Доданимом, которого мы давно уже отождествили со старейшим пеласгийским культовым центром Греции — Додоной.

Ной проклинает Хама

Но самая замечательная фигура кушитского пантеона — таинственное божество Мандулис. Специалисты давно ищут разгадку происхождения этого божества, но единственно, на чем сошлись мнения, — он иностранец, а местные жители называли его «великим владыкой чужеземных стран». Иное дело, какие именно чужеземные страны имели в виду древние кушиты. Теперь, ориентируясь на указания библейской родословной, можно предположить, что под ними разумелись исконные этрусско-пеласгийские территории.

Скорее всего, суданский Мандулис — это этрусский Мантус (в греческой версии — пророчица Манто, дочь этруска-тирсена Тиресия). Когда в первые века от Р.Х. римские legionеры пришли в Судан, они, вскормленные на молоке этрусской культуры, сразу же признали Мандулиса, несмотря на сильно египтизированный внешний вид, и воздали этому второстепенному божеству кушитского пантеона такие почести, каких не удоставляли всех богов Египта и Куша, вместе взятых.

В гимне одного римского legionера Мандулису есть такие выразительные строки: «Итак, сияющий великий Мандулис спустился с Олимпа, очаровав варварской речью эфиопов, и заставил петь сладостными словами Эллады». Приведенными словами принято иллюстрировать предположение о включении кушитского Мандулиса в греческий пантеон, что противоречит самому содержанию текста, да и просто не могло быть. Смысл данного текста совершенно ясен — божество двигалось в обратном направлении: из Эллады в Куш. Его движение в этом направлении несколькими веками ранее отмечала еще «Илиада». Объясняя Ахиллу отсутствие Зевса, богиня Фетида говорила:

Зевс-громовержец вчера к отдаленным водам Океана

С сонмом бессмертных на пир к эфиопам отшел непорочным.

Позднее, во времена создания «Одиссеи», олимпийцы уже покинули эфиопов, за исключением одного — Посейдона, верховного божества пеласгов. Поэтому, объясняя, почему Одиссею везло на первых порах после его отплытия с острова нимфы Калипсо, Гомер писал:

...Посейдон лишь единый упорствовал гнать Одиссея,

Но в то время он был в отдаленной стране эфиопов

(Крайних людей, поселенных двояко: одни, где нисходит Бог светоносный, другие, где всходит), чтобы там от народа Пышную тучных быков и баранов принять гекатомбу.

Там он, сидя на пиру, веселился; другие же боги
Той порою в чертогах Зевесовых собраны были.

Данный отрывок интересен не только констатацией факта особой приверженности эфиопов пеласгийскому божеству, но и тем, что здесь Гомер, вопреки расхожему мнению, продемонстрировал неплохое знание географии: конечно, сидя в Судане, трудно увидеть плывущего по Средиземному морю Одиссея, поэтому беды хитреца начались лишь тогда, когда, как мы знаем, Посейдон переселился из Куша на Солимские горы Палестины, с которых это море видно действительно как на ладони.

Что ж, видимо, в Библии одновременное включение этруска Нимрода-Ашура и в число семитов, и в число кушитов было актом осмысленным и достаточно последовательным. Называя отправную точку (Ашур) и конечную (Куш), Библия просто отразила движение этруско-хиберов с севера Месопотамии (вероятно, из Урарту) на территорию Судана. Прямая линия между урартским городом Непатом и суданской столицей Напато — вот их маршрут. Проход хиберов через Палестину зарегистрировала эль-амарнская переписка, а память о пребывании в Куше сохранили местная топонимика и культ. Так что все сходится, и остается лишь удивляться точности библейских информаторов.

Хам. Нельзя сказать, что при изучении истории «народов моря» Библия совсем не привлекается. Привлекается, но как побочный, второстепенный источник. При этом библейская генеалогия не используется совсем. А жаль. В ней, точнее, в ее хамитской линии зафиксирована с исключительной полнотой география распространения этруско-пеласгийского народа на Ближнем Востоке и северо-востоке Африки, описанная сразу же вслед за окончанием филистимлянской «конкисты» в Египте (Мицраим), Судане (Куш), Палестине (Канаан).

И чтобы такое истолкование хамитской родословной не выглядело более или менее произвольным, опирающимся лишь на один источник, по доброй традиции проверим его Гомером. В третьей песне «Одиссеи» повествуется о том, как флот возвращавшегося из-под сожженной Трои царя Менелая попал в бурю и почти полностью был уничтожен, дальше же произошло вот что:

Пять остальных кораблей темноносых, похищенных бурей,
Ветер и волны ко берегу Египта примчали.
Там Менелай, собирая сокровищ и золота много,
Странствовал между народов иного языка.

Меж каких народов он странствовал, позднее рассказывал сам Менелай:

...претерпевши немало, немало скитавшись, добра я
Много привез в кораблях, возвратясь на осьмой год в отчизну.
*Видел я Кипр, посетил финикиян, достигнув Египта,
К черным проник эфиопам, гостил у сидонян, эрембов;
В Ливии был...*

Менелай не сказал, зачем ему понадобилось проникать к черным эфиопам, когда его дом находился в прямо противоположной стороне, и как достались ему богатства, но, судя по современным Менелая египетским документам, отмечавшим, что нападавшие пришли в Египет в поисках «пищи для рта своего», странствия его преследовали вполне определенную и отнюдь не бескорыстную цель.

Генеалогия. Кажется, пора подвести итог и, вновь сведя вместе Сима, Хама и Иафета, попытаться ответить на главный вопрос: каковы задачи и природа библейской родословной?

Даже самые правоверные библеисты редко характеризовали запечатленную в книге «Бытия» генеалогию как-либо иначе, нежели бред на тему мирового этногенеза. И в привычном ее понимании эта мешанина из противоестественно породненных народов и племен вряд ли могла рассчитывать на иную оценку. Подлинную ценность генеалогии всегда видели в другом: в якобы присущем ее авторам желании приподняться над обычной для других родословных национальной замкнутостью и дать нечто похожее на универсальную концепцию происхождения всего человеческого рода. Что, в самом деле, следовало бы признать уникальным, крайне отрадным явлением, если бы оно имело место. Но чего нет, того нет. Реальность оказалась намного прозаичнее. Подобно другим, библейская генеалогия посвящена одному народу, хотя и великому, — этрусско-пеласгийскому, т.е. совсем не тому, которому привычно приписывается ее авторство.

Но не будем огорчаться. Потеряв ореол универсальности, библейская родословная много приобрела, прежде всего — смысл и цельность, которых ей так недоставало и без которых клеймо бреда, вероятно, продолжало бы безобразить ее в действительности достаточно строгий и последовательный вид. Более того, в качестве сугубо этрусско-пеласгийской родословной библейская родословная скорее выиграла, чем проиграла. Вместо карикатуры на доктрину мирового этногенеза она стала крупнейшим памятником истории самого загадочного из индоевропейских народов,

каждое упоминание которого в литературе обычно сопровождается эпитетами «легендарный», «таинственный» и т.д.

Начав свое повествование с характерной для преданий многих индоевропейских народов фигуры прародителя Ноя и с прародины — Урарту («гор Араратских»), генеалогия последовательно отметила основные этапы длившегося не менее трех тысячелетий процесса расселения и дробления филистимлянской нации. Сим и его потомки стали олицетворением ее азиатской ветви, Иафет с сыновьями — европейской, а Хам — судьбы обеих на Ближнем Востоке и Африке. Поэтому теперь остается выяснить одно — сам механизм передачи предания из рук филистимлян в руки иудеев.

Давид. Филистимляне пришли на землю Палестины раньше иудеев и обосновались столь прочно, что, несмотря на все усилия последних, им так и не удалось изгнать своих предшественников, хотя планы такие безусловно имелись (Нав. 15:45). Вообще появление израильтян в Палестине принято представлять как победное шествие вдохновленного верой, не знающего удержу в своем стихийном стремлении обладать Землей обетованной народа. В действительности поход этот больше походил на медленное и постепенное просачивание согнанного с насиженного места, бесприютного племени. С самого начала успехи древних евреев по завоеванию Палестины были весьма скромными, им даже не удалось взять Иерусалим, в чем с горечью признавались сами авторы Библии: «Иевусеев, жителей Иерусалима, не могли изгнать сыны Иудины, и потому Иевусеи живут с сынами Иуды в Иерусалиме даже до сего дня» (Нав. 15:63).

Не лучше выглядела дальнейшая история. Просочившиеся на землю Палестины иудеи почти сразу же и на долгие годы подпали под власть филистимлян (Суд. 14:4). Попытка сбросить с себя пеласгийское иго при первом израильском царе Сауле закончилась катастрофой и гибелью царя (1 Цар. 31). Параллельно политическому закабалению шло культурное, в последнем смысле настолько полное, что не только весь хозяйственный инструмент иудеев из-за отсутствия у них кузнецов изготовлялся филистимлянами, но и точить его приходилось у них же (1 Цар. 19 — 22).

Будем справедливы: не только израильтяне, но практически весь семитский этнос Ближнего Востока в большей или меньшей степени испытал на себе влияние филистимлян. Например, давно замечено, что именно после нашествия «народов моря» финикийцы всерьез занялись мореплаванием. Прошло еще какое-то время, и симбиоз филистимлян и семитского населения Ближ-

него Востока достиг таких степеней, что античный мир просто перестал отличать одних от других. Например, дельфийская пифия называла финикийцев «троянским народом», а римский историк Тацит уверял, что иудеи — выходцы с Крита.

Прав ли Тацит, нет ли — судить трудно, но очень похоже, что одно из самоназваний израильтян — «евреи» — действительно заимствованное. Обратим внимание, сама Библия поразительно редко пользуется этнонимом «евреи». Считанные разы, а знавшие израильтян народы не пользовались им совсем. Спрашивается: почему? Возможно, потому что он был чужим. А проживание этрусков-хиберов (*hiberi*) в Палестине, чье самоназвание мало отличимо от этнонима «евреи» (*ibrim*), объясняет, чьим именно (ср.: *лат. hebraeus* — еврей).

Избавителем иудеев от филистимлянского ига принято называть царя Давида. Однако в действительности дело, видимо, обстояло сложнее. Давид сам подолгу жил у филистимлян, скрываясь от Саула. И даже однажды чуть не предпринял участие в их походе на своих соплеменников (1 Цар. 29:1 — 3). Не изменил своих симпатий Давид и после воцарения: в его свите состояло не меньше 600 филистимлян (2 Цар. 15:18). Еще более характерен выбор столицы, где короновал себя царем Давид, — Хеврон. Этот город являлся старинным центром этрусков-хиберов. Видимо, к периоду правления «филистимлянствующего» царя Давида и следует отнести момент передачи генеалогии этрусков и пеласгов в руки их вассалов — иудеев. Молодой, энергичный, но безродный Давид вполне мог из честолюбивых видов приписать себя к народу, определявшему в его время политический и культурный климат Палестины.

Разумеется, мог — еще не значит приписал. Чтобы пойти на такой подлог, мало было простого осознания своей политической зависимости, требовалось серьезное знакомство с культурой сюзерена израильтян. Однако в этой области Давид был подготовлен как никто, он, кажется, даже знал «Илиаду». Конечно, «Илиады» в том виде, в каком она предстает перед нами сейчас, во времена Давида еще не было, однако сюжеты и отдельные песни, положенные потом в основание знаменитой поэмы, уже, безусловно, существовали. Так вот, с ними-то и был знаком Давид. Убеждает в этом наиболее знаменитый эпизод биографии израильского царя: его поединок с Голиафом.

Кому не известна эта история, вдохновлявшая на создание шедевров многих художников Возрождения? В преддверии одной из битв между филистимлянами и иудеями вышел из филистим-

лянских рядов гигант по имени Голиаф и стал выкликать себе поединщика, насмехаясь над иудеями. Не нашлось в израильском стане никого, кто бы решился принять вызов. По счастью, тогда в ряды израильтян затесался случайно оказавшийся на поле брани подросток Давид. Он принял вызов и, кинув в голову Голиафа камень из пращи, убил гиганта (1 Цар. 17:1 — 51).

Повторяю, история эта известна всем, но очень немногие знают, что Голиаф гибнет в Библии не один раз, а дважды. Впервые от рук Давида, а потом еще раз, много позднее, от других рук, в другой битве, в которой сам сильно постаревший Давид едва не заканчивает свои дни под рукой филистимлянина (2 Цар. 16 — 19). В какой из битв погиб Голиаф на самом деле, читатель волен решать по своему усмотрению. Но я бы выбрал второй вариант. И дело здесь не только в том, что рассказ о второй гибели Голиафа, неприязательный, лишенный романтических красок, более правдоподобен, но и в том, что первая версия, выставившая израильского царя в выгоднейшем свете, сильно отдает плагиатом.

Точно такая же история рассказывалась еще под Троей. Когда никто из данайцев не смел выйти на единоборство с троянским героем Гектором, старец Нестор рассказал данайцам одну из историй своей молодости. Будто некогда сошлись на плодородных полях Пелопоннеса два войска; впереди одного из них стоял богатырь Эревлион, «богу подобный», выкрикивал он себе поединщика, но все трепетали, и выйти не решился никто. Вызов принял тогда совсем еще юный Нестор. Вот как описывает эту историю в «Илиаде» Гомер:

Вспыхнуло сердце во мне, на свою уповаю отвагу,
С гордым сразиться, хотя между сверстниками был я и младший.
Я с ним сразился, — и мне торжество даровала Афина!
Большого всех и сильнейшего всех я убил человека!
В прахе лежал он, огромный, сюда и туда распростертый.

Не правда ли, узнаваемый сюжет? Юннейший принимает вызов поединщика, перед которым все трепещут, и побеждает. Можно даже довольно точно сказать, от кого услышал Давид эту рассказанную под Троей историю: от филистимлянского царя, носившего очень характерное имя — Анхуз.

Если бы древние римляне взяли на себя труд вчитаться в Библию, думаю, они очень удивились бы, обнаружив имя Анхуза на страницах иудейского Священного Писания. Потому что соответствующее Анхузу имя — Анхиз — носил их собственный легендарный предок. Анхизом звался престарелый троянский

герой, которого на плечах вынес из горящей Трои его сын Эней, родоначальник римской аристократии.

В античных источниках, кажется, нигде не говорится, что Анхиз после гибели Трои переселился в Палестину, но известно, что он вместе с сыном некоторое время жил на Крите — главной морской базе филистимлян. Поэтому, взяв на себя смелость оспорить мнение Вергилия, будто Анхиз умер на Сицилии, можно предположить, что троянский герой под именем Анхуза окончил свои дни в Палестине. Во всяком случае, такая версия хорошо объясняет специфику культурного багажа царя Давида. Давид состоял телохранителем Анхуза (1 Цар. 28:2) и за время прохождения службы вполне мог наслушаться от словоохотливого старика разных троянских побасенок, историй и преданий, которыми потом, по воцарении, украсил свою биографию. Кроме лстящей самолюбия Давида, но политически бесполезной переделки истории поединка юного Нестора с Эревлином в нее, конечно, попало нечто более значительное — легендарная родословная филистимлян, дающая полное этно-юридическое обоснование его притязаний на абсолютную власть. Не будем к Давиду слишком строги: такие приписки были в древности явлением обычным — взять хотя бы русских царей, возводивших свой род к императору Августу. По той же схеме и с теми же намерениями, видимо, действовал Давид, заимствуя у филистимлян генеалогию и приписывая себя к славному роду семитов, т.е. азиатской ветви этрусков-хиберов.

«Шестоднев». Нам нет необходимости ограничивать генеалогией круг заимствованных Библией у филистимлян преданий. Если их влияние на древних иудеев было действительно так велико, как кажется, сфера заимствований должна была выйти далеко за пределы этнографических легенд. Что ж, возьмем, для кратости несколько сжав, всем известный библейский «шестоднев»: «В начале сотворил Бог небо и землю... день один.

И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды... И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так. И назвал Бог твердь небом... день второй.

И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша... день третий.

И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной для отделения дня от ночи... день четвертый.

И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной...

И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее... день пятый.

...И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их... день шестой.

Так совершены небо и земля и все воинство их. И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмый от всех дел Своих, которые делал» (Быт. 1 — 2).

Обновив в памяти библейскую космогонию, сравним ее теперь с этрусской космогонией, записанной в лексиконе «Суда» под словом «Тиррения»: «Тиррения, страна, и Тиррены, называемые тусками. Их историю написал ученый муж. Он рассказывал, как бог — создатель всего — на протяжении 12 тысяч лет трудился над всеми своими творениями, которые он разместил в 12 так называемых обиталищах. В первое тысячелетие он создал небо и землю. Во второе — всю видимую небесную твердь, в третье — море и все воды, текущие по земле, в четвертое — великие светила, солнце и луну, и звезды, в пятое — всю живность, летающую и пресмыкающуюся и четвероногих, в воздухе, и на земле, и в воде — человека. Как явствует, первые 6 тысячелетий ушло на создание человека, остальных же шесть уйдет на жизнь человеческого рода, покуда не истечет все время до исполнения двенадцати тысячелетий».

Что тут сказать? Просто указать на поразительное сходство обеих космогоний будет, прямо признаться, повторением пройденного. Этрусковеды давно обратили внимание на него и отметили не только структурно-смысловое тождество, но и буквальные текстологические совпадения. Иной вопрос, как они все это истолковали. А объяснение довольно-таки простое: поскольку автор лексикона жил в христианскую пору (X век), то совпадения явились результатом переноса конспекта библейского текста в текст лексикона. Слишком простое объяснение. В нем многое смущает: почему именно этрускам приписал «Суда» библейский «шестоднев»? Как такой серьезный автор рискнул на грубую подделку текста, который в его время знали даже дети? Зачем вообще понадобилось это делать? Наконец, совершенно непонятно, почему, идя на столь откровенную фальсификацию, он одновременно подделал ее с тонким знанием этрусской числовой символики?

Вероятно, читатель обратил внимание на единственное отличие сравниваемых космогоний — лишний седьмой день покоя в библейской версии; если гнаться за точностью терминологии, то

название «шестоднев» вообще заслуживает не библейская, а этрусская космогония. Что весьма примечательно, потому что цифра 6 здесь имеет очень четкую этническую привязку, и не к иудеям, а к этруским. Дело в том, что вся жизнь этруска была подчинена цифре 12. Он жил в одном из двенадцати городов этрусской федерации, двенадцать ликторов сопровождали его царя, сама жизнь человека, вселенной, государства вписывалась им в двенадцатичленный цикл. Этрусские гадатели, например, предсказали Римскому государству 12 веков существования и, что самое удивительное, попали в точку: от основания Рима (754 год от Р.Х.) до падения империи (476 год от Р.Х.) действительно прошло немногим более двенадцати веков.

Видимо, расхождение во взглядах на магию числа у древних иудеев и этрусков, в свою очередь, обусловило небольшое расхождение между обеими космогониями. Полностью приняв этрусский «шестоднев», библейские редакторы не приняли в нем только числовую символику и добавили один день покоя, доведя таким образом число дней до привычной им священной семерки.

Впрочем, этрусский сакральный подход к цифре 12, видимо, все-таки оказал известное влияние на иудейские представления о магии числа, недаром израильтяне делили свой народ на 12 колен. А 12 апостолов евангельского предания? Ведь их коллегия — копия коллегии 12 богов этрусского пантеона.

Новый Завет. В новозаветной истории этруски определили не только число апостолов, но практически всю образную структуру жизнеописания ее главного героя — Иисуса — от колыбели до креста. Рождественское предание о появлении Христа на свет в пещере, приспособленной под хлев, — это рассказанная в Палестине старинная легенда пеласгов-данайцев о рождении их предка Эпафа. Греческий географ Страбон, побывав на острове Эвбея, потом упомянул в своем труде пещерный храм, так и называвшийся «Хлевым» (Βους Αυλε), в котором, по преданию, у обращенной в белую корову возлюбленной Зевса Ио родился пращур пеласгов Эпаф.

К сожалению, распятие Христа не миф, а реальность. Но реальность, также обусловленная этрусско-пеласгийской культовой традицией. Хотя распяли назаретского пророка римляне, но их самих распинать людей на крестах научили этруски, точнее, первый среди римских царей этруск — Тарквиний Приск. Много позднее римский историк Тит Ливий описал, как неприятно поразил римлян, сперва на себе испытывавших его преимущества, этот вид казни.

Вместе с тем было бы большим заблуждением видеть в кресте только род казни. Судя по латинскому слову, обозначающему

крест (gabalus), однокоренному латинскому habeo (иметь, питать) и древнееврейскому gub (поле, пахота), описанный в Евангелии трагический финал жизни галилейского плотника представляет собой старинный обряд плодородия у этрусков, центральным моментом которого было ритуальное убийство царя на кресте — образе мирового дерева, дерева жизни.

Можно даже довольно уверенно сказать, кто в Палестине еще до римлян перенял у этрусков и ввел в практику иудеев этот жестокий обряд. Это сделал все тот же «филистимлянствующий» царь Давид. Кончина его сына Авессалома, сначала коронованного в Хевроне, потом повешенного на древе и убитого в таком положении (2 Цар. 18), явилась первым, но, увы, не последним опытом в этом роде. Отсюда становятся понятными и описанные в Новом Завете крики иерусалимской толпы при виде совершенно не знакомого им Христа — «Осанна сыну Давида (Авессалому)!» — и неожиданная реакция самого славимого в этот момент — плач и горькие слова пророчества в адрес Иерусалима (Лк. 19:41 — 44).

Благодаря этруско-пеласгийской традиции, думаю, можно приписать и ту скорость, и ту безболезненность, с какими христианство распространилось в границах вполне определенного ареала быстро и безболезненно. Как бы ни приписывался этот факт гуманности и универсальности доктрине христианства, определенность территориальной избирательности христианства говорит о другом. Без помощи властей и даже вопреки им христианство заняло господствующее положение точно в пределах ареала, некогда обжитого этруско-пеласгийским племенем и очерченного библейской генеалогией: запад Азии (от Кавказа до Индостана), север Африки (от Эфиопии до Марокко), юг Европы. Так что на начальном этапе успех христианства обуславливался, скорее всего, не универсальностью доктрины, а узнаваемостью ОБРАЗА даже не для сознания, а для подсознания всех тех народов, чья культура опиралась на этруско-пеласгийский субстрат, ко времени Понтия Пилата уже, вероятно, исчезнувший с лица земли.

Итог. Вот и пришло время остановиться. Тема влияния филистимлянской традиции на жизнь Древнего Средиземноморья бесконечна. Неисчерпаема она даже в том случае, если ограничиться ее библейскими отголосками. Библия — крупнейший из ныне доступных памятников этруско-пеласгийской культуры, и выявление всех следов ее в этом памятнике — дело будущего. Поэтому подведем итог. Кратко он может быть сформулирован

следующим образом: есть веские основания думать, что источниками значительной части Библии послужили предания, мифы, представления филистимлян. Сказанное в первую очередь касается «шестоднева», потопной легенды, генеалогии. Кроме того, косвенное их влияние ощущается практически во всех частях Библии — вплоть до книг Нового Завета.

При всей новизне такого вывода ничего, в принципе, неожиданного в нем нет. Странно обратное: почему Библия, скрупулезно обследованная на предмет египетского и вавилонского влияния, до сих пор не исследовалась с точки зрения влияния на нее этрусков и пеласгов? Филистимляне прожили бок о бок с иудеями несколько столетий, непосредственно предшествующих созданию Библии, с их помощью закладывалась основа государственного строя древних евреев и соответствующего ритуала. И разумеется, взаимные контакты двух народов не ограничивались государственной, военной и хозяйственной сферами. Приведенные примеры — лишь малая толика культурных ценностей, перешедших из одних рук в другие.

Вместе с тем следует признать: лучшая часть иудейства отдавала филистимлянам должное. Когда утихла межнациональная рознь, пророк Исайя, громя своих соплеменников за нечестие, предрекал, что Бог наберет себе избранников и пошлет «спасенных от них к народам: **в Тарсис, к Пулу и Луду, к натягивающим лук, к Тубалу и Иавану**» (Ис. 66:19). И надо ли объяснять, чего стоит это обещание в контексте всего прежде сказанного? И надо ли объяснять, почему, прозревая грядущее спасение, единственными, о ком вспомнил Исайя, оказались этруски (Тарсис), пеласги (Пул), лидийцы (Луд), арии («натягивающие лук»), индоевропейцы-тибарены (Тубал), ионийцы (Иавана)?

Я убежден: всем нам, так или иначе причастным к этруско-пеласгийской культуре, не грех вспомнить и отдать должное этому великому народу-первооткрывателю, учителю всех наших учителей.

ЛИТЕРАТУРА

Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. М., 1983.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема//Вестник древней истории. 1980. № 3.

Дюмезель Ж. Верховные боги индоевропейцев. М., 1986.

Жиров Н. Ф. Атлантида. М., 1964.

Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков: В 2 т. М., 1976.

Зайдлер Л. Атлантида. М., 1966.

Комарович В. Л. Китежская легенда. М.; Л., 1936.

Кондратов А. М. Атлантика без Атлантиды. Л., 1972.

Кондратов А. М. Великий потоп. Л., 1982.

Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978.

Мифы народов мира: В 2 т. М., 1988.

Солярский П. Ф. Опыт библейского словаря собственных имен: В 5 т. СПб., 1879—1887.

Фрэзер Дж. Дж. Фольклор в Ветхом Завете. М., 1985.

Хейердал Т. Древний человек и океан. М., 1982.

Юань Кэ. Мифы Древнего Китая. М., 1965.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Абхаз. — абхазский
авест. — авестский
аккад. — аккадский
алб. — албанский
алт. — алтайский
англ. — английский, древнеанглийский
а-сак. — англосаксонский
араб. — арабский
арийск. — арийский
баск. — баскский
берб. — берберский
бирм. — бирманский
букв. — буквально
вахан. — ваханский
герм. — германский
греч. — древнегреческий
драв. — дравидский
египт. — египетский
и-е. — индоевропейский
инд. — ведический и санскрит
иран. — иранский
исл. — древнеисландский
исп. — испанский
казах. — казахский
калм. — калмыцкий
канд. — каннада
кельт. — кельтский
кит. — китайский
копт. — коптский
кор. — корейский
крит. — критский
курд. — курдский
лат. — латинский
лит. — литовский
малаз. — малазийский

манж. — маньчжурский
меланез. — меланезийский
монг. — монгольский
нем. — немецкий
папуа. — папуасский
пелаз. — пелазгийский
перс. — персидский
полинез. — полинезийский
праслав. — праславянский
рум. — румынский
рус. — русский и древнерусский
сак. — саксонский
семит. — семитский
с-хв. — сербо-хорватский
сканд. — скандинавский, древнескандинавский
слав. — славянский
суах. — суахили
тагал. — тагальский
таит. — таитянский
тюрк. — тюркский
укр. — украинский
урал. — уральский
фин. — финский
фрак. — фракийский
фриг. — фригийский
фриз. — фризский
хатт. — хаттский
хетт. — хеттский
чагат. — чагатский
чечен. — чеченский
чеш. — чешский
шумер. — шумерский
эвенк. — эвенкийский
япон. — японский

СОДЕРЖАНИЕ

«Есть земля, истребляющая обитающих на ней»	5
Ог Васанский	35
Великое древо мифа	57
Град Китеж	93
От Китежа до ковчега	119
Атлантида-арика, или Народ дольменов.....	147
Атлантида-пеласгия, или Народ мегалитов	179
Феномен потопа (Эпилог)	205
Приложения	
Приложение № 1. Англичане в Перу	212
Приложение № 2. У Ноя было три сына... этруска	223
Литература.....	261
Условные сокращения	262

**Тайны
древней мифологии
не перестают
будоражить умы
читателей.**

**Оригинальность этой книги
в том, что легенды
о Всемирном потопе,
миф об Атлантиде,
русское сказание о граде Китеже
связаны общностью происхождения
и развития и превратились
в гигантское дерево великого мифа
о потопе. В новом свете увидятся
и по-новому зазвучат хорошо известные
библейские, греческие, индийские, русские
мифы и предания.**

ISBN 5-94736-040-3

9 785947 360400